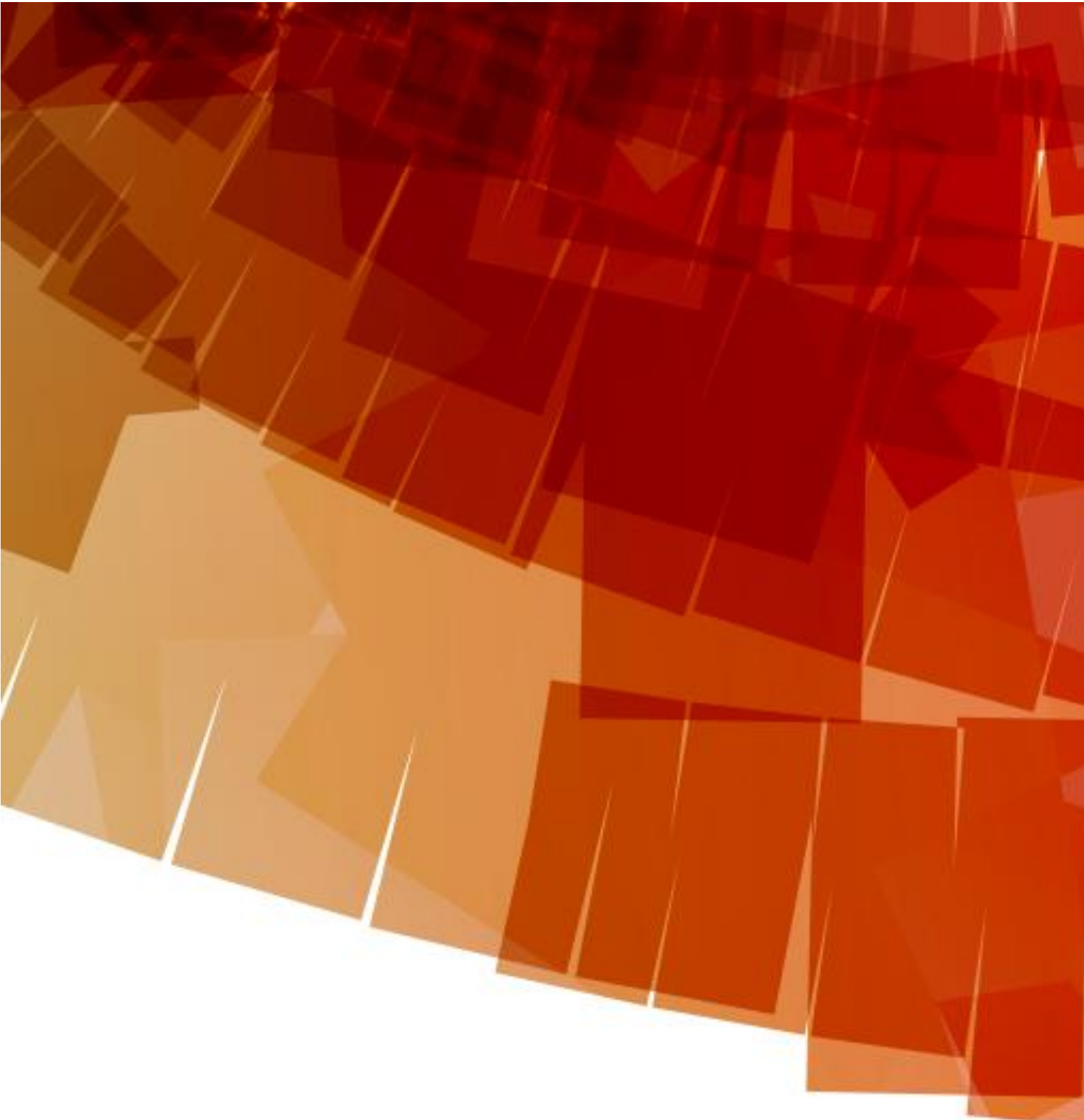

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+

«Праксиология»

«Praxeology»

20.05.2026

Редакционный совет / Editorial Board:

Суровцева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief

Ананченко Полина Игоревна, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко

Ananchenkova Polina Igorevna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

Афанасьев Максим Владимирович кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;

Afanasyev Maxim Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;

Бочкарева Екатерина Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;

Журавлева Евгения Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Кудринская Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Kudrinskaya Irina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Куницына Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;

Kunitsyna Svetlana Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;

Лукина Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;

Lukina Anastasia Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;

Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук,

доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;

Neverov Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Резаков Максим Равильевич, кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;

Rezakov Maxim Ravilevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;

Сухонос Александр Петрович, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Sukhonosov Alexander Petrovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;

Trushkova Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;

Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Churin Vladimir Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ОГЛАВЛЕНИЕ**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

1. КОНОЧКИНА М.В., АФАНАСЬЕВА О.В. КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИГР НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	5
2. ЦЗЫН ЦЗЫМЭН. СТИЛЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕПЕРТУАРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ БУДУЩИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НА УДАРНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ	10
3. КОЗИНЦЕВ М.А. ЭВОЛЮЦИЯ КИНОЖАНРОВ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ: СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМЫ, КОМЕДИИ АБСУРДА И АНТИУТОПИИ	14
4. КОЗИНЦЕВ М.А. ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕРОЯ СОЦРЕАЛИЗМА: КАК КИНО ПЕРЕСТРОЙКИ СОЗДАЕТ СОВЕРШЕННО НОВОГО ЭКРАННОГО ГЕРОЯ	20
5. КОЛОМИЕЦ В.В. СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ.....	24
6. ПРОСКУРИНА Д.А. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ «РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО» ПЕРСОНАЖА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ.....	29
7. ОСМИНКИН М.А. НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ	34
8. ЛЕСНИКОВА Г.Н., ЮНАКОВСКИЙ Н.С. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ В ФИТНЕСЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ	40
9. СЕЛИОНОВА А.А. РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ОСНОВЕ STEAM-ПОДХОДА В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ..	45
10. ДОРОСИНСКАЯ А.М., АБЛЯКИМОВА Э.Э. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУ КАС РФ И ГПК РФ: СИСТЕМА ПРАКТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ	53
11. МИРОНОВА А.Н. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР И ИХ ПЕРЕВОДА С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ»)	59
12. ВЕНИСЯЦКАЯ Ю.М. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ РАССТРОЙСТВА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СВЯЗАННОГО С НИМ НАБОРА ЛИШНЕГО ВЕСА У ЖЕНЩИН..	63

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

13.БЕРЕЗИН П.В. РЕАЛИЗАЦИЯ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ «САХАЛИН-1» И «САХАЛИН-2» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	68
14.ЯН ИЛИНЬ. КАК ФИДЖИТАЛ-РОЗНИЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРУЮТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ И ЛОЯЛЬНОСТЬ К БРЕНДУ У ПОКОЛЕНИЯ Z В СЕГМЕНТЕ ЛЮКСОВОЙ МОДЫ: ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ТАМ–ЕСТ–SOR	74
15.СОЛОВЬЁВА Я.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	78
16.ГАДЖИЕВ И.И. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОТРАСЛЕВОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ.....	83
17.БЕЛИМОВА В.В. ПОНЯТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ СВОЙСТВА	90
18.ФЕДОСЕЕВА Т.С. УДЕРЖАНИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	95
19.ЯН ИЛИНЬ. ФИДЖИТАЛ-РИТЕЙЛ В ЛЮКСОВОЙ МОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ТАМ, ЕСТЬ И SOR И НАПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	102
20.БОКОВ Д.А., ПАВЛОВ П.В. ВИРТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	107
21.ЖАРКОВСКАЯ П.О. ЭФФЕКТ ХРАПОВИКА: АСИММЕТРИЧНАЯ РЕАКЦИЯ ЦЕН И ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ НА ИЗМЕНЕНИЯ СОВОКУПНОГО СПРОСА	112
22.МОХАСИН Я.Я. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ	117
23.ПЕРОВ Д.А. ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ	122
24.ПЕРОВ Д.А. АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ПОСТАВКЕ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ ПОТРЕБИТЕЛЯМ	126
25.ПОЗДЕЕВА В.С. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ	130
26.ЗЕЙНАЛЛЫ Ф.Я., ВИННИЧЕНКО А.С. ИННОВАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	136
27.ПРИСТАНСКАЯ А.В., МАРУСЕНКО Т.В. РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА И ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	141
28.МИШЕНИН А.А. ДОВЕРИЕ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ.....	145
29.БОБРОВСКАЯ А.Н. ВИНДИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	151
30.ПЕСТОВА А.Н. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ (ОМС) : СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ	155

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Коночкина М. В.

аспирант

АНО ВО «Московский гуманитарно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт»

Афанасьева О.В.

кандидат филологических наук, доцент

АНО ВО «Московский гуманитарно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт»

Konochkina M.V.

Postgraduate Student

Moscow Information Technology University –
Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

Afanasyeva O.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Moscow Information Technology University –
Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИГР НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается важнейший аспект успешного обучения - формирование коммуникативной компетенции, то есть способности использовать язык как средство общения. Представленная статья посвящена исследованию роли грамматических игр в развитии коммуникативной направленности обучения английскому языку в начальной школе. В статье анализируются теоретические основы использования игровых технологий на уроках английского языка, рассматриваются различные типы грамматических игр, ориентированных на коммуникацию, и предлагаются конкретные методические рекомендации по их применению.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, грамматические игры, английский язык, игровая деятельность, мотивация, речевое общение.

COMMUNICATIVE FOCUS OF GRAMMAR GAMES IN PRIMARY SCHOOL ENGLISH CLASSES

Abstract. the article considers the most important aspect of successful learning - the formation of communicative competence, that is, the ability to use language as a means of communication. The presented article is devoted to the study of the role of grammar games in the development of the communicative orientation of teaching English in elementary school. The article analyzes the theoretical foundations of the use of game technologies in English lessons, examines various types of grammar games focused on communication, and offers specific methodological recommendations for their application.

Keywords: communication competence, grammar games, English language, play activities, motivation, speech communication.

Введение

В современном образовательном процессе особое значение приобретает коммуникативный подход к обучению иностранным языкам, особенно на начальном этапе. В условиях модернизации российского образования формирование коммуникативной компетенции становится одной из ключевых задач, поскольку именно она обеспечивает практическое владение языком, а также способствует всестороннему развитию личности младшего школьника. В этом контексте грамматические игры с коммуникативной направленностью выступают не только как средство усвоения языковых структур, но и как инструмент развития навыков реального общения, преодоления языкового барьера и повышения мотивации к изучению английского языка [1].

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в младшем школьном возрасте игра остаётся ведущим видом деятельности, что позволяет сделать процесс обучения естественным и увлекательным. Во-вторых, современные требования к образовательным результатам предполагают не только знание грамматических правил, но и умение применять их в ситуациях живого общения. В-третьих, использование коммуникативных грамматических игр способствует созданию благоприятной психологической атмосферы на уроке, развитию коллективизма, снижению тревожности и формированию устойчивой мотивации к изучению иностранного языка. Таким образом, исследование коммуникативной направленности грамматических игр на уроках английского языка в начальной школе отвечает запросам времени и позволяет повысить эффективность обучения, сделав его личностно-ориентированным и практико-ориентированным.

В начальной школе освоение иностранного языка представляет собой сложный, но увлекательный процесс. Однако традиционные методы зачастую ориентированы на запоминание грамматических правил и лексики, что может привести к пассивности учащихся и отсутствию мотивации к реальному общению. Грамматические игры, в отличие от стандартных упражнений, позволяют погрузить детей в игровую ситуацию, где грамматические структуры усваиваются в контексте живого диалога, решения проблем и взаимодействия с одноклассниками. Такая игровая форма активизирует познавательный интерес, способствует формированию устойчивых речевых навыков и преодолению психологических барьеров, связанных с говорением.

Основная часть

Игровые задания способствуют не только закреплению грамматических конструкций, но и развитию навыков спонтанной речи, коллективного взаимодействия и самостоятельности учащихся.

Грамматические игры на уроках английского языка в начальной школе играют ключевую роль в формировании коммуникативной компетенции учащихся. Такие игры не только способствуют усвоению грамматических структур, но и создают условия для их активного использования в ситуациях, приближенных к естественному общению. Коммуникативные игры позволяют моделировать реальные речевые ситуации, что способствует активизации лексико-грамматического материала и развитию навыков иноязычного общения.

Особое внимание уделяется созданию благоприятной атмосферы на уроке, где каждый ребенок чувствует себя уверенно и свободно выражает свои мысли. [2].

Коммуникативная направленность игр на уроках английского языка означает, что основная цель игры – не просто отработка грамматической формы (например, правильное употребление артиклей или окончаний глаголов), а использование этой формы в реальной или имитированной ситуации общения. Ученик должен понять, зачем ему нужна данная грамматическая структура, как она помогает ему передать мысль, выразить просьбу, задать вопрос или ответить на него.

Грамматические игры эффективны в начальной школе по нескольким причинам:

1. естественность обучения: дети учатся лучше всего через игру. Грамматические игры позволяют осваивать правила не путем зубрежки, а через интуитивное понимание и практическое применение.

2. мотивация и интерес: игровой формат снимает страх ошибки, повышает вовлеченность и делает урок более динамичным и захватывающим.

3. ситуативность: игры часто моделируют реальные жизненные ситуации, где грамматика является инструментом для достижения определенной цели (например, покупка в магазине, знакомство, планирование).

4. сотрудничество: многие игры предполагают парную или групповую работу, что способствует развитию навыков командного взаимодействия и взаимной поддержки.

5. индивидуализация: некоторые игры позволяют каждому ученику работать в своем темпе, отрабатывая те грамматические конструкции, которые вызывают у него наибольшие трудности [3].

Для того чтобы грамматические игры имели реальную коммуникативную ценность, необходимо, чтобы они отвечали следующим требованиям.

1. Наличие коммуникативной задачи: ученики должны стремиться достичь определенной цели через общение.

2. Содержательность: игра должна побуждать к высказыванию, выражению своего мнения, предоставлению информации.

3. Свобода выбора: в идеале, игра должна предоставлять ученикам некоторую свободу в выборе реплик или действий.

4. Соответствие возрасту и уровню: игры должны быть понятны и интересны младшим школьникам.

Основные цели грамматических игр: тренировка учащихся в употреблении лексики и грамматики в ситуациях, близких к естественным; активизация речемыслительной деятельности и развитие речевой реакции; формирование умения практически применять грамматические знания; повышение мотивации и активности школьников на уроках.

Роль учителя.

Учитель должен тщательно продумывать правила игры, готовить необходимый раздаточный материал (карточки, листы), выбирать игры, соответствующие уровню и целям урока. Учитель выступает в роли организатора, направляет ход игры, помогает ученикам, если они испытывают трудности, но не доминирует. Важно следить за правильным употреблением грамматических структур, корректно исправляя ошибки, но при этом сохраняя позитивную игровую атмосферу. После игры полезно провести краткое обсуждение, отметить успехи, проанализировать типичные ошибки [4].

Суть коммуникативной направленности грамматических игр заключается в том, что грамматическая структура становится не самоцелью, а средством для достижения коммуникативной задачи. То есть, учащиеся используют грамматические конструкции не для того, чтобы продемонстрировать свое знание правила, а для того, чтобы успешно выполнить игровое задание, выразить свою мысль, понять собеседника. Например, игра "Who has got...?", где дети задают друг другу вопросы о наличии предметов, тренирует использование конструкции "have got" в вопросительной и утвердительной формах в реальной речевой ситуации. Такой подход позволяет перенести акцент с формального запоминания правил на их функциональное применение. Ученики не просто заучивают, как строится то или иное предложение, но учатся использовать эти конструкции в спонтанной речи, в диалогах, в решении коммуникативных задач. Это способствует более глубокому и осознанному усвоению грамматики, а также формированию уверенности в своих силах при использовании английского языка [5].

Игровые технологии способствуют преодолению языкового барьера и погружают учащихся в атмосферу реального общения. Они делают процесс обучения более увлекательным и менее утомительным, что особенно важно для младших школьников. Грамматические игры помогают не только закрепить материал, но и развивают социокультурную компетенцию, формируя у детей уверенность в использовании иностранного языка.

Практика показывает, что грамотно организованные грамматические игры значительно повышают эффективность обучения, стимулируют развитие речи и делают процесс изучения английского языка более осмысленным и радостным для младших школьников.

Использование грамматических игр на уроках английского языка в начальной школе обеспечивает целенаправленное формирование коммуникативной компетенции, способствует достижению практических результатов в овладении языком и поддерживает интерес к изучению английского. Такой подход способствует не только обучению, но и воспитанию личности школьника, формируя у него навыки сотрудничества и самостоятельного мышления [6].

Заключение

В ходе исследования было установлено, что коммуникативная направленность грамматических игр на уроках английского языка в начальной школе способствует не только эффективному усвоению грамматических структур, но и формированию у младших школьников навыков реального общения. Применение таких игр позволяет создать на уроке атмосферу доверия и сотрудничества, где каждый ребёнок чувствует себя активным участником учебного процесса, не боится ошибаться и стремится к самовыражению.

Грамотное использование грамматических игр с коммуникативной направленностью делает процесс обучения английскому языку более увлекательным, способствует эффективному усвоению материала и формированию у детей устойчивой мотивации к дальнейшему изучению языка.

Грамматические игры с коммуникативной направленностью обеспечивают частую повторяемость языковых форм в естественных ситуациях общения, что способствует автоматизации речевых навыков и развитию спонтанной речи. Кроме того, они способствуют развитию памяти, внимания, мышления, воображения и коллективизма, а также повышают мотивацию к изучению иностранного языка.

Особое значение имеет то, что в процессе игровых заданий дети учатся не только правильно употреблять грамматические конструкции, но и осознавать язык как средство общения, что соответствует современным требованиям к обучению иностранным языкам. Итоги исследования подтверждают: систематическое использование коммуникативных грамматических игр делает процесс обучения личностно-ориентированным, практико-ориентированным и эмоционально привлекательным для младших школьников, что способствует формированию устойчивой мотивации и коммуникативной компетенции.

Литература:

1. Жаркова Т.И. и др. Урок иностранного языка: традиции, инновации и перспективы. – Москва: ООО «Издательский центр «Перспектива», 2024. – 280 с.
2. Педагогическая инноватика и непрерывное образование в XXI веке. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции / Ч. 4. Профессиональное образование. – Киров: Вятский государственный агротехнологический университет, 2025. – 453 с.
3. Алмазова Н.И., Чичерина Н.В., Попова Н.В., Халяпина Л.П., Смольская Н.Б. Теория и методика обучения и воспитания: иностранные языки. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. – 153 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=74029051> (дата обращения: 11.03.2026).

4. Курочицкая А.В. Игра как средство формирования коммуникативной компетенции учащихся на уроках английского языка / Педагогическое призвание 2022. Сборник статей Международного профессионально-исследовательского конкурса. – Петрозаводск, 2022. – С. 88-95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48026607> (дата обращения: 10.03.2026).

5. Якимчук О.С. Особенности коммуникативных игр в процессе обучения коммуникативной грамматике студентов неязыковых факультетов вузов / Комплексные исследования детства. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 200-206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82354573> (дата обращения: 21.03.2026).

Цзын Цзымэн

аспирант

кафедра музыкального воспитания и образования

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

e-mail:2890143287@qq.com

Zing Zimeng

Postgraduate Student

Department of Music Education and Training

Herzen State Pedagogical University of Russia

СТИЛЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕПЕРТУАРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ БУДУЩИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НА УДАРНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования навыков стиливой интерпретации студентов – будущих исполнителей на ударных инструментах как комплексного показателя их профессиональной зрелости; на основе теоретического анализа стиливого подхода в музыкально-исполнительском искусстве характеризуется специфика его применения в процессе интерпретации репертуара для ударных инструментов как в сольной, так и в коллективной форме музицирования.

Ключевые слова: музыкально-исполнительское искусство, профессиональное музыкальное образование, стиль, стиливая интерпретация, профессиональная зрелость музыканта, исполнитель на ударных инструментах, репертуар, исполнительское мастерство.

STYLISTIC INTERPRETATION OF REPERTOIRE AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL MATURITY OF FUTURE PERCUSSION PERFORMERS

Abstract. This article examines the development of stylistic interpretation skills in students – future percussion performers – as a comprehensive indicator of their professional maturity. Based on a theoretical analysis of the stylistic approach in musical performance, the specifics of its application in the interpretation of percussion repertoire in both solo and group music-making are described.

Keywords: musical performance art, professional musical education, style, stylistic interpretation, professional maturity of a musician, percussion performer, repertoire, performance skills.

Современная система профессионального музыкального образования ставит перед собой задачу подготовки художественно компетентных музыкантов, способных интерпретировать музыкальные произведения в разных стилях и жанрах, в частности, овладеть навыками стиливой интерпретации. В данном контексте, стиливая интерпретация требует глубокого понимания стиливых особенностей и исторического контекста музыкального искусства, что является для музыкантов-исполнителей показателем их профессиональной зрелости. Для исполнителей на ударных инструментах заявленная проблема особенно актуальна, принимая во внимание многообразие инструментов перкуSSIONНОЙ группы и их различную функцию в музыкальных произведениях – от ритмической основы до тембрового обогащения и сольного высказывания.

Рассматривая теоретические основы исследования навыков стиливой интерпретации репертуара для ударных инструментов, автор обращает внимание на необходимость применения стиливого подхода, согласно которому способ выражения при воссоздании художественного образа должен соответствовать его содержанию, сохраняя при этом индивидуальность исполнителя. По мнению А.Ф. Григорьева, этот

«творческий процесс требует интеграции музыкальной интуиции, интеллекта и «стиле-слухового опыта» обучающегося, его эмоционального отношения к музыке и глубокого её понимания» [2, с.51].

Вместе с тем, при исполнении произведений различных эпох музыкант должен осознавать различия в трактовке темпа, манеры звукоизвлечения и художественного замысла. Например, по мнению А.В. Никитина, литавры в симфониях Бетховена и Моцарта требуют особого подхода, который часто проверяется на профессиональных прослушиваниях [3].

Характеризуя репертуар для солирующей маримбы (М. Миха «Время для маримбы», А. Тайра «Меркурий», Н. Заградник «Концерт для маримбы с оркестром»), необходимо отметить, что у студента в процессе изучения данных произведений развивается полифоническое мышление, выносливость, он овладевает навыками драматургии крупной формы.

Репертуар для многоголосных установок (Г. Смит «К северу от Вест-Холливуда», Д. Фридман «Каньоны за закатом») способствует созданию студентом целостного музыкального полотна на нескольких музыкальных инструментах.

В то же время, работа в классе ударных инструментов с современными техниками в произведениях Г. Хуберта, С. Гарди и др. направлена на использование электроники, театральных элементов, изучение расширенных техник (*scraping, bowing*), перфоманса.

Специфика стилевой интерпретации репертуара для ударных инструментов, по мнению многих ученых и педагогов-практиков (М. Андреев, В. Бурдь, Э. Денисов, Г.П. Дмитриев, А.Н. Рало, Г.В. Соколов, И.М. Шабунова и др.) заключается в необходимости владения различными техниками звукоизвлечения, понимания роли конкретного инструмента в общем музыкальном контексте, адаптации к требованиям разных дирижеров и составов.

Как утверждает А.Н. Рало, «функции ударных инструментов формировались в соответствии со стилистическими особенностями сочинений композиторов той или иной эпохи» [5, с.112].

В академической практике ударные инструменты рассматриваются не только как ритмическая основа, но и как полноценные участники художественного замысла, что отображает стилевое разнообразие и контекстуальное мышление исполнителей. В данном случае, звук рождается у музыканта в голове, что означает необходимость развивать внутреннее ощущение музыки, которую предстоит играть. Это особенно важно, по мнению А.Ф. Григорьева, при работе с современными композициями, где используются новаторские приёмы – игра смычком по вибрафону, добавление цепочек для создания новых звуковых эффектов [2].

Ансамблевое мышление ударников как навык стилевой интерпретации в условиях оркестра предполагает наличие тонкого чувства баланса и умения слушать ансамбль. Исполнитель на ударных инструментах, с позиции И.А. Солдатова, должен органично вливаться в общее звучание, поддерживая и обогащая его, а не заглушая другие инструменты [6].

Достаточно весомыми факторами для проверки знаний стилевых особенностей является исполнение классических произведений – М. Равеля «Болеро» (малый барабан, литавры), Д.Д. Шостаковича «Симфония №7» (малый барабан), Н.А. Римского-Корсакова «Шехеразада» (там-там, барабаны). Эти произведения служат своеобразным тестом на профессиональную зрелость исполнителей на ударных инструментах.

Резюмируя сказанное, отметим, что профессиональная зрелость музыканта-ударника проявляется в способности адекватно передавать стилевые особенности различных эпох – от барокко до современной музыки.

Анализ массивного пласта научной и учебно-методической литературы (В.Д. Биберган, Г.Э. Багдасарьян, В.Г. Бурдь, Э.В. Денисов, Г.П. Дмитриев, М.Л. Зайцева, Д.Б. Олейник, А.А. Разумов,

А.Н. Рало, И.А. Солдатов, В.Л. Филатов С.Б. Шамов и др.), позволил автору выделить критерии оценки профессиональной зрелости будущих исполнителей на ударных инструментах.

Прежде всего, важна техническая свобода и виртуозность. Профессиональная зрелость исполнителей предполагает владение широким спектром исполнительских приёмов, позволяющих добиться максимальной выразительности звучания. Это включает в себя, как считает В.Г. Бурдь, «освоение разнообразных техник игры на различных ударных инструментах, умение контролировать динамику, тембр и артикуляцию, а также наличие развитой координации и моторики» [1, с.18].

Вместе с тем, проявление адаптивности и творческой инициативы как критерия оценки профессиональной зрелости будущих исполнителей на ударных инструментах проявляется в способности адаптироваться к различным стилям и жанрам, умение чутко реагировать на изменения в динамике, темпе и эмоциональном настроении произведения [4]. Кроме того, важно уметь создавать сложные ритмические рисунки, варьировать их в зависимости от музыкального контекста и взаимодействовать с другими музыкантами в ансамбле, обеспечивая единство ритмической пульсации.

Владение оркестровыми стандартами как показателя профессиональной зрелости будущих исполнителей на ударных инструментах, по убеждению А.В. Никитина, предполагает знание специфических произведений, являющихся «визитной карточкой» профессиональных ударников: Г. Черненко. Этюд-каприз «Винегрет», Д. Д. Шостакович «Симфония №7» (малый барабан), Ж. Бизе «Кармен» (тамбурин), Л. Ван Бетховен «Симфония №9 (литавры) и др.

В контексте исследования отметим, что немаловажную роль играет артистизм и сценическое обаяние. Исполнитель на ударных инструментах должен не только владеть высоким уровнем исполнительского мастерства, но и устанавливать эмоциональный контакт с аудиторией. Харизма, уверенность в себе, умение передать чувства и эмоции через музыку – это все важные составляющие профессиональной зрелости будущих исполнителей на ударных инструментах.

Таким образом, навыки стилевой интерпретации репертуара являются системообразующим фактором профессиональной зрелости будущих исполнителей на ударных инструментах. Стилсовая интерпретация предполагает умение музыканта передавать эмоциональную окраску произведения, учитывая исторический контекст, особенности жанра и индивидуальные предпочтения композитора, что позволяет исполнителю создать уникальное звучание, которое отражает его творческий потенциал и профессиональное мастерство. Для будущих исполнителей на ударных инструментах развитие навыков стилевой интерпретации становится важным этапом формирования профессиональных компетенций в процессе обучения в вузе.

Литература:

1. Бурдь В.Г. Теория и методика профессионального обучения студентов-исполнителей художественному интонированию на ударных инструментах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2005. 23 с.
2. Григорьев А.Ф. Вопросы стилевого подхода в музыкальном исполнительстве / А.Ф. Григорьев, Л.С. Сухиташвили // KANT. №4(12). Ставрополь, 2022. С. 49-55.
3. Музыкант Андрей Никитин о важности ударных инструментов в академической музыке [Электронный ресурс]. URL: <https://sochisirius.ru/news/6816> (дата обращения 22.10.2025).
4. Разумов А.А. Методика преподавания на ударных [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc-27446328_295016687 (дата обращения 21.10.2025)
5. Рало А.Н. Некоторые аспекты теории исполнительства на звуковысотных ударных инструментах: дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 1996. 239 с.

6. Солдатов И.А. Эволюция роли ударных инструментов в музыкальном искусстве XX века / И.А. Солдатов, М.Л. Зайцева // Музыкальное исполнительство и образование. М., 2025. Т13. №1. С.132-147.

Козинцев М.А.

аспирант

кафедра искусствоведения

АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)»

e-mail: kozintsev.maksim@gmail.com

Kozintsev M.A.

Postgraduate Student

Department of Art History

M.A. Litovchin Institute of Cinema and Television (GITR)

ЭВОЛЮЦИЯ КИНОЖАНРОВ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ: СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМЫ, КОМЕДИИ АБСУРДА И АНТИУТОПИИ

Аннотация. В статье рассматривается перестройка как переломный этап в истории отечественного кино, изменивший не только тематический диапазон экранного искусства, но и саму жанровую систему. Показано, что позднесоветский кинематограф унаследовал устойчивый набор жанровых доминант: кинокомедию, военный фильм, эпическое полотно. Однако в середине 1980-х годов эта модель начала стремительно демонтироваться. Ослабление цензурного контроля, V съезд Союза кинематографистов СССР, выпуск «полочных» картин и изменение зрительских ожиданий создали условия для выдвижения на первый план социальной драмы, комедии абсурда и антиутопии. На материале фильмов «Дорогая Елена Сергеевна», «Маленькая Вера», «Авария - дочь мента», «Взломщик», «Плюмбум, или Опасная игра», «Город Зеро», «История одной бильярдной команды», «Кин-дза-дза!», «Покаяние», «Ближний круг» выявляются художественные механизмы жанровой трансформации и их связь с исторической рефлексией перестроечной эпохи.

Ключевые слова: перестройка, советское кино, социальная драма, комедия абсурда, антиутопия, гласность, жанр, историческая память.

THE EVOLUTION OF CINEMATIC GENRES DURING THE PERESTROIKA ERA: THE EMERGENCE OF SOCIAL DRAMA, ABSURDIST COMEDY, AND DYSTOPIA

Abstract. This article examines perestroika as a turning point in the history of Russian cinema, a period that transformed not only the thematic scope of cinematic art but also the genre system itself. It demonstrates that late Soviet cinema inherited a stable set of dominant genres: comedy, war film, and epic. However, in the mid-1980s, this model began to rapidly unravel. The weakening of censorship, the 5th Congress of the Union of Cinematographers of the USSR, the release of “shelf” films, and changing audience expectations created conditions for social drama, absurdist comedy, and dystopian fiction to come to the fore. Based on the films «Dear Elena Sergeevna», «Little Vera», «Accident-The Cop’s Daughter», «The Burglar», «Plumbum, or A Dangerous Game», «City Zero», «The Story of a Billiards Team», «Kin-dza-dza!», «Repentance» and «The Inner Circle» the artistic mechanisms of genre transformation and their connection to historical reflection on the Perestroika era are revealed.

Keywords: perestroika, Soviet cinema, social drama, absurdist comedy, dystopia, glasnost, genre, historical memory.

Перестройка стала для отечественного кино не просто новой политической рамкой, а моментом глубокой смены художественной оптики. До середины 1980-х годов жанровая система советского экрана в значительной степени опиралась на устойчивые и институционально поддерживаемые формы. Одними из центральных были кинокомедия, военный фильм и эпическое полотно, позволявшие сочетать зрелищность, идеологическую ясность и массовую узнаваемость. Комедии Леонида Гайдая и Эльдара Рязанова закрепляли привычный тип «социально безопасного» смеха; военное кино формировало канон коллективной памяти, что видно на примере картин «В бой идут одни старики», «Офицеры», «Они сражались за Родину»; масштабная киноэпопея сохраняла статус репрезентативного жанра, о чем свидетельствуют «Война и мир» и «Тихий Дон». Такая модель не была полностью однородной, однако именно она задавала культурный центр позднесоветского кинематографа.

К середине 1980-х годов данная система обнаружила внутреннюю исчерпанность. Как показывает исследование К. А. Танис, менялся не только экран, но и горизонт зрительских ожиданий: аудитория уже не удовлетворялась прежними схемами повествования и требовала большей степени жизненной достоверности, конфликтности и открытости [2]. Переломным событием стал V съезд Союза кинематографистов СССР, прошедший в мае 1986 года и впоследствии названный «революционным»: именно он ускорил демонтаж административно-командной модели кинопроизводства, расширил автономию авторов и открыл дорогу темам, которые прежде вытеснялись цензурой [3], [4]. В результате жанр перестал быть лишь инструментом нормативного оформления действительности и превратился в способ диагностики кризиса. Наиболее ярко эта перестройка жанрового поля проявилась в становлении социальной драмы, комедии абсурда и антиутопии.

Не случайно именно социальная драма стала, по замечанию исследователей, ведущим жанром перестроечного кино [2]. Она отвечала историческому запросу на прямой разговор о распаде привычных норм, о кризисе семьи, школы, милиции, молодежной среды, трудовой этики и самого языка официальной морали. Если прежний экран часто сглаживал противоречия и стремился завершить конфликт примирением, то перестроечная социальная драма, напротив, строилась на демонстрации неразрешимости конфликта и болезненной открытости социального опыта [1].

В фильме Э. Рязанова «Дорогая Елена Сергеевна» (1988) эта новая поэтика сосредоточена в камерном пространстве квартиры учительницы [13]. Формально действие сведено к разговору нескольких молодых людей со взрослым человеком, однако за этой камерностью скрыт масштабный социальный диагноз. Ученики приходят не просто за ключом от сейфа с экзаменационными работами; они приходят за правом отменить нравственную норму как таковую. Учительница в картине оказывается последним носителем старого этического языка, а школьники – уже людьми эпохи циничного расчета. Перестроечная важность фильма состоит в том, что он отказывается объяснять происходящее частной «испорченностью» отдельных персонажей. Речь идет о смене целой системы ценностей, в которой добродетель перестает быть социально эффективной. Именно поэтому бытовая ситуация перерастает в модель распада общественного доверия.

Еще более радикально социальная драма проявилась в «Маленькой Вере» (1988), где кризис эпохи был перенесен в пространство рабочей семьи [7], [14]. В картине В. Пичула повседневность лишена прежней идеализации: быт показан как среда накопленного раздражения, взаимной грубости, эмоциональной глухоты и утраты перспективы. Важнейшим художественным достижением фильма стало то, что он сделал частную, семейную сферу полем общественной истории. Конфликт Веры с родителями, ее связь с Сергеем, сцены ссор и бытовой агрессии раскрывают не только драму одного дома, но и кризис позднесоветского мира, в котором идеологические формулы уже не работают, а новые основания жизни еще не выработаны. Отсюда и шоковый эффект картины: зритель впервые сталкивался

с тем, что советская повседневность показана без ретуши, без утешительного морализаторства и без привычного «воспитательного» финала.

Фильм «Авария - дочь мента» (1989) продолжает эту линию, но переводит ее в плоскость конфликта поколений [15]. Важно, что столкновение дочери-неформалки и отца-милиционера здесь подано не как бытовой каприз подростка, а как симптом исторического перелома. Мир взрослого героя держится на прежней дисциплинарной логике, тогда как дочь уже существует в иной ценностной и визуальной среде. Симптоматично, что учителя в фильме не способны объяснить молодежи, почему вчера говорилось одно, а сегодня - другое. Тем самым социальная драма перестройки показывает не только конфликт отцов и детей, но и крах институционального авторитета в целом.

Особое место в этом ряду занимает «Взломщик» (1987), где социальная драма соприкасается с фильмом о молодежной субкультуре [8], [16]. Перестроечный экран впервые делает рок-культуру не внешней экзотикой, а языком новой чувствительности. Герой фильма отказывается от нормативного сценария социализации и существует в пространстве музыкальной, эмоциональной и поведенческой инаковости. Однако «Взломщик» важен не только как свидетельство о рок-среде; он показывает, что новая молодежь не находит для себя места в старой системе общественных ролей. В этом смысле рок становится не темой, а симптомом: экран фиксирует формирование героя, который больше не хочет быть «правильно встроенным» в коллективную модель.

Наконец, «Плюмбум, или Опасная игра» (1986) выявляет еще одну важную черту социальной драмы перестройки - разрушение фигуры положительного активиста [17]. Руслан Чутко одержим желанием «очистить» город от зла, но его нравственный максимализм оборачивается насилием и разрушением. Картина В. Абдрашитова демонстрирует, насколько опасен герой, который пытается восстановить порядок без внутренней рефлексии и без признания сложности человеческой жизни. Здесь перестроечная социальная драма предельно точно фиксирует переход от нормативного героя позднесоветской культуры к герою проблемному, травмированному и в конечном счете опасному. Социальная драма перестроечного кино оказалась жанром исторического самораскрытия общества. Она перевела большие политические процессы в язык семейной ссоры, школьного насилия, молодежного бунта, моральной деформации и повседневного унижения. Именно поэтому данный жанр стал главным медиатором между «большой» перестроечной историей и частным опытом человека.

Если социальная драма работала с прямой травматической фактурой современности, то комедия абсурда предлагала иную стратегию - гротеск, фантазмагорию и намеренную деформацию реальности. Но этот уход в абсурд не означал бегства от истории; напротив, он позволял выявить скрытую нелепость социальных механизмов и тот распад причинно-следственных связей, который переживало общество конца 1980-х годов.

Показателен фильм К. Шахназарова «Город Зеро» (1988), который на сайте «Мосфильма» определяется как сатирическая картина о системе ненормальных человеческих отношений, воспринимаемых как норма. Именно в этом заключается его жанровая новизна. Герой прибывает в провинциальный город, однако очень быстро попадает в пространство, где административные, исторические и бытовые коды перестают быть рационально считываемыми. Исследователи позднесоветского кино справедливо связывают фильм с мотивом «города-призрака», с состоянием спутанности, утраты ориентиров и невозможности отличить реальное от навязанного [10]. Абсурд в «Городе Зеро» - это не просто цепь странных эпизодов, а форма разговора о мире, в котором история переписывается, память мистифицируется, а социальная норма оказывается внутренне безумной. Поэтому комическое здесь производит не освобождающий смех, а тревожное узнавание.

Сходным образом построена и «История одной бильярдной команды» (1988) С. Аларкона. Формально фильм организован как притча о ссыльном Пачо, который создает в маленькой деревушке

особое игровое сообщество. Но под видом эксцентрической истории о бильярде разворачивается размышление о столкновении коллективной, почти утопической солидарности с наступающим миром потребления и урбанистического соблазна. Бильярд здесь перестает быть спортом или развлечением: он становится моделью совместной жизни, альтернативной логике рыночной атомизации. Когда в пространство деревни вторгается иной тип ценностей, разрушается не просто команда, а сам способ существования, основанный на ритуале, верности и общей игре. Именно поэтому фильм столь важен для понимания перестроечной комедии абсурда: автор использует условность, символ и гротеск для анализа тех процессов, которые в реалистическом повествовании еще трудно было назвать напрямую.

В целом комедия абсурда в эпоху перестройки выполняла важную компенсаторную и аналитическую функцию. Она позволяла говорить о распаде исторических смыслов, о кризисе языка власти и о вторжении новых социально-экономических практик не декларативно, а через систему метафор и двусмысленных знаков. В результате абсурд стал не периферийным экспериментом, а одной из ключевых форм художественного самосознания позднесоветской культуры.

Третьим принципиально важным жанровым направлением перестройки стала антиутопия. Ее распространение связано с тем, что общество получило возможность взглянуть на исторический опыт не как на завершенный нарратив, а как на пространство насилия, иерархии, лжи и исторической травмы. Если социальная драма вскрывала кризис настоящего, а комедия абсурда - ненормальность повседневного порядка, то антиутопия давала форму осмыслению власти как системы дегуманизации.

«Кин-дза-дза!» (1986) Г. Данелии на уровне официальной жанровой маркировки остается комедией, однако, по существу, представляет собой антиутопическую притчу. Сюжет о попадании землян на далекую планету позволяет авторам говорить о власти денег, жестокости и судьбе цивилизации. В перестроечном контексте особенно значимо, что мир Плюка устроен как гиперболизированная модель общества, где человек сведен к функции, язык деградирован, а социальная иерархия поддерживается унижением. Абсурдистская поверхность картины скрывает жесткий анализ мира, в котором технологическая бедность сочетается с крайней развитостью механизмов символического подавления. Именно потому «Кин-дза-дза!» стала одной из самых емких жанровых форм позднесоветской рефлексии: антиутопия здесь соединена с комедийной формой, но конечный эффект у фильма не развлекательный, а философски тревожный [9], [11].

Если «Кин-дза-дза!» обращена к универсальной модели дегуманизованного мира, то «Покаяние» Т. Абуладзе переводит антиутопическую образность в плоскость исторической памяти [12]. Сама судьба фильма показательна: созданный в 1984 году, он долго не мог выйти на экран и стал возможен для массового зрителя только в условиях гласности. Картина строится как аллегорическое разоблачение диктатуры и культа вождя. Важнейшая особенность «Покаяния» заключается в том, что оно не ограничивается политическим обвинением; фильм показывает, как тирания деформирует само пространство человеческого существования - память, веру, семью, искусство, похоронный ритуал. Поэтому вопрос, вынесенный в знаменитую финальную формулу о дороге к храму, приобретает не только религиозный, но и культурно-исторический смысл: возможно ли общество без нравственного суда над собственным прошлым? Для позднесоветского зрителя такая постановка проблемы была действительно беспрецедентной.

Наконец, фильм А. Кончаловского «Ближний круг» (1991) завершает эту линию уже на рубеже перестройки и постсоветского времени [12]. Картина показывает сталинскую эпоху через историю личного киномеханика вождя. Выбор такого героя принципиален: антиутопия здесь возникает не на периферии власти, а вблизи ее сакрального центра. Повседневное служение диктатору, бытовая лояльность и страх оказываются механизмами соучастия в системе насилия. В отличие от «Покаяния», где доминирует аллегория, «Ближний круг» стремится к психологической конкретности. Однако и здесь

сохраняется важнейший перестроечный импульс - необходимость проговорить травматическое прошлое не как абстрактную «ошибку истории», а как живой антропологический опыт. Именно в этом смысле антиутопия стала одним из главных жанров исторической саморефлексии эпохи.

Итак, перестройка оказалась уникальным временем радикального переустройства отечественной жанровой системы. На смену устойчивым позднесоветским доминантам - комедии нормативного типа, военному фильму и эпическому полотну - пришли формы, лучше приспособленные к выражению исторического разлома. Социальная драма позволила показать кризис общества через частную жизнь, комедия абсурда выявила нелепость и внутреннюю ненормальность распадающегося порядка, антиутопия дала язык для осмысления власти, репрессий и исторической памяти.

Принципиально важно, что речь шла не только о появлении нескольких ярких фильмов, но о смене самого отношения между жанром и реальностью. Жанр в перестроечном кино перестал быть оболочкой заранее известной истины и стал инструментом исследования нестабильного мира. Именно поэтому перестройку можно рассматривать как колыбель тех направлений отечественного кино, которые получили дальнейшее развитие уже в постсоветской культуре: социальной драмы 1990-х и 2000-х годов, авторской гротескной комедии, фильмов о травматической памяти и антиутопических моделей общества. В этом состоит не только историческое, но и эстетическое значение перестроечной эпохи для всей последующей эволюции российского экрана.

Литература:

1. Ломакин А. В. Кинематограф Перестройки: в предчувствии социальной катастрофы: на материале фильмов Э. Рязанова, С. Соловьёва, К. Шахназарова // Ветер перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. - СПб.: Скифия-принт, 2022. - С. 126–130.
2. Танис К. А. Кино и зритель в эпоху Перестройки: изменение горизонта зрительских ожиданий в 1980–1990-е годы // Вестник Пермского университета. История. - 2019. - Т. 46, № 3. - С. 26–33. - DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-26-33.
3. Мязина А. В. Феномен «полочного кино»: выпуск в советский прокат ранее запрещённых художественных фильмов в период 1986–1989 гг. // Ветер Перестройки - 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. - СПб.: Скифия-принт, 2023. - С. 153–160.
4. Ткачева Н. В. Модель государственной поддержки отечественной кинематографии: этапы развития и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. - 2015. - № 6. - С. 92–112.
5. Хрюкин Д. А. «Жанр» как ключевая проблема советского кинематографа 1968–1985 гг.: государство, кинематографисты, зритель // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9, № 2/1. - С. 74–83. - DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-74-83.
6. Сальникова Е. В. Смеховое начало и комизм в советской кинокомедии 1960–1970-х // Художественная культура. - 2024. - № 1 (48). - С. 50–81.
7. Грицай Л. А. Отражение кризиса семейного воспитания в советском кинематографе периода Перестройки // Ветер Перестройки - 2024: сборник материалов IV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, Владивосток, Тула, Москва, 28–31 октября 2024 года / отв. ред. А. Д. Матлин. - СПб.: Скифия-принт, 2025. - С. 401–409.
8. Карпов Д. Л. Рок и рок-герои в советском и российском кинематографе второй половины 1980-х - первой половины 1990-х гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Спецвыпуск. Рок+. - Екатеринбург; Тверь, 2021. - С. 4–17.

9. Полякова Н. Г. Поэтика комического в кинематографе Георгия Данелии: между абсурдом и социальной сатирой // Культура и искусство. - 2025. - № 10. - С. 79–89.

10. Эвалльё В. Д. Город-призрак в позднесоветском кинематографе // Артикульт. - 2023. - № 1 (49). - С. 68–76. - DOI: 10.28995/2227-6165-2023-1-68-76.

11. Просолова Е. В., Попов А. Д. Вдохновленное разоблачение: образ Сталина в советском кинематографе периода перестройки // Новое прошлое / The New Past. - 2024. - № 1. - С. 160-174. - DOI: 10.18522/2500-3224-2024-1-160-174.

12. Якобидзе - Гитман А. С. «Сакральное» и «Профанное» в репрезентации сталинизма на экране // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. - 2008. - № 80. - С. 380-384.

13. Дорогая Елена Сергеевна: худож. фильм / реж. Э. Рязанов. СССР, 1988.

14. Маленькая Вера: худож. фильм / реж. В. Пичул. СССР, 1988.

15. Авария - дочь мента: худож. фильм / реж. М. Туманишвили. СССР, 1989.

16. Взломщик: худож. фильм / реж. В. Огородников. СССР, 1987.

17. Пломбум, или Опасная игра: худож. фильм / реж. В. Абдрашитов. СССР, 1986.

Козинцев М.А.

аспирант

кафедра искусствоведения

АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)»

e-mail: kozintsev.maksim@gmail.com

Kozintsev M.A.

Postgraduate Student

Department of Art History

M.A. Litovchin Institute of Cinema and Television (GITR)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕРОЯ СОЦРЕАЛИЗМА: КАК КИНО ПЕРЕСТРОЙКИ СОЗДАЕТ СОВЕРШЕННО НОВОГО ЭКРАННОГО ГЕРОЯ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация экранного героя в позднесоветском кинематографе на материале ключевых фильмов перестройки. Цель исследования - показать, каким образом кино второй половины 1980-х годов демонтирует привычную модель положительного героя, сформированную традицией социалистического реализма и смягченную советской массовой комедией 1970-х годов. На примере фильмов «Интердевочка», «Авария - дочь мента», «Маленькая Вера» и «ЧП районного масштаба» выявляются основные черты нового персонажа: маргинальность, телесность, бунт против нормативных институтов, этическая амбивалентность и неспособность к гармонической интеграции в коллектив.

Ключевые слова: советский кинематограф, кино перестройки, социалистический реализм, экранный герой, антигерой, поздний социализм, советская комедия, искусствоведение.

DECONSTRUCTING THE SOCIALIST REALIST HERO: HOW PERESTROIKA CINEMA CREATES A COMPLETELY NEW SCREEN HERO

Abstract. This article examines the transformation of the cinematic hero in late Soviet cinema, drawing on key films from the perestroika era. The aim of the study is to demonstrate how cinema of the second half of the 1980s dismantles the familiar model of the positive hero, shaped by the tradition of socialist realism and softened by Soviet mass-market comedy of the 1970s. Using the films "Interdevochka," "Accident-The Cop's Daughter," "Little Vera," and "District-Level Emergency" as examples, the study identifies the main traits of the new character: marginality, physicality, rebellion against normative institutions, ethical ambivalence, and an inability to integrate harmoniously into a collective.

Keywords: Soviet cinema, Perestroika cinema, Socialist Realism, screen hero, antihero, late socialism, Soviet comedy, art history.

Перестройка радикально изменила не только тематический диапазон отечественного кино, но и саму антропологию экранного образа. Если классический герой соцреализма мыслился как носитель исторической правоты, нравственной ясности и социальной образцовости, то к концу 1980-х годов эта модель перестает работать как убедительный культурный код. Экран больше не предлагает зрителю фигуру, с которой следует безоговорочно солидаризироваться; напротив, он выводит на первый план человека сломанного, противоречивого, телесно и социально уязвимого. В этом смысле перестроечное

кино не просто обновляет репертуар персонажей, а производит демонтаж самой идеи нормативного героя [3].

Подобная трансформация была подготовлена предшествующим развитием советского кинематографа. Исследователи отмечают, что в 1960–1970-е годы меняются способы осмысления человека и общества: на смену прямолинейной героике приходит более сложное внимание к частной жизни, повседневности и внутреннему миру персонажа [4; 5]. По формулировке А. Петровой, «оттепелый» киногерой уже может быть назван вариантом «социализма с человеческим лицом» [2]. Однако даже в этой смягченной версии он по-прежнему остается в пределах общей ценностной рамки: его кризис разрешим, его отклонение обратимо, его личная история так или иначе вписывается в систему коллективных норм.

Киногерой 1970-х годов во многом наследует образцовую модель, хотя и лишается прежней монументальности. Он уже не обязательно ударник, воин или партийный лидер, но почти всегда остается социально читаемым и в конечном счете педагогически «исправимым». Даже тогда, когда такой герой смешон, слаб или бытово неустроен, драматургия ведет его к нравственной коррекции, а не к окончательному распаду личности. В этом отношении особенно показателен советский комедийный канон. Афоня у Данелии – запущенный, пьющий и внутренне опустошенный человек, но его история все же строится как возвращение к подлинному человеческому чувству и к возможности нравственного прозрения [13]. Новосельцев в «Служебном романе» – не бунтарь и не маргинал, а застенчивый советский служащий, чья личная неловкость разрешается в пределах узнаваемого и в целом устойчивого социального мира [14].

Именно поэтому советская комедия 1970-х не разрушает норму, а лишь делает ее более человеческой. Система может быть иронизирована, бюрократический быт – высмеян, а персонаж – показан смешным и несовершенным, но сама идея социального порядка остается незыблемой. Герой позднесоветской комедии не выпадает из мира окончательно: он возвращается в него, примиряется с ним или по крайней мере получает шанс на внутреннее исправление. Эта важная особенность отличает его от перестроечного персонажа, для которого трещина между частной жизнью и социальной реальностью становится уже не сюжетным препятствием, а постоянным онтологическим состоянием.

Во второй половине 1980-х годов на экране возникает новый тип героя, которого уже нельзя описать в категориях положительного примера. А. Петрова определяет доминирующий тип перестроечного персонажа как «человек бунтующий» [2]. Это определение важно тем, что оно фиксирует не частное отклонение от нормы, а новую норму самого кинематографа. Герой перестройки живет в состоянии конфликта с любой институциональной структурой: семьей, школой, комсомолом, милицией, трудовым коллективом. Его поведение строится не вокруг долга, а вокруг сопротивления, усталости, желания вырваться, физически пережить тупик времени. Поэтому на первый план выходят темы насилия, сексуальности, неформальной молодежной среды, валюты, бытовой агрессии и карьерного цинизма [7].

В «Интердевочке» Петра Тодоровского эта деконструкция проявляется предельно наглядно. Уже сама фабула фильма невозможна в логике классического соцреализма: его центральная героиня – валютная проститутка, мечтающая выйти замуж за иностранца и уехать за границу [9]. Советское кино прежних десятилетий могло показывать падение как исключение, требующее осуждения или перевоспитания, но Таня Зайцева устроена принципиально иначе. Ее двойная жизнь – медсестра днем и проститутка ночью – отражает раскол самой позднесоветской реальности, где официальный язык морали уже не совпадает с реальными практиками выживания. Важно, что фильм не превращает героиню в плоский объект осуждения: Таня трагична, уязвима, способна на нежность, тоску и иллюзию иной жизни. Тем самым перестроечное кино вводит на экран фигуру, которая одновременно социально

компрометируется и человечески сложна. Это и есть разрыв с соцреалистической традицией, где нравственная неоднозначность обычно снималась итоговым идеологическим вердиктом.

Если «Интердевочка» демонстрирует кризис женского образа через товарность тела и мечту о западном мире, то «Авария - дочь мента» радикализует тему подросткового бунта. Героиня Михаила Туманишвили - старшеклассница из неформальной среды, чья идентичность строится на отрицании школы, дисциплины, семейной педагогики и милицейского порядка [10]. Особенно важно, что ее отцом является сотрудник милиции: конфликт становится не только семейным, но и символическим. Институт, призванный контролировать хаос, оказывается бессилем перед собственным домашним кризисом. По наблюдениям исследователей перестроечного кино, дискотека и молодежная субкультура в это время становятся пространством девиантного поведения, демонстративного отказа от прежних норм и своеобразной сценой нового киногероя [2, с. 76; 7]. Авария - не будущая гражданка социалистического общества, а его внутренняя трещина, вышедшая на поверхность. Ее грубость, сексуальная уязвимость и агрессия не «лечатся» сюжетом; наоборот, фильм подчеркивает, что перед нами не частный случай, а симптом времени.

Еще более болезненный слом нормативной модели происходит в «Маленькой Вере». Василий Пичул выстраивает фильм как хронику распада семьи - того самого института, который в советской культуре долгое время выполнял функцию базовой ячейки морального порядка. В центре повествования находится девушка, которую родители считают беспутной, а ее знакомство с Сергеем перерастает в роман на фоне постоянных скандалов, пьянства и унижения [10]. Вера здесь не выступает ни как идеал молодежи, ни как отклонение, которое можно легко вернуть в норму. Она существует в пространстве, где сама норма уже разрушена. Не менее показателен и Сергей. Формально он может восприниматься как более образованный и культурный персонаж, однако фильм не делает его положительным интеллектуалом старого типа: это фигура столь же неустойчивая, ироничная и разрушительная, как и сама среда, в которую он входит. Пара Веры и Сергея не обещает нового единства; напротив, она подчеркивает отсутствие будущего как устойчивого социального проекта. Именно поэтому «Маленькая Вера» стала одним из символов перестройки: здесь частная драма впервые показана не как частность, а как точный диагноз целой эпохи.

Наконец, «ЧП районного масштаба» особенно важен тем, что переносит антигероический принцип из молодежной и семейной сферы внутрь самого официального аппарата. В фильме Сергея Снежкина действие разворачивается в среде районного комсомольского руководства, давно оторвавшегося от реальных забот молодежи и занятого главным образом карьерой, фиктивной отчетностью и ритуальным воспроизводством лояльности [12]. Здесь перестроечное кино совершает, возможно, самый радикальный жест: антигероем оказывается уже не маргинал и не бунтарь с окраины, а представитель советской институции как таковой. Комсомольский функционер Николай Шумилин не проходит путь нравственного преображения; он существует как продукт системы позднего застоя, где идеологические слова полностью обесценены и превращены в технологию самосохранения. Тем самым происходит финальный демонтаж социалистического положительного героя: кино показывает, что носитель официальной нормы сам стал носителем моральной пустоты.

Если сопоставить этих персонажей, становится очевидно: кино перестройки не просто расширяет поле допустимого, а меняет сам принцип экранной репрезентации человека. Проститутка, школьная бунтарка, дочь из деградирующей рабочей семьи, циничный комсомольский карьерист - все они не являются случайными «отрицательными примерами». Напротив, именно они оказываются наиболее точными индикаторами эпохи. Их объединяет не только конфликт с институтами, но и отсутствие прежнего горизонта исторической цели. Герой соцреализма всегда был обращен к будущему; герой перестройки, напротив, живет в опыте тупика, утраты, разрыва между официальным языком и

реальностью. Отсюда - повышенная телесность, бытовая фактура, жесткость интонации и интерес к тем зонам жизни, которые советский канон стремился либо сгладить, либо дисциплинировать [6].

Таким образом, перестроечный антигерой не является простой противоположностью старому положительному герою. Он наследует ему как негативный отпечаток: там, где прежде были служение, ясность и коллективная цель, теперь возникают выживание, раздвоение, социальная усталость и частный бунт. В этом смысле перестройка не создала новый канон с нуля, а обнажила скрытый кризис прежней модели. Новый экранный герой рождается не как победитель и не как воспитательный образец, а как симптом распада прежней символической системы.

Перестроечное кино кардинально изменило героя времени на экране. Оно разрушило социалистическую установку на образцового персонажа, способного выражать историческую правоту системы, и выдвинуло на первый план фигуру амбивалентную, раненую, часто морально скомпрометированную, но именно поэтому подлинную для своего исторического момента. «Интердевочка», «Авария - дочь мента», «Маленькая Вера» и «ЧП районного масштаба» показывают разные варианты этого слома: от коммерциализации тела и подросткового бунта до семейной деградации и цинизма официального аппарата. Перестройка в данном случае сработала как детонация давно заложенного заряда и одновременно как прорыв плотины, вся поверхность которой уже была испещрена трещинами. Новый экранный герой не возник внезапно; он вышел из глубинного культурного и социального кризиса позднего СССР и стал его самым убедительным художественным выражением.

Литература:

1. Зоркая Н. М. История отечественного кино. XX век. М.: Белый город, 2014. 512 с.
2. Петрова А. П. Эволюция образа киногероя в отечественном кинематографе XX века // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2 (43). С. 60–86. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_60.
3. Сенникова В. В., Савельева Е. Н. Образ героя в отечественном кинематографе: от образцовой модели соцреализма к неопределенности постсоветского времени // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 251–262. DOI: 10.17223/22220836/27/23.
4. Голубева Ю. В. Авторские фильмы советского кинематографа 1960–1970-х гг. // Этнодиалоги. 2019. № 1 (57). С. 136–160.
5. Малышев В. С. Герой, социум и история в отечественном кинематографе 1960–1970-х годов // Вестник ВГИК. 2022. Т. 14, № 3 (53). С. 8–15.
6. Разлогов К. Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287 с.
7. Журкова Д. А. Дискотечные шуты и бунты в кинематографе перестройки // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. II Междунар. науч. конф. (Казань, 24–25 ноября 2016 года). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 260–268.
8. Ломакин А. В. Кинематограф Перестройки: в предчувствии социальной катастрофы: на материале фильмов Э. Рязанова, С. Соловьёва, К. Шахназарова // Ветер Перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции / редкол.: А. Д. Матлин [и др.]. - Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2022. - С. 126–130.
9. Интердевочка: художественный фильм / реж. П. Тодоровский. СССР–Швеция, Мосфильм, 1989.
10. Маленькая Вера: художественный фильм / реж. В. Пичул. К/ст им. М. Горького, 1988.
11. Авария - дочь мента: художественный фильм / реж. М. Туманишвили. Мосфильм, 1989.
12. ЧП районного масштаба: художественный фильм / реж. С. Снежкин. Ленфильм, 1988.
13. Афоня: художественный фильм / реж. Г. Данелия. Мосфильм, 1975.
14. Служебный роман: художественный фильм / реж. Э. Рязанов. Мосфильм, 1977.

Коломиец В.В.

студент

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

e-mail: vkolomiets@sfnu.ru

Kolomiets V.V.

Student

Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication

Southern Federal University

СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода интернет-мемов как особого вида креолизованных текстов в цифровой коммуникации. Цель работы – выявление и систематизация прагмалингвистических стратегий, обеспечивающих сохранение коммуникативного воздействия мема при переводе с английского языка на русский. На основе анализа теоретических подходов Ч. Морриса, Дж. Остина, Дж. Сёрля, Р. Докинза, М.А. Кронгауза, Ю.В. Щуриной и других исследователей, а также с опорой на практический материал, выделены четыре ключевые прагматические характеристики мемов, влияющие на перевод. Это минимализм формы, эмоциональность, юмор и мимикрия. Обоснована необходимость прагматической адаптации как альтернативы буквальному переводу. Автором разработан алгоритм, который включает три этапа: выявление иллокутивной цели мема, диагностику культурно-языковых барьеров и выбор адаптивной стратегии – функциональной замены, модуляции, компенсации или креативной транспозиции. Результаты могут быть использованы в практике локализации цифрового контента и преподавании перевода.

Ключевые слова: интернет-мем, прагмалингвистика, перевод, прагматическая адаптация, иллокутивная сила, креолизованный текст, межкультурная коммуникация.

STRATEGIES FOR PRESERVING THE PRAGMATIC POTENTIAL OF ENGLISH-LANGUAGE INTERNET MEMES IN RUSSIAN TRANSLATION

Abstract. The article addresses the problem of translating Internet memes as a special type of creolized text in digital communication. The aim of the study is to identify and systematize pragmalinguistic strategies that ensure the preservation of a meme's communicative impact when translated from English into Russian. Based on an analysis of theoretical approaches by C. Morris, J. Austin, J. Searle, R. Dawkins, M.A. Krongauz, Yu.V. Shchurina, and other scholars, as well as on practical material, four key pragmatic characteristics of memes that influence translation have been identified. These are minimalism of form, emotionality, humour, and mimicry. The necessity of pragmatic adaptation as an alternative to literal translation is substantiated. The author proposes a three-stage algorithm: identifying the illocutionary goal of the meme, diagnosing cultural and linguistic barriers, and selecting an adaptive strategy – functional replacement, modulation, compensation, or creative transposition. The results can be used in the practice of digital content localization and in translation teaching.

Keywords: Internet meme, pragmalinguistics, translation, pragmatic adaptation, illocutionary force, creolized text, intercultural communication.

Цифровая среда кардинально изменила способы коммуникации современного человека. Общение в интернете, происходящее по своим законам, породило новые жанры и форматы взаимодействия, среди которых особое место занимают интернет-мемы. Ежедневно миллионы пользователей по всему миру используют мемы для выражения эмоций, комментария событий, установления контакта с собеседником и демонстрации принадлежности к определённому сообществу [1, с. 128]. Зарождаясь преимущественно в англоязычном сегменте сети, мемы активно проникают в русскоязычное пространство, что создаёт запрос на их перевод и адаптацию. Однако традиционные переводческие модели, ориентированные на семантическую эквивалентность, оказываются недостаточными: при передаче мема важно сохранить не смысл, а прагматический эффект – смех, иронию, чувство узнавания или сопричастности. В связи с этим актуальным становится обращение к прагмалингвистике, изучающей использование языковых знаков в реальной коммуникации с учётом интенций говорящего, контекста и воздействия на адресата. Объект исследования – англоязычные интернет-мемы, предмет – прагмалингвистические стратегии их перевода на русский язык.

Цель – выявить и систематизировать стратегии, обеспечивающие сохранение коммуникативного воздействия мема при переводе.

Материалом послужили сообщества ВКонтакте («Английский язык по мемам», «Dankest memes», «Английский по мемам»), а также платформы Pinterest и Яндекс.Дзен.

Прагмалингвистика берёт начало в семиотике Ч. Морриса. Он определил три аспекта отношения знака к интерпретатору: синтактику, семантику и прагматику [2]. Дальнейшее развитие направления связано с теориями речевых актов. Дж. Остин и Дж. Сёрль разграничили локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты [3; 4]. Локутивный акт представляет собой само высказывание. Иллокутивный акт передаёт намерение говорящего. Перлокутивный акт — это реальное воздействие на адресата. Переводчик должен воспроизводить не форму высказывания, а его иллокутивную силу и перлокутивный эффект. Как отмечает В.Н. Комиссаров, прагматика перевода заключается в способности переводного текста воздействовать на получателя так же, как оригинал [5, с. 210].

Термин «мем» введён Р. Докинзом в книге «Эгоистичный ген» для обозначения единицы культурной информации, распространяющейся путём имитации [6, с. 109]. В интернет-эпоху понятие трансформировалось. М.А. Кронгауз разграничивает докинзовский мем и интернет-мем. Последний он определяет как короткую информацию, а именно слово, фразу или изображение. Такая информация внезапно приобретает популярность и начинает массово воспроизводиться в сети [1, с. 128]. Ю.В. Щурина предлагает типологию интернет-мемов по двум основаниям. По способу выражения она выделяет текстовые мемы, мемы-изображения, медиа-мемы, гифы и креолизованные мемы. По структуре исследователь различает двусоставные, компаративные и метамемы [7, с. 87]. С.В. Канашина подчёркивает полимодальность мема и выделяет его функции: аффективную, когнитивную, манипулятивную и развлекательную [8, с. 12].

Важно отметить, что интернет-мем – это креолизованный текст, где вербальный и визуальный компоненты находятся в сложном взаимодействии. При переводе необходимо учитывать эту мультимодальность, а также такие характеристики мема, как вирусность, реплицируемость, серийность. Однако, как показал анализ, прямое влияние на выбор переводческой стратегии оказывают четыре характеристики: минимализм формы, эмоциональность, юмор и мимикрия.

Минимализм формы. Мемы отличаются экстремальной лаконичностью: одна-три слова, короткая фраза, иногда только изображение. Классический пример – мем «This is fine». Короткая фраза создаёт контраст с визуальной катастрофой, рождая иронию. Если бы фраза была длиннее, эффект был бы утерян. При переводе на русский язык «Это нормально» сохраняется та же краткость и та же иллокутивная сила

– ложное спокойствие при очевидном ужасе. Любое расширение, например, «Всё хорошо, хотя всё горит» разрушило бы прагматическое ядро.

Эмоциональность. Мемы транслируют и вызывают сильные эмоции: радость, грусть, раздражение, отчаяние. Например, мем «Ок» (плачущий кот) показывает, как нейтральное слово воспринимается как пассивная агрессия в личном общении. Эмоциональный эффект создаётся за счёт гиперболизации (животное, рыдающее из-за короткого сообщения). При переводе важно не столько передать слово «ок», сколько воспроизвести ситуацию эмоциональной уязвимости. Русскоязычный аналог «Ок» с аналогичной интонацией в сочетании с тем же визуалом даёт сопоставимый перлокутивный эффект.

Юмор. Юмор мемов часто строится на обманутом ожидании, языковой игре или гиперболе. Мем «Blind date» обыгрывает омонимию: date – ‘свидание’ или ‘финик’, blind – ‘вслепую’ или ‘незрячий’. Визуализация (финик в тёмных очках с тростью) создаёт абсурдный комический эффект. Прямой перевод «Свидание вслепую» без понимания омонимии не сработает; необходим комментарий или адаптация. Однако в данном случае сам визуальный ряд подсказывает игру слов, поэтому русский перевод сохраняет название, а зритель додумывает смысл через картинку.

Мимикрия. Мемы могут имитировать другие жанры: комиксы, демотиваторы, открытки, скриншоты переписок. При переводе важно учитывать жанровые конвенции языка перевода.

Таким образом, успешный перевод возможен только при условии сохранения этих четырёх характеристик. Если переводчик увеличивает объём текста, нейтрализует эмоцию, заменяет специфический юмор общим или игнорирует жанровую мимикрию – мем перестает быть мемом.

Перевод мема – это прагматическая адаптация, а не семантическое калькирование. Для достижения этой цели предлагается следующий алгоритм, состоящий из четырёх последовательных этапов.

Первый этап – выявление иллокутивной цели и доминантной функции мема. На этом этапе переводчик должен ответить на ключевые вопросы: чего хочет достичь автор? Насмешить, выразить солидарность или осудить? Также важно определить целевую аудиторию оригинала, поскольку от этого зависит степень допустимых изменений при переводе.

После определения цели следует перейти ко второму этапу – анализу прагматического потенциала оригинала. Здесь необходимо провести деконструкцию используемых средств: языковой игры, визуальных кодов, культурных отсылок и интертекстуальности.

Третий этап – диагностика проблем перевода. На данном этапе выявляются барьеры, которые могут помешать адекватной передаче прагматики. Эти барьеры могут быть культурными (незнакомая целевой аудитории реалия), лингвистическими (непереводимая игра слов) или социальными (различия в нормах общения).

Наконец, четвёртый этап – выбор стратегии и осуществление адаптации. Переводчик обращается к классификации адаптивных стратегий, адаптированной из работ В.В. Сдобникова и А. Нойберга. К числу таких стратегий относятся:

Функциональная замена (культурная адаптация): замена непонятной отсылки на локально узнаваемый аналог.

Модуляция: изменение угла зрения. Вместо прямого вопроса – восклицание, вместо пассива – актив. Сохраняется цель при изменении формы.

Компенсация: утрата в одном компоненте восполняется усилением другого. Если игра слов непереводима, можно добавить комический эффект через визуальный компонент или сленг.

Креативная транспозиция: радикальная переработка – смена визуала или полная замена текста при сохранении базовой идеи.

Опущение или добавление: удаление непереводаемого элемента или добавление краткого пояснения в скобках или через изменение картинки, если без этого юмор непонятен.

Критерий успеха – не близость к оригиналу, а реакция целевой аудитории. Если русскоязычные пользователи смеются или ставят лайк – перевод эффективен.

Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1. В англоязычном меме «How do you do, fellow kids?» обыгрывается неловкая попытка взрослого казаться молодым. Буквальный перевод «Как поживаете, коллеги-дети?» звучит неестественно и разрушает комический эффект. Адаптированный вариант «Здорова, бро! Как жизнь, молодёжь?» использует актуальный молодёжный сленг и сохраняет иллокутивную силу оригинала – высмеивание попытки «быть своим».

Пример 2. Мем «When you feel good and someone says you look tired» при визуале: мужчина с застывшей улыбкой. Русский перевод «Когда ты хорошо себя чувствуешь, и кто-то говорит: "ты выглядишь уставшим"» – почти буквальный, но он работает, потому что ситуация универсальна. Прагматический эффект в виде внезапной уязвимости, разрушения хорошего настроения, одинаков в обеих культурах.

Пример 3. Мем «I'm on a seafood diet / I see food and I eat it» построен на фонетической игре слов. В английском языке фразы звучат почти одинаково, создавая комический контраст между названием диеты и реальным поведением. Буквальный перевод разрушает этот механизм, поскольку в русском языке «морская диета» и «вижу еду – ем» никак не связаны. Модуляция позволяет изменить форму высказывания при сохранении цели: например, «Я на диете "Вижу еду" / И сразу ем». Такой подход сохраняет иронический контраст, хотя и требует творческой переработки.

Пример 4. Сложный случай – мем с омонимией «Blind date». В английском языке date означает и «свидание», и «финик», а blind — «вслепую» и «незрячий». На изображении финик в солнцезащитных очках и с белой тростью, что буквально обыгрывает идиому «свидание вслепую» и создаёт абсурдный комический эффект. Русский перевод «Свидание вслепую» полностью утрачивает эту двусмысленность, поскольку слово «финик» никак не связано со свиданием.

Проведённое исследование показало, что перевод интернет-мемов требует отказа от буквализма в пользу прагматической адаптации. Ключевыми характеристиками мема, определяющими стратегию перевода, являются минимализм формы, эмоциональность, юмор и мимикрия. Успешный перевод – это не передача слов, а воссоздание иллокутивной силы и перлокутивного эффекта на новой аудитории. Сравнительный анализ применённых стратегий показал, что наиболее эффективными из них являются функциональная замена при культурных расхождениях и креативная транспозиция при непереводаемой языковой игре. Таким образом, прагматический подход даёт переводчику инструментарий для работы с креолизованными текстами в цифровой среде.

Литература:

1. Кронгауз М.А. Мемы в интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. № 11. С. 128–133.
2. Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 59 p.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
4. Searle J.R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Vol. 3. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.

7. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Филологические науки Вестник Череповецкого государственного университета 2014. № 6. С. 85–89.
8. Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 24 с.

Проскурина Д.А.

аспирант

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

научный руководитель – доктор филологических наук

Е.А. Худенко

Proskurina D.A.

Postgraduate Student

Altai State Pedagogical University

scientific director – Doctor of Philological Sciences

E.A. Khudenko

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ «РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО» ПЕРСОНАЖА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

Аннотация. Для создания в диссертационном исследовании корректной формулировки определения понятия нового типа героя - «рефлексирующего персонажа» и осуществления первичных этапов анализа героев данного типа предварительно были изучены определения некоторых базовых литературоведческих терминов: персонаж, система персонажей, типология, образ героя, рефлексия, диалектика души, портрет. В статье также изложены причины необходимости продолжения исследований в области типологии героев и выделения «рефлексирующих» персонажей. Данная статья может быть полезна исследователям для понимания основных терминов, связанных с персонологическим рядом, и при подготовке научных работ соответствующей тематики.

Ключевые слова: персонаж, система персонажей, типология, образ героя, рефлексия, диалектика души, портрет, рефлексирующий персонаж.

ON THE STUDY OF THE "REFLECTIVE" CHARACTER IN RUSSIAN LITERATURE. KEY CONCEPTS AND TERMS

Abstract. In order to create a correct formulation of the definition of the concept of a new type of hero - a "reflective character" - in the dissertation research and to carry out the initial stages of the analysis of heroes of this type, the definitions of some basic literary terms were previously studied: character, system of characters, typology, image of a hero, reflection, dialectic of the soul, portrait. The article also outlines the need for continued research into the typology of heroes and the identification of "reflective" characters. This article may be useful for researchers in understanding the basic terms associated with personological analysis and in preparing research papers on the topic.

Keywords: character, character system, typology, hero image, reflection, dialectic of the soul, portrait, reflective character.

Введение. Актуальность нашей будущей научно-квалификационной работы (диссертации на соискание ученой степени кандидата наук) по теме «Рефлексирующий» персонаж в литературе второй половины XX – начала XXI веков (на материале романов В. А. Шарова, А. Б. Сальникова, Е. Г. Водолазкина) определяется повышенным интересом современного литературоведения к антропологической проблематике и способам репрезентации человека в культуре. Литература как область «человековедения» многократно моделировала разные характеры и типы человеческой личности

(«маленький человек», «лишний человек», «футлярный человек», «кафкианский человек» и др.). Однако до сих пор нет достаточного описания и реконструкции свойств так называемого «рефлексирующего» персонажа, хотя традиции такого типа были заложены еще в романах И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. В русской литературе XX – начала XXI веков рефлексия персонажей является неотъемлемой частью сюжета, раскрывающей идейный замысел произведения. В литературе постмодернизма и современного этапа возрастает интерес к мировоззрению героя, его самооценке, способу осмысления.

Философ М. Хайдеггер считал, что литературная рефлексия в художественном произведении выражает самосознание и самоидентификацию героев, служит средством моделирования отношений автор–герой–читатель, раскрывает национальные особенности литературы и культуры, позволяет передать динамику историко-литературного процесса и становится способом истолкования «бытия сущего» [7].

В сюжетах новейшей литературы возникает тема памяти и беспамятства. Именно воспоминания, свои и чужие, дают героям почву для рефлексии: размышлений о своем месте в мире, возможности оценивания собственных поступков и действий окружающих.

Цель исследования – произвести отбор ключевых терминов, которые станут основой для дальнейшей корректной формулировки определения понятия «рефлексирующий персонаж» и анализа черт героев данного нового типа в произведениях русской литературы.

Материал исследования – романы В. А. Шарова «До и во время», «Возвращение в Египет», роман А. Б. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него», романы Е. Г. Водолазкина «Чагин», «Брисбен», толковые словари литературоведческих терминов.

Метод исследования - литературно-исторический метод.

Общий персонологический ряд и, в частности, тип рефлексирующего персонажа, точное определение и характеристики которого мы изложим в ходе нашего диссертационного исследования являются неотъемлемой частью строения литературного произведения. Грамотный анализ формирования системы персонажей в современной литературе невозможен без понимания ключевых понятий и терминов, с ней связанных. Представим их основные определения, обратившись к различным терминологическим словарям.

«Персонаж – это (фр. *personnage*, от лат. *persona* - лицо, личность) - общее название любого действующего лица литературного произведения. Персонажи подразделяются на главных, второстепенных, эпизодических, внесценических (в пьесах). Иногда термин персонаж употребляется по отношению не к главным, а к второстепенным действующим лицам», – гласит словарь литературоведческих терминов С. П. Белокуровой [1].

Рассмотрение образа персонажа в отрыве от общей системы персонажей видится нам неполным, поэтому будем опираться в исследовании и на общий персонологический ряд анализируемых произведений. «Система персонажей – это художественно целенаправленная соотнесенность всех "ведущих" героев и всех так называемых "второстепенных" действующих лиц в литературном произведении. Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также о типах человека — в связи с различиями рас, национальностей, сословий, профессий, темпераментов, характеров, социальных ролей, психологических установок и идеологических позиций» [6].

В дальнейшем в исследовании мы будем приводить различные типологии (образов героев, персонажей современной литературы, способов и приемов их описания), поэтому обратимся и к понятию типологии для его достоверной трактовки. Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующее определение данного термина: «Типология -и, ж. (спец.) - классификация, представляющая соотношение между разными типами предметов, явлений внутри их системы в целом [3].

В работе С. Ю Смирнова, посвященной сущностным чертам образа героя, дано, на наш взгляд, довольно полное определение понятия «образ героя», без понимания которого не мыслится выявление и описание черт рефлексирующего персонажа. «Образ героя – это сложное, социально значимое образование, смысловая конструкция общественного сознания» [5].

Рефлексия – важный элемент нового типа героя, вокруг которого сконцентрированы наши научные интересы, этот термин трактуется в работах С. Саини, И. А. Поплавской, Р. Саксена и энциклопедическом справочнике современного зарубежного литературоведения: «Рефлексия литературного персонажа – это опыт осознания сознания субъекта. Рефлексия выражает самосознание и самоидентификацию героев, служит средством моделирования отношений автор–герой–читатель, раскрывает национальные особенности литературы и культуры, позволяет передать динамику историко-литературного процесса» [4, 2].

Причиной рефлексии литературного героя становится диалектика его души на протяжении сюжета. Н. Г. Чернышевский, сформулировавший данное понятие, отмечал, что диалектика души – это непосредственное изображение «психического процесса» [8].

В портретной характеристике персонажа также отражается процесс его рефлексии. Портрет литературного персонажа включает в себя описание черт лица, мимики, фигуры героя, его костюма.

На основе рассмотренных выше ключевых понятий и терминов сформулируем предварительное рабочее понятие «рефлексирующего персонажа», на котором будет базироваться наше дальнейшее диссертационное исследование. Рефлексирующий персонаж – это действующее лицо литературного произведения, обладающее опытом осознания собственного сознания: способностью к самонаблюдению, размышлению о своих уникальных особенностях, месте в мире, оцениванию интенций собственных поступков и действий окружающих, герой, диалектика души которого описана автором подробнее происходящих с персонажем внешних событий. На наш взгляд, двенадцатью главными ориентирами в мировоззрении героя данного типа будут:

- 1) анализ не фактов окружающей реальности, как таковых, а их содержания, причин и последствий;
- 2) отделение собственной личности от окружающего мира;
- 3) переключение фокуса наблюдений с внешнего мира на внутренний;
- 4) эмоциональная насыщенность внутреннего мира, обостренное чувство справедливости и способность к эмпатии, высокая степень ранимости;
- 5) оценивание фактов окружающей действительности через призму собственных мыслей и чувств;
- 6) интерес к экзистенциальным вопросам бытия;
- 7) повышенный интерес к литературе, истории, искусству и религии, соотнесение себя с персонажами русской и мировой истории и литературы, религии, развитое эстетическое чувство;
- 8) возможность наличия собственной идеологии;
- 9) высокий уровень эмоционального интеллекта;
- 10) мифологическое сознание как способ целостного видения мира;
- 11) особое внимание к памяти как инструменту осознания реальности;
- 12) способность к отражению собственных чувств и мыслей в эпистолярном жанре литературы.

Ключевой потребностью и ценностным жизненным ориентиром (по таблице Абрахама Маслоу) для «рефлексирующего» типа героя, таким образом, станет самоактуализация.

Выше мы изложили первичный ряд черт «рефлексирующего героя», данный перечень может быть сокращен или пополнен в ходе исследования, так как в кандидатской диссертации в дальнейшем нами будет произведен анализ ключевых образов героев романов В. А. Шарова, А. Б. Сальникова, Е. Г. Водолазкина для выявления среди них претендентов на отнесение их к героям нового типа. Также мы предполагаем, что не только в литературе второй половины XX – начала XXI веков, но и в отечественной литературе XIX века (в произведениях И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского) нами будут найдены истоки формирования «рефлексирующего персонажа». Анализ образов героев будет произведен с опорой на описанный нами выше перечень уникальных особенностей.

Выводы и результаты исследования.

Данные ключевые понятия и термины – это столп, на котором будет базироваться формулируемое нами понятие о новом типе героя современной литературы - «рефлексирующем персонаже». Именно формулировка итогового понятия и описание принципов построения этого нового типа персонажа, внутренний мир которого тяготеет к рефлексии, становятся задачами нашего диссертационного исследования.

Литература:

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – М.: Паритет, 2005.
2. Дранов А. В. Рецептивная эстетика. Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник / А. В. Дранов. – Москва: Интерага, 1996.
3. Ожегов С. И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 3 изд., стер. - Москва: Азъ, 1996.
4. Саини С. Особенности литературной рефлексии героев в прозе С. А. Алексиевич ("Цинковые мальчики") / С. Саини, И. А. Поплавская, Р. Саксена // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 47-54. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:000703334> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Смирнов С. Ю. Основные сущностные черты образа героя в российском общественном сознании в контексте его трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-suschnostnye-cherty-obraza-geroya-v-rossiyskom-obschestvennom-soznanii-v-kontekste-ego-transformatsii> (дата обращения: 05.05.2026).

6. Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов. / Автор-составитель Н.Д.Тамарченко. - М.: РГГУ, 1999.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993
8. Чернышевский Н. Г. Детство и Отрочество Сочинение графа Л. Н. Толстого. СПб., 1856.

Осминкин М.А.

магистрант

кафедра дизайн архитектурной среды

Академия архитектуры и искусств ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

e-mail: maks.osminkin@mail.ru

Osminkin M.A.

Master's Student

Department of Environmental Architectural Design

Academy of Architecture and Arts, Southern Federal University

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ОТКРЫТЫХ ОЗЕЛЕНЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу действующей нормативной базы, регулирующей обновление общественных пространств, и выявлению ограничений, которые препятствуют переходу от локального благоустройства к комплексной ревитализации городских территорий. Методологическую основу составили сравнительно-правовой анализ российских нормативных документов и сопоставление их с зарубежными моделями регулирования, применяемыми в Германии, США и Республике Корея. Установлено, что российская система постепенно расширяет понятийный аппарат и технические требования к общественным пространствам, однако по-прежнему ориентирована главным образом на параметры благоустройства, а не на интеграцию социальных, экологических, экономических и управленческих функций. На этой основе предложена трехуровневая модель нормативного обеспечения ревитализации, включающая федеральный, региональный и муниципальный контуры регулирования. Сделан вывод о необходимости институционального закрепления ревитализации как самостоятельного вида преобразования территорий, а также о включении природно-ориентированных решений и эксплуатационного мониторинга в обязательные стандарты проектирования.

Ключевые слова: ревитализация, общественные пространства, нормативное регулирование, благоустройство, градостроительные стандарты, природно-ориентированные решения.

REGULATORY FRAMEWORK FOR THE REHABILITATION OF OPEN GREEN SPACES

Abstract. The article analyzes the current regulatory framework governing the renewal of public spaces and identifies the limitations that prevent a shift from isolated beautification projects to comprehensive urban revitalization. The methodological basis combines comparative legal analysis of Russian planning and technical documents with a review of regulatory models applied in Germany, the United States, and the Republic of Korea. The study shows that the Russian system is gradually expanding its terminology and technical requirements for public spaces, yet it remains primarily focused on conventional improvement parameters rather than on the integration of social, ecological, economic, and managerial functions. On this basis, a three-level model of regulatory support for revitalization is proposed, including federal, regional, and municipal layers of governance. The article argues for institutional recognition of revitalization as a distinct mode of territorial transformation and for the inclusion of nature-based solutions and operational monitoring in mandatory design standards.

Keywords: revitalization, public spaces, regulatory framework, urban improvement, planning standards, nature-based solutions.

Введение

Трансформация общественных пространств в современной городской политике давно перестала сводиться к замене покрытий, установке малых архитектурных форм и локальному озеленению. Для территорий со сложившейся застройкой, промышленным наследием, экологическими ограничениями и высокой социальной нагрузкой требуется иной подход - ревитализация, то есть комплексное восстановление жизнеспособности пространства через согласование его пространственных, социальных, экологических и экономических функций.

В российской практике такой подход развивается быстрее, чем система его нормативного обеспечения. С одной стороны, государственная политика в сфере комфортной городской среды стимулировала обновление набережных, площадей, бульваров и дворовых территорий. С другой стороны, значительная часть действующих требований по-прежнему настроена на новое строительство или стандартные работы по благоустройству. Это создает разрыв между проектной логикой современных преобразований и формальными процедурами их согласования.

Актуальность исследования определяется необходимостью уточнить, насколько действующая нормативная база действительно поддерживает проекты ревитализации, а также какие элементы зарубежного опыта могут быть адаптированы к российским условиям, прежде всего в малых и средних промышленных городах. Цель статьи - выявить системные дефициты российского регулирования и предложить модель его совершенствования.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили федеральные документы в сфере градостроительства и благоустройства, методические материалы по формированию комфортной городской среды, региональные и муниципальные регламенты, а также публикации российских и зарубежных авторов, посвященные ревитализации, редевелопменту, зеленой инфраструктуре и механизмам управления городской средой.

Методически применялись сравнительно-правовой анализ, структурно-функциональный подход и нормативно-критический анализ. Сопоставлялись: а) уровень детализации понятийного аппарата; б) механизмы согласования интересов государства, муниципалитета и собственников; в) наличие инструментов экономического стимулирования; г) отражение экологических и эксплуатационных требований в обязательных стандартах.

В качестве аналитических блоков использованы терминологический блок, блок технических ограничений, экологический блок, блок управления массовыми потоками и блок муниципальной адаптации. Такой подход позволил перейти от описания отдельных норм к анализу того, как они совместно влияют на судьбу проекта.

Результаты исследования

1. Российская нормативная база: движение вперед при сохраняющейся фрагментарности

Ключевое изменение последних лет связано с актуализацией СП 82.13330.2016. Изменение N 3 ввело в нормативный оборот понятие общественных пространств и расширило область применения документа на пешеходные зоны, набережные, парки, скверы, открытые спортивные плоскостные сооружения и элементы, влияющие на микроклиматический комфорт территории (Минстрой России, 2024). Само по себе это важно: общественное пространство закрепляется не как вспомогательная плоскость при здании, а как самостоятельный объект проектирования.

Одновременно актуализированный документ сохраняет технический характер. Он достаточно подробно регулирует покрытия, лестницы, пандусы, озеленение, ограждения, водоотвод и отдельные параметры доступности, однако не формирует полноценной рамки именно для ревитализации. В нем отсутствуют процедуры оценки сценариев использования пространства, критерии социального эффекта,

механизмы учета историко-культурной многослойности и требования к долгосрочному управлению после ввода объекта в эксплуатацию.

Еще одна проблема состоит в терминологическом разрыве. В российской системе права устойчиво используются категории 'благоустройство', 'реконструкция', 'капитальный ремонт', 'приспособление' и 'сохранение', но понятие 'ревитализация' не имеет самостоятельного нормативного статуса. В результате комплексные проекты оказываются распределены между несколькими правовыми режимами, каждый из которых регулирует только часть задачи.

2. Ограничения действующего подхода для сложившейся и проблемной городской среды

Наиболее остро дефициты системы проявляются в исторически сложившейся застройке, в бывших промышленных зонах и в малых городах с ограниченным бюджетом. Там проектировщик работает не с 'чистым листом', а с территорией, где уже присутствуют транспортные ограничения, загрязненные участки, разновременные объекты наследия, конфликтующие потоки пользователей и накопленный износ инженерной инфраструктуры.

В таких условиях стандарты, ориентированные прежде всего на новое строительство, нередко требуют буквального соблюдения параметров, которые трудно реализовать без потери локальной идентичности или без чрезмерного удорожания проекта. Поэтому правовое поле нуждается не в отмене требований безопасности, а в механизме мотивированного и публично проверяемого разумного приспособления. Показательно, что именно эта логика уже начала проникать в СП 82.13330.2016 применительно к работе в сложных градостроительных условиях и в исторической среде.

Отдельный пробел связан с экологическим блоком. Формально озеленение входит в обязательный состав проектных решений, но качественные характеристики зеленой инфраструктуры, ее вклад в управление ливневыми стоками, снижение тепловой нагрузки, повышение биоразнообразия и рекультивацию загрязненных фрагментов территории остаются нормативно разработанными значительно слабее, чем требования к покрытиям и элементам благоустройства.

Таблица 1. Основные дефициты нормативного обеспечения ревитализации

Проблемная зона	Как проявляется	Последствие для проекта
Терминология	Нет самостоятельного правового статуса ревитализации	Проект распадается на набор несвязанных процедур
Техническое регулирование	Преобладают требования к благоустройству и новому строительству	Сложно учитывать особенности исторической и промышленной среды
Экологический блок	Слабо нормированы природно-ориентированные решения и функции зеленой инфраструктуры	Упускается потенциал снижения нагрузки на сети и повышения устойчивости
Эксплуатация	Почти не описаны требования к постпроектному управлению и мониторингу	Среда быстро теряет качество после ввода в эксплуатацию
Малые города	Нет дифференцированных режимов для территорий с ограниченными ресурсами	Типовые решения копируются без учета локального контекста

3. Зарубежные модели: от параметрического контроля к управлению качеством среды

Германский опыт Рурского региона показывает значение межмуниципального и стратегического масштаба регулирования. Материалы Regionalverband Ruhr описывают зеленую инфраструктуру не как совокупность отдельных парков, а как связанную систему, одновременно работающую на климатическую адаптацию, рекреацию, экологическую связанность и качество жизни. Такой подход снимает жесткое разделение между природоохранной, транспортной и общественными функциями пространства.

Американская модель демонстрирует другой механизм - экономическое стимулирование адаптивного повторного использования. По данным Национальной парковой службы США, только в 2024 финансовом году программа федерального исторического налогового кредита охватила 853 завершенных проекта, обеспечила 6,8 млрд долларов квалифицированных реабилитационных инвестиций и была связана с созданием около 116 тыс. рабочих мест; совокупный объем частных инвестиций за время действия программы превысил 257,8 млрд долларов. В данном случае нормативная система не просто ограничивает проект, а делает сохранение и преобразование застроенной среды финансово рациональным.

Южнокорейский опыт важен институциональной связностью. Специальный закон о поддержке городской регенерации закрепляет стратегические планы, планы активизации, специальные счета и центры поддержки. Это означает, что физическое преобразование территории встроено в долгосрочную систему управления, финансирования и взаимодействия с жителями, а не сводится к единичному проекту благоустройства.

Обсуждение

Сравнение показало, что наиболее зрелые модели регулирования объединяют три компонента: ясный правовой статус преобразования, финансовые стимулы и требования к долгосрочному управлению пространством. В российской системе первый компонент пока выражен частично, второй применяется фрагментарно, а третий остается преимущественно на уровне муниципальной практики, а не обязательного нормирования.

Отсюда следует, что для российских условий особенно важна не механическая рецепция зарубежных моделей, а перераспределение нормативных акцентов. Вместо избыточной детализации второстепенных параметров целесообразно закрепить обязательность функциональной программы пространства, оценку эксплуатационного цикла, учет сезонности использования, показатели экологической эффективности и процедуры общественного участия. Это особенно значимо для малых промышленных городов, где одно общественное пространство нередко выполняет одновременно репрезентативную, рекреационную, транзитную и событийную функции.

Отдельного внимания заслуживает природно-ориентированный контур регулирования. Для российской повестки он должен опираться прежде всего на действующие экологические требования, нормы благоустройства и отечественные исследования по зеленому каркасу, реконструкции озелененных территорий и реабилитации промышленных площадок, а не только на зарубежные модели nature-based solutions.

Предлагаемая модель совершенствования нормативной базы

На основе проведенного анализа предлагается трехуровневая модель нормативного обеспечения ревитализации общественных пространств.

Первый, федеральный уровень, должен включать легализацию понятия ревитализации в профильном законодательстве, разработку рамочного свода правил для сложившихся территорий и формирование набора экономических стимулов для проектов адаптивного использования, в том числе в отношении объектов, не имеющих статуса памятников, но значимых для местной идентичности.

Второй, региональный уровень, должен адаптировать федеральные правила к климатическим, ландшафтным и демографическим условиям субъекта Федерации. Здесь же могут закрепляться региональные коэффициенты зеленой инфраструктуры, методики для набережных, бывших промышленных зон и пространств массового посещения, а также конкурсные механизмы поддержки пилотных проектов.

Третий, муниципальный уровень, связан с дизайн-кодами, правилами благоустройства, программами соучаствующего проектирования и цифровым мониторингом эксплуатации. Именно на

этом уровне возможно соединение нормативной обязательности и локальной идентичности - через сценарии использования, календарь событий, требования к содержанию территории и форматы участия местных сообществ.

Таблица 2. Трехуровневая модель нормативного обеспечения ревитализации

Уровень	Ключевой субъект	Основные инструменты	Ожидаемый эффект
Федеральный	Минстрой России, федеральный законодатель	Понятие ревитализации, рамочный СП, механизмы стимулирования	Единое правовое поле
Региональный	Правительства субъектов РФ	Адаптация нормативов, конкурсы, методические документы	Учет климатической и экономической специфики
Муниципальный	Органы местного самоуправления	Дизайн-коды, правила содержания, соучастие, мониторинг	Повышение качества среды и устойчивости эксплуатации

Заключение

Проведенный анализ показывает, что российская нормативная база уже делает шаги в сторону более современного понимания общественных пространств, однако этого недостаточно для полноценной поддержки проектов ревитализации. Введенные в СП 82.13330.2016 обновления важны, но они не заменяют необходимость специальной правовой и методической рамки для сложившихся, исторических и постиндустриальных территорий.

Зарубежный опыт подтверждает, что устойчивый результат возникает там, где нормы сочетают параметры безопасности с экономическими стимулами, межведомственной координацией и обязанностью долгосрочного управления. Однако для российской статьи эти примеры имеют вспомогательное значение: основой аргументации должны оставаться отечественные нормы, правоприменительная практика и российские научные работы по проблемам ревитализации и благоустройства.

Практическая значимость статьи состоит в предложении модели, которая может быть использована как основа для разработки специализированного свода правил и для пересмотра муниципальных документов благоустройства. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на создании измеримых критериев оценки эффективности ревитализации - социальных, экологических, пространственных и эксплуатационных.

Литература:

1. Филипчук С. В., Павлухин А. И. Ревитализация общественных пространств как фактор формирования социокультурной среды города // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №1 (52). С. 161–171. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-161-171>.
2. Игнатьев И. В., Магеррамов И.И., Кулакова Д.И., Экономический потенциал редевелопмента индустриальных территорий // Московский экономический журнал. 2024. №12. С. 302–317. doi:10.55186/2413046X_2024_9_12_474.
3. Палий К. Р., Палий Р. Р. Ревитализация индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2023. № 8. С. 138–146.

4. Герасимов М.А. Инновационные центры переработки отходов с общественным пространством в структуре прибрежных зон / М.А. Герасимов, И.В. Клименко // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. №4(65). С. 157-168. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/11_gerasimov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-157-168.

5. Демидова Е. В. Реабилитация промышленных территорий как части городского пространства // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2013. N 1. С. 8-13.

6. Толпинская Т. П., Альземенова Е. В., Мамаева Ю. В. Основные направления реновационного процесса в преобразовании промышленных территорий под общественные пространства // *Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал* / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2019. № 3 (29). С. 52–63.

7. К. А. Головин, А. Б. Копылов, А. Г. Свандлунова. Ревитализация городского пространства // *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*. - 2023. - Вып. 11. - С. 94–97. - DOI: 10.24412/2071-6168-2023-11-94-95.

8. СП 82.13330.2016. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10-75. – Москва: Минстрой России, 2016. – 50 с.

9. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 30.04.2026). – Текст: электронный.

10. Стандарт комплексного развития территорий. Книга 5. Руководство по разработке проектов / Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Фонд ДОМ.РФ; разработано КБ Стрелка. - Москва: ДОМ.РФ, 2019. - 313 с. - Текст: электронный. - URL: <https://дом.рф/urban/standard/> (дата обращения: 30.04.2026).

11. Frank, S. Environmental justice and green infrastructure in the Ruhr: from distributive to institutional conceptions of justice / S. Frank. // *Frontiers in Sustainable Cities*. - 2021. - Vol. 3. - Art. 670190. - DOI: 10.3389/frsc.2021.670190.

12. Landscape Act: Act No. 19139, Dec. 27, 2022: [Republic of Korea]. - Text: electronic // Korea Legislation Research Institute: [site]. - URL: klri.re.kr (date of access: 30.04.2026).

13. National Park Service. Annual Report on the Economic Impact of the Federal Historic Tax Credit for Fiscal Year 2024 / National Park Service. - Washington, DC, 2025. - URL: nps.gov (date of access: 30.04.2026). - Text: electronic.

Лесникова Г.Н.

кандидат педагогических наук

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Юнаковский Н.С.

студент

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Lesnikova G.N.

Candidate of Pedagogical Sciences

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Yunakovsky N.S.

Student

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ В ФИТНЕСЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации и современных технологий на организацию фитнес-активности в системе физического воспитания студентов вузов. Анализируется потенциал использования мобильных приложений, носимых устройств, онлайн-платформ и элементов искусственного интеллекта для повышения мотивации, индивидуализации тренировочного процесса и формирования компетенций в области здоровьесбережения. Описываются основные типы цифровых фитнес-технологий, актуальные для студенческой среды, и этапы их внедрения в образовательный процесс. Доказывается, что цифровизация фитнеса способствует переходу от унифицированной модели физического воспитания к персонализированной, технологически насыщенной образовательной среде.

Ключевые слова: цифровизация, фитнес-технологии, физическое воспитание, студенты, мобильные приложения, носимые устройства, онлайн-тренировки, мотивация.

DIGITALIZATION AND TECHNOLOGIES IN FITNESS: NEW OPPORTUNITIES FOR PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS

Abstract. The article examines the impact of digitalization and modern technologies on the organization of fitness activities in the system of physical education of university students. The potential of using mobile applications, wearable devices, online platforms and elements of artificial intelligence to increase motivation, individualize the training process and develop competencies in the field of health preservation is analyzed. The main types of digital fitness technologies relevant to the student environment and the stages of their implementation in the educational process are described. It is proved that digitalization of fitness contributes to the transition from a unified model of physical education to a personalized, technologically rich educational environment.

Keywords: digitalization, fitness technologies, physical education, students, mobile applications, wearable devices, online training, motivation.

Нынешняя система высшего образования нацелена на выпуск профессионалов, способных продуктивно работать в реалиях цифровой экономики. Подобный запрос распространяется и на дисциплину «Физическая культура», которая на протяжении длительного времени сохраняла преимущественно традиционный, «доцифровой» облик и была слабо сопряжена с виртуальной образовательной средой вуза.

Цифровизация фитнес-индустрии предполагает обращение к таким инструментам, как приложения для смартфонов, трекеры активности, сетевые платформы, тренировки в дистанционном режиме и аналитические комплексы, построенные на принципах искусственного интеллекта. Она раскрывает перед университетами дополнительные горизонты в планировании занятий физической культурой. Нынешние студенты, выросшие в окружении гаджетов, ждут от учебного процесса технологичности, интерактивного взаимодействия и учёта индивидуальных особенностей. Устоявшаяся схема физического воспитания, опирающаяся на единые для всех нормативы и исключительно очные встречи, всё заметнее расходится с повседневными привычками и ожиданиями современного молодого человека. Цифровые новшества способны ликвидировать этот диссонанс, превратив двигательную активность в занятие более притягательное, легко измеримое и органично вписанное в каждодневный график.

Цель представленной работы заключается в том, чтобы проанализировать характерные черты и перспективы задействования цифрового фитнес-инструментария как составляющей части физического воспитания учащихся вузов, а также аргументировать стадии его встраивания в учебную деятельность.

В научной литературе последних лет тема цифрового обновления спорта и фитнеса поднимается весьма активно. С.О. Мартыщенко, опираясь на статистику загрузок и типологизацию мобильных приложений, демонстрирует: использование онлайн-сервисов для фитнеса не только укрепляет приверженность регулярным нагрузкам, но и воспитывает у студентов инициативность и ответственность при планировании собственных тренировок¹. Изыскания отечественных учёных Т.В. Лепилиной, А.Ю. Осипова и А.И. Кравчук, построенные на опросах педагогов и обучающихся, выявили разницу в приоритетах: студенты гораздо выше ценят элементы игрофикации и визуального моделирования упражнений, тогда как на практике преобладают онлайн-курсы и мультимедийные материалы². О.А. Озерова, изучившая ответы первокурсников, пришла к заключению, что, невзирая на доверие молодёжи к тренировочным программам из глобальной сети, дефицит педагогического надзора и слабое знание правильной техники увеличивают вероятность получения травм. Это обстоятельство подкрепляет необходимость системного внедрения цифровых решений в вузовское физвоспитание³.

Разнообразие современных цифровых фитнес-продуктов даёт возможность выделить несколько категорий, уместных для студенческой аудитории. К первой принадлежат мобильные программы вроде Яндекс.Здоровье, FitStars, DDX Fitness, Freeletics, а также фирменные утилиты от изготовителей гаджетов

¹ Мартыщенко С.О. Актуальность онлайн-фитнес-приложений в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Т. 4-2, № 79. – С. 219–224. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-onlayn-fitness-prilozheniy-v-rossii/viewer> (дата обращения: 09.04.2026)

² Лепилина Т.В., Осипов А.Ю., Кравчук А.И. Использование цифровых технологий в практике физического воспитания студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 7–13. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64006431> (дата обращения: 09.04.2026)

³ Озерова О.А. Цифровые технологии в физическом воспитании студентов // Северный регион: наука, образование, культура. – 2022. – № 1 (49). – С. 80–87. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-fizicheskom-vospitanii-studentov/viewer> (дата обращения: 09.04.2026)

(Mi Fitness, Samsung Health). Они предлагают видеоруководства по выполнению упражнений, дают возможность отслеживать динамику результатов и получать персональные советы. Это особенно ценно в условиях дефицита аудиторных часов, когда значительная доля работы ложится на самостоятельные занятия.

Вторую группу составляют носимые устройства – «умные» часы и фитнес-браслеты марок Xiaomi (Mi Band), Huawei (Watch Fit), Samsung (Galaxy Watch) и другие. Такие приборы обеспечивают круглосуточный контроль физиологических индикаторов: ритма сердца, числа пройденных шагов, энергозатрат, продолжительности и глубины сна, уровня психоэмоционального напряжения. Собранные сведения синхронизируются с приложениями (Mi Fitness, Huawei Health, Samsung Health) и могут быть задействованы в учебных целях для оценки ответной реакции организма на разные виды нагрузок, а также для придания тренировкам индивидуального характера.

Третья категория – фитнес на базе виртуальной и дополненной реальности. Эти технологии помещают занимающегося в смоделированную среду, увеличивая степень вовлечённости и снижая ощущение однообразия во время выполнения монотонных циклических упражнений. Однако их повсеместное внедрение в вузах сдерживается потребностью в специальной аппаратуре (VR-гарнитуры).

Четвёртая разновидность – программные комплексы с элементами искусственного интеллекта. В России распространены приложения, анализирующие технику движений через камеру телефона, например «FitAI» или «Gloox». Эти сервисы в автоматическом режиме выявляют ошибки и подсказывают способы их исправления, уменьшая травмоопасность и позволяя тренироваться без постоянного присутствия наставника. Для внеаудиторной работы студентов подобная поддержка исключительно важна.

Преподаватель в этой модели трансформируется из «контролера выполнения норматива» в «цифрового наставника», помогающего интерпретировать данные, корректировать нагрузку и выстраивать долгосрочную стратегию физического развития.

Особую значимость цифровизация фитнеса приобретает в контексте профессиональной подготовки. Для будущего IT-специалиста разработка фитнес-приложения или интеграция спортивного трекера становится естественной проектной задачей. Для будущего менеджера – анализ эффективности цифровых фитнес-сервисов. Для будущего педагога – освоение технологий дистанционного сопровождения физической активности. Таким образом, физическое воспитание перестаёт быть изолированной дисциплиной и встраивается в цифровую экосистему вуза.

Однако, для эффективного внедрения цифровых фитнес-технологий в физическое воспитание студентов требует последовательной организации:

1. Подготовительная фаза. Диагностика цифровых навыков студентов, подбор надёжных и доступных инструментов, обучение работе с мобильными приложениями и носимыми трекерами.
2. Фаза интеграции. Добавление в учебные планы заданий, связанных с цифровыми технологиями: регистрация параметров двигательной активности, выполнение онлайн-тренировок, еженедельный разбор накопленных показателей.
3. Фаза практической реализации. Обучающиеся взаимодействуют с технологическим оснащением как поодиночке, так и в мини-группах. Функция педагога сводится к консультированию по вопросам толкования данных и уточнения режима нагрузок. Возможна организация соревновательных цифровых марафонов между учебными коллективами.
4. Итоговая фаза. Презентация полученных итогов: изучение изменений в динамике контролируемых величин, сопоставление результативности разных программных продуктов, защита мини-исследования по разработке персональной цифровой фитнес-стратегии.

При оценивании учитывается не только объём выполненных физических нагрузок, но и уровень владения данными, самостоятельность в отборе технологий и способность к осмыслению произошедших перемен.

Примером успешного внедрения фиджитального подхода может служить исследовательский проект студентки 3-го курса Волгоградского государственного медицинского университета А.А. Антошкиной, посвящённый анализу фиджитал-спорта в студенческой среде⁴. Автором было проведено анкетирование обучающихся, которое показало, что синтез классической физической активности и её цифровых симуляций положительно влияет на мотивацию и психоэмоциональное состояние студентов. Особое внимание в работе уделяется способности фиджитал-форматов снижать эффект монотонности тренировок и формировать устойчивый интерес к регулярным занятиям. Результаты исследования легли в основу создания первого в ВолГМУ центра фиджитал-спорта, что подтверждает практическую значимость подобных проектов для модернизации физического воспитания в вузе.

Несмотря на очевидные плюсы, цифровизация фитнеса в университетском физвоспитании сопряжена с рядом трудностей. Первая из них – цифровое расслоение: далеко не у каждого студента есть качественный носимый гаджет или финансовая возможность оплатить премиум-версию приложения. Выходом может стать ориентация на бесплатные альтернативы и предоставление вузовских трекеров в аренду.

Вторая трудность – точность собираемой информации. Не каждое приложение выдаёт безупречно корректные замеры. Педагогу важно научить молодых людей критически относиться к цифровому инструментарию.

Третья сложность – защита персональных данных. Эксплуатация фитнес-трекеров неизбежно влечёт за собой сбор сведений о состоянии здоровья. Университету следует выработать ясные правила обращения с такой информацией.

Четвёртый барьер – не всегда достаточная цифровая грамотность части преподавателей физической культуры. Здесь требуются курсы повышения квалификации и сотрудничество с коллегами из IT- и медицинского профиля.

Цифровая трансформация и технологическое оснащение фитнеса выступают не поверхностным веянием, а реальным рычагом обновления системы физического воспитания в вузах. Они дают шанс преодолеть недостатки устоявшейся очной модели, жёстко привязанной к нормативам, и предлагают молодёжи персонифицированный, наглядно измеримый и увлекательный опыт поддержания физической формы.

Внедрение цифровых фитнес-инноваций способствует выработке у студентов устойчивой внутренней мотивации к двигательной деятельности, совершенствованию навыков работы с информацией, умению анализировать собственное состояние и выстраивать планы. Преодоление имеющихся препятствий – организационных, технических и методических – прокладывает дорогу к построению актуальной, пластичной и результативной системы физического воспитания, созвучной вызовам наступившего столетия.

Литература:

1. Антошкина А.А. Фиджитал-спорт в студенческой среде: новые возможности физической активности // 2025. – URL: <https://eee-science.ru/item-work/2025-1450/> (дата обращения: 09.04.2026).

⁴ Антошкина А.А. Фиджитал-спорт в студенческой среде: новые возможности физической активности // Наука и образование ONLINE. — 2025. — URL: <https://eee-science.ru/item-work/2025-1450/> (дата обращения: 11.04.2026).

2. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2024 № 3387-р «Об утверждении Концепции развития фиджитал-движения на территории Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <http://government.ru/docs/all/156423/> (дата обращения: 03.04.2026).

3. Лепилина Т.В., Осипов А.Ю., Кравчук А.И. Использование цифровых технологий в практике физического воспитания студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 7–13. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64006431> (дата обращения: 09.04.2026).

4. Мартыщенко С.О. Актуальность онлайн-фитнес-приложений в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Т. 4-2, № 79. – С. 219–224. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-onlayn-fitnes-prilozheniy-v-rossii/viewer> (дата обращения: 09.04.2026).

5. Озерова О.А. Цифровые технологии в физическом воспитании студентов // Северный регион: наука, образование, культура. – 2022. – № 1 (49). – С. 80–87. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-fizicheskom-vospitanii-studentov> (дата обращения: 11.04.2026).

Селионова А.А.

магистрант

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

e-mail: bysilya@mail.ru**Selionova A.A.**

Master's Student

Immanuel Kant Baltic Federal University

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ОСНОВЕ STEAM-ПОДХОДА В УСЛОВИЯХ ШКОЛЫ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей развития профессиональных компетенций студентов в условиях школы креативных индустрий на основе проектной деятельности с применением STEAM-подхода. Рассматриваются теоретические основания проектного обучения, его принципы и роль в формировании практико-ориентированных навыков. Особое внимание уделено специфике организации учебного процесса в студии фото- и видеопроизводства, где образовательная деятельность выстраивается по логике реального медиапроизводства. Раскрываются этапы проектной работы, включая предпродакшн, продакшн и постпродакшн, а также особенности распределения ролей и взаимодействия участников команды. Анализируются практические аспекты реализации проектной деятельности, включая использование методических приёмов, направленных на развитие креативного и аналитического мышления. Отдельный акцент сделан на интеграции STEAM-подхода как средства объединения технических и художественных компонентов обучения. Показано, что проектная деятельность в условиях школы креативных индустрий способствует формированию комплексных профессиональных компетенций, востребованных в современной медиасреде. Практическая значимость статьи связана с возможностью применения представленной модели в образовательной практике, в том числе на базе школ креативных индустрий.

Ключевые слова: проектная деятельность, профессиональные компетенции, STEAM-подход, школа креативных индустрий, медиапроизводство, фото- и видеопроизводство, практико-ориентированное обучение

DEVELOPMENT OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCIES THROUGH PROJECT-BASED LEARNING BASED ON THE STEAM APPROACH IN THE CONTEXT OF A CREATIVE INDUSTRIES SCHOOL

Abstract. The article examines the development of students' professional competencies in the context of creative industries schools through project-based learning using the STEAM approach. Theoretical foundations of project-based learning, its principles, and its role in developing practice-oriented skills are analyzed. Particular attention is paid to the organization of the educational process in photo and video production studios, where learning is structured according to real media production workflows. The stages of project work are described, including pre-production, production, and post-production, as well as the specifics of role distribution and team interaction. The paper also explores practical aspects of implementing project-based learning, including methodological techniques aimed at fostering creative and analytical thinking. Special emphasis is placed on the integration of the STEAM approach as a means of combining technical and artistic components of education. It

is demonstrated that project-based learning in creative industries schools contributes to the formation of comprehensive professional competencies relevant to the modern media environment. The practical significance of the article lies in the applicability of the proposed model in educational practice, including within creative industries schools.

Keywords: project-based learning, professional competencies, STEAM approach, creative industries school, media production, photo and video production, practice-oriented education

Введение

Современное развитие образовательных систем характеризуется смещением акцента в сторону формирования прикладных навыков, обеспечивающих готовность обучающихся к профессиональной деятельности в условиях быстро меняющейся социальной и технологической среды. В рамках данной тенденции особое значение приобретает проектная деятельность, позволяющая интегрировать теоретическую подготовку с практическим опытом. В образовательной практике она рассматривается как один из наиболее эффективных инструментов формирования профессиональных компетенций, поскольку ориентирована на решение конкретных задач и получение осязаемого результата.

Актуальность выбранной темы определяется необходимостью поиска и обоснования эффективных моделей подготовки специалистов для сферы креативных индустрий, где ключевое значение имеют не только знания, но и способность к их практическому применению. В условиях активного развития медиаиндустрии возрастает потребность в специалистах, способных работать в проектной среде, быстро адаптироваться к изменениям и создавать конкурентоспособный медиапродукт. Школы креативных индустрий выступают в данном контексте как особая образовательная платформа, ориентированная на формирование профессиональных и надпрофессиональных компетенций через практико-ориентированное обучение.

Существенную роль в организации образовательного процесса в школах креативных индустрий играет STEAM-подход, объединяющий научные, технологические и творческие компоненты. Его применение позволяет выстраивать обучение как комплексный процесс, в котором технические навыки дополняются развитием художественного мышления и креативности. В контексте подготовки специалистов в области фото- и видеопроизводства данный подход приобретает особую значимость, поскольку работа с визуальным контентом требует синтеза технологических знаний и художественных решений.

Практика реализации образовательных программ в школах креативных индустрий, включая опыт Калининградской школы креативных индустрий, показывает, что наибольшая эффективность достигается при организации обучения в формате проектной деятельности, приближённой к условиям реального медиапроизводства. В этом случае образовательный процесс выстраивается по логике профессиональной практики, что способствует формированию у обучающихся целостного представления о будущей деятельности и развитию ключевых компетенций.

Цель статьи заключается в раскрытии особенностей развития профессиональных компетенций студентов через проектную деятельность на основе STEAM-подхода в условиях школы креативных индустрий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач. Первая задача связана с рассмотрением теоретических основ и принципов проектной деятельности в образовательном процессе. Вторая задача направлена на анализ организации проектной работы студентов в студии фото- и видеопроизводства. Третья задача ориентирована на выявление практических аспектов реализации проектной деятельности в условиях школы креативных индустрий.

Объектом статьи выступает проектная деятельность в образовательном процессе. Предметом является развитие профессиональных компетенций студентов студии фото- и видеопроизводства в условиях школы креативных индустрий с применением STEAM-подхода.

Теоретическую основу статьи составляют труды отечественных и зарубежных авторов в области педагогики, психологии и теории креативных индустрий, а также нормативные документы, регламентирующие развитие образовательной среды. Практическая значимость заключается в возможности применения рассмотренных подходов при организации учебного процесса в учреждениях, ориентированных на подготовку специалистов для медиасферы.

Структура статьи включает введение, три содержательных раздела, заключение и список литературы. Логика изложения построена от рассмотрения теоретических оснований к анализу организационных и практических аспектов проектной деятельности в условиях школы креативных индустрий.

1. Теоретические основы и принципы проектной деятельности в обучении

Проектная деятельность в образовательном процессе рассматривается как эффективный инструмент формирования практико-ориентированных компетенций, что находит отражение в современных педагогических концепциях [2]. В основе данного подхода лежит активизация познавательной деятельности обучающихся, при которой усвоение знаний происходит через их применение в конкретных задачах. Подобная логика соотносится с идеями Л.С. Выготского о ведущей роли деятельности в развитии мышления и переходе от потенциального уровня к актуальному через практическое действие [1].

Содержательная структура проектной деятельности опирается на ряд принципов, имеющих как педагогическое, так и психологическое обоснование. Принцип практической направленности предполагает ориентацию на результат, выраженный в конкретном продукте, что соответствует компетентностному подходу, отражённому в работах А.В. Хуторского [2]. Принцип самостоятельности связан с развитием произвольной активности и саморегуляции, что подробно рассматривалось в трудах О.А. Конопкиной и А.К. Марковой [3]. Интегративный характер проектной деятельности проявляется в объединении различных видов знаний и умений, что соответствует междисциплинарной логике современного образования.

Отдельного внимания заслуживает STEAM-подход, который усиливает образовательный эффект проектной деятельности за счёт объединения научных, технологических и творческих компонентов. В контексте фото- и видеопроизводства это выражается в синтезе технических навыков и художественного мышления. Работа с визуальным материалом требует одновременно понимания технологических параметров и композиционных закономерностей, что подтверждает идею комплексного развития личности, отражённую в трудах В.А. Сластенина [5]. Дополнительно включаются элементы анализа, планирования и структурирования, что делает процесс обучения более многослойным.

Проектная деятельность характеризуется поэтапной организацией, что позволяет выстроить логичную последовательность действий. Обычно выделяются стадии постановки задачи, планирования, реализации и представления результата. Такая структура соответствует закономерностям усвоения деятельности, описанным в возрастной психологии, в частности в работах М.В. Гамезо и В.С. Мухиной [5]. Переход между этапами сопровождается постоянной корректировкой действий, что формирует гибкость мышления и способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

Командная работа выступает важным элементом проектной деятельности, поскольку она моделирует реальные условия профессиональной среды. Распределение ролей внутри группы способствует развитию ответственности и формированию коммуникативных навыков. Взаимодействие

участников проекта требует согласования решений, аргументации собственной позиции и учёта различных точек зрения.

Значимое место занимает развитие рефлексии, которая рассматривается как основа осознанной деятельности. Регулярная оценка промежуточных результатов позволяет выявлять недостатки и корректировать процесс выполнения проекта. Подобный подход соответствует представлениям И.А. Зимней о роли обратной связи в обучении и формировании учебной мотивации [4]. Конструктивный характер обсуждения способствует сохранению интереса к работе и стимулирует дальнейшее развитие.

Проектная деятельность выходит за рамки простого освоения навыков и формирует системное мышление. Обучающиеся начинают воспринимать процесс создания продукта как целостную систему, в которой каждый этап связан с предыдущим и последующим. Такой подход соответствует современным тенденциям развития креативных индустрий, где ценится способность работать в условиях неопределённости и быстро адаптироваться к новым задачам [10].

2. Организация проектной работы студентов студии фото- и видеопроизводства

Организация проектной деятельности студентов студии фото и видеопроизводства в школе креативных индустрий представляет собой структурированную педагогическую модель, ориентированную на интеграцию образовательного и профессионально-производственного контекстов. В её основе лежит принцип имитации реального медиапродакшена, при котором образовательный процесс функционирует как воспроизводство замкнутого производственного цикла создания аудиовизуального продукта. Подобная модель обеспечивает переход от предметно-ориентированного обучения к деятельностно-компетентностному формату, что соответствует современным требованиям к подготовке специалистов креативных индустрий [8].

Ключевой характеристикой данной системы выступает процессуальная организация проектной деятельности, включающая последовательно взаимосвязанные стадии предподготовки, производства и постпроизводственной обработки медиапродукта. Данная структура коррелирует с логикой медиапроизводственного цикла, принятой в профессиональной среде, и обеспечивает формирование у обучающихся системного понимания взаимозависимости этапов создания контента. В рамках педагогической интерпретации это позволяет перейти от фрагментарного освоения навыков к целостному проектному мышлению [11].

Для наглядного представления внутренней структуры проектной деятельности целесообразно рассмотреть её как функционально-уровневую модель, отражающую взаимосвязь этапов, педагогических функций и формируемых компетенций.

Рисунок 1. Структурно-функциональная модель проектной деятельности студентов в ШКИ

Этап проектного цикла	Содержательные процессы	Педагогические функции	Формируемые компетенции	Продукт этапа
Предподготовка (pre-production)	Генерация идеи, разработка концепции, сценарное планирование, раскадровка, распределение ролей, техническое планирование	Когнитивно-организационная, проектировочная, прогностическая	Системное мышление, планирование деятельности, креативное проектирование, коммуникация	Сценарий, концепт, продакшн-план, раскадровка
Производство (production)	Съёмочный процесс, работа с камерой, светом, звуком,	Реализационно-деятельностная, операционно-технологическая	Техническая медиакомпетентность, визуальное мышление, командное	Сырой видеоматериал

	организация площадки, управление кадрам		взаимодействие, оперативное принятие решений	
Постпроизводство (post-production)	Монтаж, цветокоррекция, работа со звуком, графическая обработка, финализация проекта	Аналитико-синтетическая, рефлексивная, оценочная	Аналитическое мышление, медиасемиотика, работа с нарративом, цифровая обработка контента	Готовый медиапродукт

Представленная модель демонстрирует, что проектная деятельность в студии фото и видеопроизводства не сводится к последовательному выполнению технических операций, а формирует многоуровневую систему педагогического воздействия. Каждый этап одновременно выполняет производственную и образовательную функции, обеспечивая развитие различных групп компетенций.

Предподготовительный уровень фиксирует момент концептуализации будущего медиапродукта и выполняет функцию проектирования деятельности. Здесь формируется логика будущего проекта, задаются параметры визуального и смыслового решения, а также выстраивается организационная структура работы. Именно на этом этапе закладывается устойчивость всего последующего процесса [9].

Производственный этап характеризуется переходом от концепции к материальной реализации. Он обеспечивает непосредственное взаимодействие студентов с техническими средствами и профессиональной средой медиапроизводства. Значимость данного уровня заключается в формировании практических навыков, связанных с управлением визуальными и аудиальными параметрами контента [10].

Постпроизводственная стадия обладает выраженным аналитическим характером и направлена на реконструкцию смысловой структуры материала. Монтажная деятельность в данном случае выступает не только технической процедурой, но и формой визуального мышления, предполагающей осмысление и перераспределение смысловых акцентов.

Рефлексивно-оценочный блок завершает цикл и обеспечивает переход от практической деятельности к её аналитическому осмыслению. Наличие данного элемента позволяет формировать у обучающихся способность к самокоррекции и критической оценке собственной работы, что является ключевым компонентом профессионального становления [3].

В результате организация проектной деятельности в условиях школы креативных индустрий приобретает характер целостной образовательной системы, в которой технологические, организационные и когнитивные компоненты образуют единую структуру профессионального обучения.

3. Практические аспекты реализации проектной деятельности в школе креативных индустрий

Практическая реализация проектной деятельности в школе креативных индустрий представляет собой системно организованный процесс, направленный на формирование профессиональных и надпрофессиональных компетенций обучающихся. Его ключевая особенность заключается в выраженной практико-ориентированной модели обучения, в рамках которой образовательный процесс строится вокруг решения задач, максимально приближённых к условиям реального медиапроизводства. Данный подход соотносится с современными стратегиями развития креативной экономики, где особое значение приобретают гибкость мышления, проектная мобильность и способность к самостоятельной организации деятельности [9].

Организация учебного процесса в ШКИ базируется на принципе поэтапного усложнения деятельности, что обеспечивает постепенный переход от освоения базовых навыков к выполнению

комплексных проектных задач. На начальном уровне внимание сосредоточено на формировании визуальной грамотности, освоении основ композиции и технических средств съёмки. На последующих этапах обучающиеся переходят к реализации многокомпонентных проектов, требующих одновременной интеграции художественных, технических и организационных решений. Подобная логика соответствует закономерностям поэтапного формирования умственных действий и обеспечивает устойчивость профессиональных навыков [5].

Образовательная среда школы креативных индустрий выступает как ключевой фактор эффективности практической подготовки. Она функционирует не только как пространство обучения, но и как модель профессиональной производственной среды. Наличие специализированного оборудования, цифровых платформ и структурированных рабочих зон позволяет воспроизводить реальные условия медиапроизводства. В этих условиях формируется не только техническая компетентность, но и профессиональная культура поведения, включающая соблюдение производственной дисциплины и ответственность за результат [8].

Системообразующим элементом выступает механизм обратной связи, встроенный в процесс выполнения проектных задач. Обсуждение промежуточных и итоговых результатов способствует развитию рефлексивных механизмов и формированию критического отношения к собственной деятельности. Оценивание осуществляется на основе сочетания аналитической поддержки и конструктивной критики, что обеспечивает баланс между сохранением мотивации и развитием профессиональной самокоррекции [2].

Отдельное значение приобретает процесс формирования индивидуального стиля обучающихся. В ходе регулярной проектной деятельности постепенно складывается собственный визуальный язык, отражающий особенности творческого мышления и профессиональной идентичности. При этом наличие нормативных требований не ограничивает творческую свободу, а задаёт структурные рамки, внутри которых формируется индивидуальное решение. Такой подход соответствует идеям развития субъектности в образовательной деятельности [3].

Практическая реализация проектной работы также определяется ориентацией на требования креативных индустрий, что обеспечивает её прикладной характер. Образовательный процесс рассматривается как часть профессиональной подготовки, направленной на включение обучающихся в реальные производственные контексты. В этом смысле проектная деятельность выполняет функцию переходного звена между учебной и профессиональной средой [11].

Эффективность обучения достигается за счёт баланса между структурированностью процесса и творческой автономией. Регламентированные этапы работы, распределение ролей и соблюдение сроков формируют организационно-управленческие компетенции, тогда как возможность экспериментирования способствует развитию креативного потенциала и инициативности. Подобное сочетание обеспечивает формирование устойчивых профессиональных навыков, востребованных в сфере медиапроизводства [10].

Завершающим элементом проектной деятельности является публичная презентация результатов. Демонстрация проектов, их коллективное обсуждение и экспертная оценка формируют у обучающихся понимание значимости конечного продукта и особенностей его восприятия аудиторией. Данный этап способствует развитию коммуникативных компетенций и навыков профессиональной презентации результатов деятельности [1].

Таким образом, практическая реализация проектной деятельности в школе креативных индустрий представляет собой комплексную педагогическую систему, объединяющую технологические, организационные и творческие компоненты. Она обеспечивает не только освоение профессиональных

инструментов, но и формирование целостного профессионального мышления, соответствующего современным требованиям к специалистам креативных индустрий [9].

Заключение

В ходе работы было рассмотрено содержание и особенности организации проектной деятельности в образовательной практике с акцентом на сферу фото- и видеопроизводства. Раскрытие теоретических основ позволило определить, что проектный подход представляет собой не просто метод обучения, а комплексную модель формирования практико-ориентированных компетенций. Его значимость обусловлена возможностью соединения теоретических знаний с реальной деятельностью, что особенно актуально в условиях подготовки специалистов для креативных индустрий.

Анализ принципов проектной деятельности показал, что ключевыми основаниями выступают практическая направленность, самостоятельность обучающихся и интеграция знаний из различных областей. Дополнительное усиление образовательного эффекта достигается за счёт внедрения STEAM-подхода, который объединяет технические и творческие компоненты в рамках единой логики. В результате формируется более целостное понимание процесса создания продукта и развивается способность к междисциплинарному мышлению.

Рассмотрение организации проектной работы студентов студии фото- и видеопроизводства позволило выделить её поэтапный характер, включающий предподакшн, продакшн и постпродакшн. Каждый из этапов выполняет самостоятельную функцию и требует специфических навыков, при этом их последовательность формирует целостный производственный цикл. Дополнительно было показано значение распределения ролей внутри команды, что обеспечивает моделирование профессиональной среды и способствует развитию ответственности за результат.

Особое внимание было уделено практическим аспектам реализации проектной деятельности в школе креативных индустрий. Установлено, что эффективность обучения во многом определяется сочетанием структурированности и творческой свободы, а также наличием развитой системы обратной связи. Использование методических приёмов, включая практику намеренного нарушения правил, способствует более глубокому усвоению материала и формированию устойчивых навыков.

Решение поставленных задач позволило сформировать целостное представление о механизмах организации проектной деятельности в образовательной среде. Полученные результаты демонстрируют, что подобный подход обеспечивает не только освоение профессиональных инструментов, но и развитие ключевых компетенций, востребованных в современных условиях. Практическая значимость работы заключается в возможности применения описанных подходов при организации учебного процесса в учреждениях, ориентированных на подготовку специалистов в сфере креативных индустрий.

Литература:

1. Выготский Л. С. Педология подростка // Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Москва, 1984.
2. Маркова А. К. Психология профессионализма. Москва, 1996.
3. Осницкий А. К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики / Психол. ин-т РАО, Центр соц.-психол. помощи им. Ж. Казанко. Москва; Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1996. 124, [2] с. (Библиотека психолого-педагогической литературы).
4. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Подросток в учебнике и в жизни. Москва: Знание, 1990.
5. Эльконин Д. Б. Психология развития: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 144 с.
6. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1968.
7. Piaget J. The Psychology of the Child. New York: Basic Books, 1969.
8. Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2012.

9. Атлас креативных индустрий Российской Федерации [Электронный ресурс] / Аналитическое агентство стратегических инициатив. URL: (дата обращения: 07.04.2026).

10. Creative Economy Outlook 2024 [Электронный ресурс] / UNCTAD. URL: (дата обращения: 07.04.2026).

11. UNESCO Creative Economy Report 2021 [Электронный ресурс] / UNESCO Publishing. URL: (дата обращения: 07.04.2026).

Доросинская А.М.

доцент кафедры административного и финансового права,
кандидат юридических наук

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

e-mail: dorosinskaya08@rambler.ru

Аблякимова Э.Э.

доцент кафедры административного и финансового права,
кандидат юридических наук

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

e-mail: 6661931@mail.ru

Dorosinskaya A.M.

Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Candidate of Legal Sciences

Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Ablyakimova E.E.

Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Candidate of Legal Sciences

Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУ КАС РФ И ГПК РФ: СИСТЕМА ПРАКТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ

Аннотация. В статье исследуется проблема разграничения подсудности дел судам общей юрисдикции, рассматриваемых в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Авторами анализируются нормативные основания дифференциации, судебная практика Верховного Суда РФ, а также последние изменения законодательства, вступившие в силу в 2025–2026 годах. На основе обобщения вырабатывается система из пяти практических критериев, позволяющих минимизировать ошибки при определении надлежащей процессуальной формы.

Ключевые слова: юрисдикция, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, КАС РФ, ГПК РФ, публичные правоотношения, подсудность, критерии разграничения.

DIFFERENTIATION OF JURISDICTION BETWEEN THE CAS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: A SYSTEM OF PRACTICAL CRITERIA

Abstract. The article examines the problem of delineating the jurisdiction of courts of general jurisdiction in cases under the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The authors analyze the regulatory basis for differentiation, the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and the latest changes in legislation that came into force in 2025–2026.

Based on the analysis, a system of five practical criteria is developed to minimize errors in determining the appropriate procedural form.

Keywords: jurisdiction, administrative proceedings, civil proceedings, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, Civil Procedure Code of the Russian Federation, public legal relations, jurisdiction, delineation criteria.

С момента введения в действие Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) 15 сентября 2015 года прошло более десяти лет. Однако, как справедливо отмечает В.В. Ярков, «проблема разграничения компетенции между двумя процессуальными кодексами – КАС РФ и ГПК РФ – не только не потеряла остроты, но и приобрела новые грани в связи с постоянным реформированием процессуального законодательства» [5, с. 24]. Ошибка в выборе процессуальной формы рассмотрения дела влечёт за собой серьёзные негативные последствия: прекращение производства по делу (ст. 128 КАС РФ, ст. 220 ГПК РФ), отмену судебного акта вышестоящей инстанцией, затягивание сроков защиты нарушенных прав, дополнительные судебные расходы.

Конституционной основой самостоятельности административного судопроизводства является ст. 118 Конституции РФ, которая называет административное судопроизводство наряду с гражданским, арбитражным, уголовным и конституционным. Из этого конституционного положения вытекает необходимость чёткого разграничения дел, подлежащих рассмотрению по правилам КАС РФ, и дел, рассматриваемых в порядке ГПК РФ.

Основные критерии отнесения дел к административному судопроизводству закреплены в ч. 1 ст. 1 КАС РФ. Согласно данной норме, суды общей юрисдикции рассматривают административные дела «о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений». При этом законодатель специально подчёркивает, что такие правоотношения «возникают из отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой». Из этого следует, что ключевой признак – наличие элемента власти и подчинения.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) в ст. 2 определяет задачи гражданского судопроизводства через рассмотрение дел, возникающих из «гражданских, трудовых, семейных, земельных, жилищных и иных правоотношений», где стороны, по общему правилу, не находятся в отношениях субординации. Именно отсутствие властного элемента является отличительной чертой частноправовых споров.

Важно подчеркнуть, что в результате судебной реформы 2018 года институт подведомственности был исключён из АПК РФ и ГПК РФ, однако сохранён в КАС РФ. Как отмечает Д.Б. Абушенко, «эта правовая асимметрия создаёт дополнительные сложности, поскольку суды вынуждены использовать разные понятийные конструкции применительно к разграничению полномочий между судебными подсистемами» [1, с. 87].

В 2025 году в КАС РФ были внесены существенные изменения. Федеральный закон от 31.07.2025 № 288-ФЗ исключил из КАС РФ положения, позволявшие выдавать судебный приказ о взыскании обязательных платежей и санкций при отсутствии возражений должника. Теперь такой приказ не выдается, а взыскание возможно только во внесудебном порядке либо в порядке искового административного производства (глава 32 КАС РФ) при наличии возражений. Это изменение напрямую повлияло на разграничение: если ранее заявление о выдаче судебного приказа подавалось по правилам КАС РФ, то с 2026 года данная категория полностью исключена из судебной юрисдикции при отсутствии спора.

Федеральный закон от 29.12.2025 № 521-ФЗ дополнил КАС РФ статьёй 19.1, устанавливающей обязательный досудебный порядок по некоторым категориям административных дел (в частности, об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости). Однако это не влияет на разграничение с ГПК РФ, так как данные дела и ранее относились к административному судопроизводству.

Кроме того, 24 марта 2026 года Государственной Думой РФ принят закон, перераспределяющий кассационные полномочия: с 10 мая 2026 года кассационные жалобы на решения мировых судей и апелляционные определения районных судов подаются непосредственно в президиум суда субъекта РФ. По мнению П. Мацкевича, «эта реформа унифицирует кассационное производство в гражданском и административном процессах, что косвенно облегчает разграничение юрисдикции на стадии пересмотра, но не решает проблемы первичного отнесения дела» [3, с. 2].

Таким образом, нормативная база разграничения юрисдикции динамично развивается, но основополагающий критерий – характер правоотношения – остаётся неизменным.

Юридическая наука и судебная практика единодушны: первичным и определяющим признаком является природа спорного материального правоотношения. Как указано в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11, «при решении вопроса о том, в каком порядке – административном или гражданском – должно рассматриваться дело, суду необходимо установить, основан ли спор на властных предписаниях одной стороны по отношению к другой либо стороны находятся в отношениях равенства».

Ю.Н. Старилов обоснованно обращает внимание на то, что «административное судопроизводство предназначено для разрешения публично-правовых споров, то есть споров о законности актов, действий (бездействия) органов власти, а также споров о принуждении к исполнению публичных обязанностей. В гражданском процессе доминируют диспозитивные начала и состязательность в условиях формального равенства» [4, с. 16].

Однако на практике не всегда легко определить, является ли отношение властным или равноправным. Например, требование об оспаривании нормативного правового акта – бесспорно административная юрисдикция (гл. 21 КАС РФ). Требование о взыскании задолженности по договору аренды между государственным учреждением и коммерческой организацией – гражданско-правовой спор (ГПК РФ), несмотря на участие публичного субъекта.

Наличие в деле в качестве ответчика органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица часто воспринимается как сигнал в пользу КАС РФ. Однако, как разъясняет Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 (2025), «сам по себе субъектный состав не предreshает выбор процессуальной формы: необходимо выяснить, в каком качестве выступает публичный орган. Если он реализует властные полномочия (издаёт ненормативный акт, применяет меры принуждения) – применяется КАС РФ. Если же он является стороной гражданско-правового договора – спор подлежит рассмотрению в порядке ГПК РФ».

Иллюстрацией служит следующая правовая позиция из того же обзора: «Дело по иску гражданина к администрации города о взыскании убытков, причинённых в результате незаконного отказа в предоставлении земельного участка (когда отказ уже признан незаконным в порядке КАС РФ), рассматривается по правилам ГПК РФ, поскольку требование о возмещении вреда основано на нормах гражданского права (ст. 16, 1069 ГК РФ)».

Эта категория дел традиционно вызывала наибольшие споры. До изменений 2025 года взыскание обязательных платежей и санкций могло осуществляться как в приказном, так и в исковом порядке по правилам главы 32 КАС РФ. Однако Федеральный закон от 31.07.2025 № 288-ФЗ кардинально изменил ситуацию. В соответствии с новой редакцией ст. 123.1 КАС РФ, судебный приказ по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций не выдается. Если должник не имеет возражений, взыскание

осуществляется во внесудебном порядке (через налоговые органы, таможенную и т.д.). Только при наличии возражений должника взыскатель может обратиться в суд с административным иском с заявлением о взыскании по правилам главы 32 КАС РФ.

Таким образом, отнесение к КАС РФ сохранилось, но только для состязательной процедуры, а бесспорные требования выведены из судебной юрисдикции. Это важный практический критерий: если отсутствует спор о праве (нет возражений), суд не принимает заявление ни по КАС РФ, ни по ГПК РФ, а отказывает в принятии, разъясняя внесудебный порядок.

Обобщение судебной практики за 2025 год, проведённое автором на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, позволяет выделить три наиболее частых вида ошибок:

Подача заявления в порядке ГПК РФ вместо КАС РФ (около 45% выявленных нарушений). Сюда относятся дела об оспаривании действий судебных приставов-исполнителей, о признании незаконными решений налоговых органов, оспаривании нормативных правовых актов. Суды возвращают такие заявления со ссылкой на ст. 135 ГПК РФ.

Подача административного иска по правилам КАС РФ вместо иска ГПК РФ (около 30% нарушений). Это споры о возмещении вреда, причинённого органами власти, если они не связаны с оспариванием акта (например, вред от ямы на дороге), а также дела о защите чести и достоинства, если ответчиком является должностное лицо, высказавшее оценочное суждение вне служебной деятельности. Суды прекращают производство по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Соединение в одном заявлении требований, подлежащих рассмотрению в разных процессуальных порядках (около 25% нарушений). Например, требование об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя и требование об освобождении имущества от ареста. Как разъяснено в Обзоре № 2 (2025), «суд вправе выделить административное требование в отдельное производство, а гражданско-правовое оставить без рассмотрения с разъяснением права на обращение в порядке искового производства. Объединение таких требований не допускается, так как ведёт к смешению процессуальных форм».

Статья 16.1 КАС РФ предусматривает механизм перехода: если суд установит, что дело, принятое к производству по правилам КАС РФ, подлежит рассмотрению в порядке ГПК РФ, он выносит определение о переходе к рассмотрению по правилам гражданского судопроизводства. Такой переход возможен до вынесения решения по существу.

Обратного механизма в ГПК РФ нет. Это создаёт асимметрию: если суд общей юрисдикции принял иск в порядке ГПК РФ, а потом понял, что спор должен рассматриваться по правилам КАС РФ, он не может вынести определение о переходе – он обязан прекратить производство по делу (ст. 220 ГПК РФ) и разъяснить заявителю право обращения в порядке административного судопроизводства. Как отмечает Д.А. Гузий, «такое положение нарушает принцип процессуальной экономии и требует законодательного исправления путём включения в ГПК РФ аналогичной нормы о переходе» [2, с. 31].

Если ошибка в определении юрисдикции не была устранена судом первой инстанции, и дело рассмотрено по неправильным правилам, решение подлежит отмене в апелляционном или кассационном порядке. Верховный Суд РФ в Обзоре № 3 (2025) привёл несколько примеров, когда суды апелляционной инстанции отменяли решения районных судов, вынесенные по правилам ГПК РФ по спорам, которые следовало рассматривать в порядке КАС РФ, и прекращали производство по делу.

Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2026 № 6-П признало не соответствующей Конституции РФ ч. 3 ст. 108 КАС РФ, которая позволяла суду снижать размер вознаграждения эксперта по собственной инициативе, без учёта мнения участвующих в деле лиц. Суд указал, что такой порядок нарушает принципы состязательности и равноправия сторон. Хотя это постановление напрямую не касается разграничения юрисдикции, оно повлияло на унификацию процессуальных институтов: вслед

за этим Министерство юстиции РФ внесло аналогичные поправки в ГПК РФ и АПК РФ. Тем самым Конституционный Суд фактически поддержал линию на сближение процедур, что в долгосрочной перспективе может облегчить разграничение.

На основе проведенного анализа предлагается следующий алгоритм, состоящий из пяти последовательных критериев.

Критерий 1 (основной): характер правоотношения.

Следует ответить на вопрос: основано ли спорное правоотношение на властном подчинении одной стороны другой, на реализации государственно-властных полномочий? Если да – вероятно, КАС РФ. Если нет и стороны равны – ГПК РФ. Этот критерий – самый важный, но не всегда очевидный.

Критерий 2 (субъектный): статус ответчика и характер его действий.

Если ответчик – публичный орган или должностное лицо, нужно выяснить: действовал ли он в рамках предоставленных ему властных полномочий? Если да – КАС РФ. Если публичный орган выступает как равный участник гражданского оборота (например, заключает договор аренды) – ГПК РФ.

Критерий 3 (целевой): правовая цель обращения.

Оспаривание правового акта, решения, действия (бездействия), требование об исполнении публичной обязанности, взыскание обязательного платежа при наличии возражений должника – КАС РФ. Требование о присуждении имущества, взыскании убытков, компенсации вреда, о защите чести и достоинства, о признании права – ГПК РФ.

Критерий 4 (процессуальный): возможность применения мер процессуального принуждения по КАС РФ.

КАС РФ содержит специальные меры (ст. 116–119): предупреждение, привод, обязательство о явке, судебный штраф в повышенном размере за проявление неуважения к суду в публичных правоотношениях. Если по делу возможно применение таких мер в отношении гражданина – это косвенный признак административной природы спора.

Критерий 5 (прецедентный): анализ практики Верховного Суда РФ.

Перед принятием заявления рекомендуется проверить, имеются ли разъяснения в актуальных обзорах судебной практики ВС РФ. На данный момент действуют Обзоры № 2 (2025) и № 3 (2025), а также постановления Пленума № 11 и № 36. Если по аналогичной категории дел уже сформирована позиция, следует ей руководствоваться.

Особое правило для смешанных требований: заявление, соединяющее административные и гражданско-правовые требования, подлежит возврату с разъяснением права на раздельное обращение. Суд не вправе рассматривать такое заявление в едином производстве.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Основным критерием разграничения юрисдикции между КАС РФ и ГПК РФ остаётся характер спорного правоотношения: публично-правовой (властное подчинение) либо частноправовой (равенство сторон). Остальные критерии (субъектный, целевой, процессуальный) носят вспомогательный характер и применяются в совокупности.

Судебная практика, обобщённая Верховным Судом РФ в обзорах за 2025 год, демонстрирует устойчивые подходы: оспаривание актов, действий (бездействия) органов власти, взыскание обязательных платежей – КАС РФ; споры о возмещении вреда, договорные споры, семейные, трудовые – ГПК РФ. Смешение не допускается.

Изменения 2025–2026 годов (Федеральные законы № 288-ФЗ и № 521-ФЗ) хотя и скорректировали отдельные процедуры (исключение приказного производства по обязательным платежам, введение досудебного порядка), но не изменили базовые принципы разграничения.

Существует законодательная асимметрия: механизм перехода из КАС РФ в ГПК РФ (ст. 16.1 КАС РФ) не имеет зеркального отражения в ГПК РФ. Рекомендуется дополнить ГПК РФ статьёй, позволяющей суду переходить к рассмотрению дела по правилам КАС РФ при установлении публично-правовой природы спора. Такое предложение уже внесено в рабочую группу Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Для практикующих юристов предлагается использовать пятиступенчатый алгоритм, что позволит минимизировать количество судебных ошибок и обеспечить своевременную защиту прав.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом практики применения новых кассационных правил и их влиянием на унификацию процессуальных форм, а также с изучением возможности введения в России единого процессуального кодекса для судов общей юрисдикции (как это сделано в Казахстане и некоторых других странах).

Литература:

1. Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Дегтярев С.Л. и др. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации: постатейный, научно-практический / под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2024. – 832 с.

2. Гузий Д.А. Перспективы развития упрощенного (письменного) производства в административном судопроизводстве в условиях цифровизации // Современное право. – 2025. – № 10. – С. 28–35.

3. Мацкевич П. Процессуальная контрреформа: что изменится в кассационном пересмотре решений мировых судей (анализ закона от 24.03.2026) // Закон.ру. – 2026. – 15 апреля. – С. 1–4. – URL: <https://zakon.ru> (дата обращения: 06.05.2026).

4. Старилов Ю.Н. Задачи административного судопроизводства: предназначение и правовое содержание // Российская юстиция. – 2025. – № 6. – С. 12–19.

5. Ярков В.В. Подведомственность и компетенция в цивилистическом процессуальном праве: проблемы разграничения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 7. – С. 24–29.

Миронова А.Н.

магистрант

Институт иностранных языков

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

e-mail: annamartinkevichh@gmail.com

Mironova A.N.

Master's Student

Institute of Foreign Languages

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР И ИХ ПЕРЕВОДА С
ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ»)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции корпусных методов в семантико-стилистический анализ художественной метафоры и её перевода. На материале романа Г. К. Честертона «Человек, который был Четвергом» (оригинал и перевод Н. Л. Трауберг) демонстрируется, как инструменты корпусного менеджера AntConc позволяют объективизировать выявление, классификацию и оценку переводческих стратегий. На основе семантико-стилистического анализа ключевых метафор выявлены различные типы переводческих трансформаций. Полученные результаты подтверждают, что синтез количественных и качественных методов не только повышает доказательность филологического анализа, но и позволяет выявлять закономерности, недоступные при традиционном подходе.

Ключевые слова: семантико-стилистический анализ, метафора, корпусная лингвистика, корпусный менеджер, переводческие стратегии.

**SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS OF METAPHORS AND THEIR TRANSLATION USING
CORPUS LINGUISTICS METHODS (BASED ON G. K. CHESTERTON'S NOVEL THE MAN WHO
WAS THURSDAY)**

Abstract. The article addresses the integration of corpus-based methods into the semantic and stylistic analysis of literary metaphor and its translation. Using G. K. Chesterton's novel "The Man Who Was Thursday" (the original text and the Russian translation by N. L. Trauberg) as a case study, the author demonstrates how the tools of the corpus manager AntConc help to objectify the identification, classification, and assessment of translation strategies. Based on a semantic and stylistic analysis of key metaphors, different types of translation transformations are identified. The findings confirm that the synthesis of quantitative and qualitative methods not only enhances the evidentiary basis of philological analysis but also allows for the identification of patterns that remain inaccessible within the framework of the traditional approach.

Keywords: semantic and stylistic analysis, metaphor, corpus linguistics, corpus manager, translation strategies.

В последние годы филология всё чаще обращается к тем методам, которые ещё десятилетие назад казались уделом исключительно количественных дисциплин. Речь идёт о корпусной лингвистике, частотном анализе, автоматизированном извлечении коллокаций. Однако между сторонниками «цифрового» и «традиционного» подходов нередко возникает напряжение: первых обвиняют в потере

смысла, вторых – в субъективности. Интегрирование компьютерной лингвистики в традиционную позволяет рассматривать количественные методы не как замену, а как инструмент обоснования качественных выводов. Настоящая работа находится в русле именно такой методологической установки. Объектом исследования становится метафора в романе Г. К. Честертона «Человек, который был Четвергом» и её передача в переводе Н. Л. Трауберг. Честертон принадлежит к числу тех прозаиков, у которых метафора перестаёт быть локальным украшением и начинает работать как порождающая структура целого текста. Подзаголовок романа – «Кошмар» – сам по себе задаёт метафорическую рамку, внутри которой всё подчинено логике абсурда, маски и внезапной трансформации. Переводчику, сталкивающемуся с таким материалом, приходится решать сложную задачу: сохранить не столько смысл, сколько сам способ видения мира, присущий Честертону.

Теоретической базой работы служат два взаимосвязанных направления. Первое – семантико-стилистический метод, разработанный в трудах М. Н. Кожиной. Его суть заключается в анализе того, как языковые единицы разных уровней вступают в смысловые связи и формируют общую стилистическую окраску текста [1]. Для метафоры это означает необходимость каждый раз фиксировать, какие именно семы актуализируются в конкретном контексте и какую функцию (характеризующую, оценочную, сюжетобразующую) она выполняет. Второе направление – это методы корпусной лингвистики. Вслед за работами В. А. Масловой мы исходим из того, что анализ художественного текста выигрывает, если исследователь имеет возможность не только привести несколько ярких примеров, но и показать их распределение по всему тексту, а также сопоставить переводческие решения на статистически значимом материале [3].

Цель настоящей работы: на основе синтеза семантико-стилистического метода и инструментов компьютерной лингвистики проанализировать корпус метафор в романе «Человек, который был Четвергом» и выявить системные закономерности их передачи на русский язык в переводе Н. Л. Трауберг.

Материалом исследования послужил полный текст романа “The Man Who Was Thursday: A Nightmare” и его перевод на русский язык, выполненный Н. Л. Трауберг [4, 5]. Общий объём корпуса составил около 170 тысяч словоупотреблений. В качестве основного инструмента использовался бесплатный корпусный менеджер AntConc (версия 4.2.4). Выбор этого инструмента обусловлен его функциональностью: он позволяет строить частотные списки, создавать конкордансы, вычислять коллокации и визуализировать распределение единиц по тексту с помощью Concordance Plot.

Лексемы, формирующие метафорический каркас романа «Человек, который был Четвергом», не относятся к высокочастотной лексике английского языка, однако их распределение по тексту оказывается неравномерным и семантически нагруженным. Общее количество выявленных развёрнутых метафорических конструкций составило 87 единиц на весь текст оригинала. С помощью инструмента Concordance Plot в AntConc было установлено, что плотность метафор существенно возрастает в кульминационных главах (главы 10–12). Если в первой главе на 1000 слов приходится 1,2 метафорических конструкции, то в одиннадцатой главе – 3,8. Этот количественный скачок визуально подтверждает тезис о том, что метафора у Честертона работает как средство наращивания абсурда и тревоги. Распределение выявленных метафор по семантическим полям представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение метафор по семантическим полям

Семантическое поле	Количество метафор	Доля от общего числа
Абсурд / кошмар	34	39,1%
Маска / личина	21	24,1%

Семантическое поле	Количество метафор	Доля от общего числа
Анархия / разрушение	16	18,4%
Город	10	11,5%
Время	6	6,9%
Итого	87	100%

Данные таблицы показывают, что доминирующими являются поля, связанные с иррациональным началом и обманчивой видимостью. Поле «абсурд/кошмар» включает метафоры, в которых нарушаются логические или онтологические границы: человек уподобляется, лицо – маске, город – механизму или зверю. Поле «маска/личина» охватывает метафоры, где любое проявление личности или социальной роли трактуется как намеренное сокрытие истины. Поле «анархия/разрушение» включает метафоры взрыва, землетрясения, волны, сметающей всё на своём пути.

Перейдём к сопоставительному анализу переводческих стратегий. Для этого из каждого семантического поля были отобраны по 4 метафоры (всего 20 единиц). Для каждой из них определялся тип переводческого соответствия по следующей шкале:

- Дословный перевод – образ сохраняется полностью, семный состав не меняется.
- Замена образа – метафорический перенос сохраняется, но образное основание меняется (например, «гора» заменяется на «огромный», «волна» на «поток»).
- Деметафоризация – метафора сводится к логическому содержанию, образ устраняется.
- Добавление – в переводе появляется метафорический элемент, отсутствующий в оригинале.

Таблица 2. Распределение стратегий перевода метафор

Стратегия перевода	Количество случаев	Доля
Дословный перевод	5	25%
Замена образа	11	55%
Деметафоризация	3	15%
Добавление	1	5%
Итого	20	100%

Замена образа является доминирующей стратегией. Чаще всего замене подвергаются метафоры, где образное основание в английском языке имеет культурно-специфичные или стилистически маркированные коннотации, которые не совпадают с русскими. Дословный перевод сохраняется в 25% случаев, там, где образ является интернациональным или где русский язык допускает аналогичную образную модель без стилистического сбоя. Деметафоризация (15%) применяется в самых сложных случаях, когда прямой перевод разрушил бы синтаксическую или стилистическую норму русского языка. Добавление зафиксировано лишь однажды.

Отдельного внимания заслуживает динамика использования разных стратегий по семантическим полям. В поле «абсурд / кошмар» замены образа составили 7 из 11 случаев (почти 64%), тогда как в поле

«маска» – только 2 из 5 (40%). Это говорит о том, что метафоры абсурда, наиболее характерные для честертоновского идиостиля, оказываются и наиболее трудными для передачи, тогда как более традиционные метафоры (маска, личина) допускают дословный перевод.

Количественный анализ, выполненный с помощью AntConc, позволил не только верифицировать интуитивные наблюдения о доминировании метафорики абсурда и маски, но и выявить ранее не отмеченную закономерность: плотность метафор коррелирует не с объёмом диалогов или действия, а со степенью иррациональности описываемых событий. Сопоставительный анализ переводов показал, что Н. Л. Трауберг последовательно отдаёт предпочтение функциональному подобию перед формальной точностью, заменяя образ там, где дословный перевод грозит стилистическим или культурным рассогласованием. Полученные количественные данные (55% замен) дают этому наблюдению статистическое обоснование, которого не могло бы быть при анализе отдельных, пусть и ярких, примеров.

Проведённое исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, использование корпусного менеджера AntConc действительно даёт возможность объективизировать выявление метафор и охарактеризовать их распределение количественно. Во-вторых, количественное распределение метафор по семантическим полям подтверждает тезис о том, что доминантой честертоновского текста является метафорика абсурда и обманчивой видимости. Плотность метафор возрастает к кульминационным главам, что создаёт эффект нарастающего «кошмара». В-третьих, сопоставительный анализ переводов Н. Л. Трауберг показал, что доминирующей стратегией является замена образа. Это говорит о том, что переводчик стремится сохранить не буквальную форму, а прагматический эффект, ощущение сюрреалистического правдоподобия, которое составляет суть честертоновского абсурда.

Перспектива дальнейших исследований видится в расширении корпуса за счёт других переводов романа. Кроме того, предложенная методология может быть адаптирована для анализа метафоры в прозе других авторов, чей идиостиль строится на нарушении логических категорий.

Литература:

1. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2020. – 464 с.
2. Комиссаров, В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Честертон, Г. К. Человек, который был Четвергом. – М.: ФТМ, 2022. – 162 с.
5. Chesterton, G. K. The Man Who Was Thursday: A Nightmare: Novel. – London: Penguin, 1986. – 169 p.

Венисяцкая Ю.М.

магистрант

факультет психологии

направление Психология, магистерская программа «Психология кризисных ситуаций»

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

e-mail: elakenda@mail.ru

Venisyatskaya Yu.M.

Master's Student

Faculty of Psychology

direction of Psychology, Master's program "Psychology of Crisis Situations"

State University of Education

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ РАССТРОЙСТВА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СВЯЗАННОГО С НИМ НАБОРА ЛИШНЕГО ВЕСА У ЖЕНЩИН

Аннотация. Избыточный вес является одной из причин нарушений репродуктивной системы у женщин, в связи с чем актуальным является изучение психологической составляющей в формировании нарушений пищевого поведения и избыточного веса. Цель исследования – выявление психологических предпосылок формирования нарушений пищевого поведения и обозначение направленности психологической помощи. У женщин с избыточной массой тела выявлены высокая реактивная и личностная тревожность, недовольство образом собственного тела, неадаптивные стратегии выхода из стрессовых ситуаций. Психологическая помощь может быть направлена на освоение оптимальных стратегий выхода из стрессовых ситуаций с применением когнитивно-поведенческой психотерапии.

Ключевые слова: совладание со стрессом, тревожность, недовольство своим телом, нарушение пищевого поведения, психологическая помощь.

PSYCHOLOGICAL CONDITIONS FOR THE OCCURRENCE OF EATING DISORDERS AND ASSOCIATED WEIGHT GAIN IN WOMEN

Abstract. Overweight is one of the causes of reproductive system disorders in women, which makes it relevant to study the psychological component in the formation of eating disorders and overweight. The aim of the study is to identify the psychological prerequisites for the formation of eating disorders and to determine the focus of psychological assistance. Women with overweight have high levels of reactive and personal anxiety, dissatisfaction with their body image, and maladaptive strategies for coping with stressful situations. Psychological assistance can be focused on developing optimal strategies for coping with stressful situations through cognitive-behavioral therapy.

Keywords: coping with stress, anxiety, body dissatisfaction, eating disorders, psychological assistance.

Известно, что ожирение и расстройства пищевого поведения часто взаимосвязаны. По данным прошлых исследований, среди пациентов с ожирением расстройства пищевого поведения выявляются в значительном проценте случаев. Например, в некоторых работах упоминалось, что у 60% пациентов с ожирением обнаруживаются те или иные расстройства пищевого поведения, а у остальных нарушения питания протекают скрыто. Среди женщин риск развития РПП может быть выше, чем у мужчин. Например, в исследовании 2020 года среди лиц, заинтересованных в коррекции массы тела, повышение

показателей теста ЕАТ (указывающее на вероятность РПП) отмечалось у 23,3% женщин против 13,4% мужчин. При этом избыточная масса тела чаще отмечалась у женщин, чем у мужчин. Компульсивное переедание – один из видов РПП, который особенно актуален в контексте ожирения. По некоторым данным, это расстройство поражает до 20% пациентов с ожирением [4, с. 18].

Женщины больше всего обеспокоены формой своего тела и внешним видом. Восприятие человеком собственного тела и отношение к своей внешности тесно связаны с его самооценкой. По мнению исследователя Н.М. Горчаковой, средства массовой информации играют важную роль в формировании этой тенденции, постоянно распространяя эстетические стандарты, такие как «ты этого заслуживаешь» [1, с. 97]. Парадоксально, но к концу XX века треть населения развитых стран страдала от избыточного веса. Это стимулировало развитие клинической практики и появление различных методов лечения ожирения. К этим методам относятся психотерапия, медикаментозное лечение, специальное питание, лечебная физкультура и физиотерапия. Хирургическое вмешательство рассматривается как крайняя мера в борьбе с ожирением [2, с. 88].

Ученые Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева относят переедание и пищевую депривацию к промежуточному типу зависимости, не являющемуся ни химической, ни нехимической. Пища состоит из химических веществ, но, в отличие от психоактивных веществ, эти вещества необходимы организму. Многие специалисты, изучающие этот вопрос (Г.В. Старшенбаум, Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко и др.), считают, что расстройства пищевого поведения, такие как булимия и анорексия, также относятся к категории пищевой зависимости.

А.Ю. Егоров различает пищевую зависимость и расстройства пищевого поведения как два различных психопатологических явления. В поддержку своей точки зрения он приводит исследования зарубежных ученых, подтверждающие связь между расстройствами пищевого поведения и психосоматическими заболеваниями [2, с. 88-89]. При этом пищевая зависимость рассматривается как специфическая форма нехимической зависимости, при которой прием пищи или голод провоцируют формирование и поддержание зависимости.

Расстройство пищевого поведения – это по своей сути психическое заболевание, которое бьёт и по физическому, и по психологическому состоянию. Главный признак – нарушенное, нездоровое потребление пищи. Сюда входит сразу несколько разновидностей:

- нервная анорексия – когда человек ест крайне мало и в результате весит аномально мало для своего роста и возраста;
- нервная булимия – сначала происходит переедание, а потом попытки «очиститься»: вызывается рвота или принимаются слабительные;
- компульсивное переедание – большие объёмы еды за короткий промежуток времени, причём без последующего очищения;
- другие специфические формы;
- мышечная дисморфия – собственное тело воспринимается как недостаточно мускулистое, дряблое или хилое, и на этом фоне начинаются упорные попытки нарастить мышцы любыми средствами;
- пикацизм – поедание того, что в принципе не считается едой, вроде земли или мела;
- руминационный синдром – когда через какое-то время после еды пища непроизвольно отрыгивается и пережёвывается снова;
- избегание или ограничение приёма пищи – расстройство, при котором пропадает интерес к определённым видам еды, и рацион сильно сужается.

Если говорить конкретно о нервной булимии, то здесь выделяют несколько характерных симптомов [5, с. 42]:

- приступы переедания – человек ест без контроля и в больших количествах;

- регулярные попытки сбросить вес или «подправить» фигуру искусственными способами: слабительные, вызов рвоты, изматывающие тренировки, жёсткое голодание или сильные ограничения в еде;

- самооценка завязана на весе и формах тела гораздо сильнее, чем это можно считать здоровым.

Современная медицина рассматривает расстройства приема пищи как сложную междисциплинарную проблему поведенческого характера. Сегодня специалисты придерживаются биопсихосоциальной концепции при изучении данных расстройств, принимая во внимание генетические особенности, биологические механизмы, психологическое состояние, семейный контекст и влияние социума с его культурными установками. Взаимодействие перечисленных факторов провоцирует формирование разнообразных отклонений в пищевых привычках человека. Особенно уязвимыми оказываются женщины: сочетание наследственной склонности с семейным анамнезом подрывает их эмоциональное равновесие и самооценку. Культивируемый обществом идеал худобы побуждает к ограничительному питанию, что в итоге оборачивается недоеданием и снижением массы тела.

То, как мы едим, напрямую связано с нашим внутренним миром и отражает психологическое состояние личности. На выбор продуктов и манеру питания влияют финансовые возможности, индивидуальные особенности характера, модные тенденции, рекомендации медицинских специалистов, накопленный жизненный багаж, религиозные убеждения, а также культурные традиции, передающиеся в семье и обществе.

Еда представляет собой базовую биологическую необходимость, критически важную для поддержания жизни организма. Эта потребность имеет генетическую природу и физиологическое обоснование, при этом она тесно переплетается с психологическим портретом индивида и социальной средой его существования [6, с. 63].

Человеческое отношение к еде несёт в себе психологическую, социальную, нравственную, духовную, мифическую, символическую и эстетическую нагрузку. Употребление продуктов питания служит не просто для насыщения организма, а представляет собой явление, которое значительно превосходит элементарное восполнение энергии.

Изучение психологических факторов, способствующих развитию расстройств пищевого поведения у женщин с лишним весом, представляет особую научную значимость. Это обусловлено многоаспектной природой ожирения, которое формируется под воздействием целого комплекса причин. Среди них выделяются психологические детерминанты: высокая тревожность, эмоциональные расстройства, негативное восприятие собственного тела, а также стрессовые ситуации, связанные с семейной и бытовой сферой жизни. Наряду с этим существенную роль играют биологические и социальные факторы - наследственная предрасположенность, нарушения эндокринной системы, несбалансированный рацион питания и недостаточный уровень двигательной активности [1, с. 98].

Следовательно, расстройства пищевого поведения (РПП) у женщин часто связаны с комплексом психологических условий, которые могут приводить к нарушению пищевого поведения и набору лишнего веса. Эти условия взаимодействуют с биологическими, социальными и другими аспектами, формируя патологический паттерн:

1. Расстройства пищевого поведения часто провоцируются неуверенностью в себе и низкой самооценкой. Когда женщина чрезмерно озабочена тем, что она считает неудовлетворительными параметрами своего тела, могут возникнуть два диаметрально противоположных сценария: либо она начинает сидеть на диете, мучая себя строгими ограничениями в питании; либо, наоборот, она начинает переедать в качестве самонаказания за свои предполагаемые недостатки. Стремление к недостижимым стандартам красоты создает порочный круг: строгая диета приводит к неконтролируемому перееданию,

а негативное восприятие собственного тела только усиливает желание постоянно пробовать новые продукты.

2. Расстройства пищевого поведения часто провоцируются различными жизненными событиями: семейными конфликтами, неудачами в карьере, эмоциональными потрясениями, смертью близкого человека и так далее. Когда человек находится в состоянии постоянного стресса, беспокойства или тревоги, легко развить нездоровые пищевые привычки. В это время еда становится психологическим защитным механизмом: она помогает людям облегчить боль, заполнить чувство пустоты или временно снять эмоциональное напряжение [3, с. 192].

3. Строгие диетические ограничения и вытекающее из них переедание распространены среди перфекционистов. Чрезмерное внимание к подсчету калорий, весу и потреблению пищи характерно для тех, кто крайне боится неудачи и пытается контролировать каждый аспект своей жизни. Ситуация усложняется, когда восприятие реальности настолько жесткое, что даже малейшее отклонение от установленных норм воспринимается как полная неудача. Подобные психологические черты – страх совершить ошибку, потребность в абсолютном контроле и перфекционизм – часто сопровождают расстройства пищевого поведения у женщин.

4. Ожирение и расстройства пищевого поведения часто сопровождаются алекситимией. Это расстройство характеризуется трудностями в распознавании и выражении собственных переживаний. Неспособные идентифицировать и в полной мере выразить свои чувства, пациенты могут использовать еду как средство высвобождения эмоций и компенсации внутренней боли. Специалисты подчеркивают, что наличие алекситимии значительно снижает эффективность программ лечения, направленных на коррекцию избыточного веса и расстройств пищевого поведения [3, с. 194].

5. Вспыльчивость, неумение контролировать эмоции и склонность к необдуманным поступкам часто становятся фоном для пищевых расстройств. Такие черты толкают человека «заедать» стресс или напряжение, что заметно повышает риск срывов.

6. Расстройства с поздним началом во многом предопределены тем, как человек питался в детстве: склонность к перееданию или суровым ограничениям закрепляется рано. Пережитое насилие – неважно, били ли человека или унижали морально, особенно в детстве, резко умножает шансы развития проблемы. По сути, любая сильная травма – это отдельный и мощный фактор риска.

7. Свою роль играют и окружение, и принятые в обществе клише. Одно неловкое замечание родных или друзей про вес, фигуру или то, как человек ест, способно запустить расстройство. Дальше борьба с собственным телом любой ценой, растущая неприязнь к себе, и сверху стереотипы о красоте. Особенно культ чрезмерной худобы, который неустанно продвигают медиа [3, с. 196].

Подводя итог, можно сказать, что расстройства пищевого поведения у женщин – это не какая-то одна проблема с одним корнем. Скорее, тут работают сразу несколько линий: психологические особенности человека, биологическая предрасположенность, давление окружения и социальные стандарты. Всё это перемешивается, и в какой-то момент запускается патологический процесс.

Литература:

1. Горчакова Н. М. Особенности эмоциональной сферы пациентов с пищевыми нарушениями // Наука и мир. 2015. № 11 (27). С. 97-102.
2. Егоров А. Ю. Пищевые аддикции // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2010. № 110(5-2). С. 88-92.
3. Ермакова Н. Г., Кораблина Е. П., Туктарова А. А. Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения у женщин с избыточной массой тела // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2024. № 211. С. 190-202.

4. Закаев М. В. Изучение социально-психологических типов пищевого поведения // Научный журнал. 2024. № 3 (70). С. 18-20.

5. Мустафаева Л. Ю., Шихова О. М., Стрельникова С. В. Нарушения пищевого поведения, приводящие к избыточному весу и ожирению у женщин // Eurasian Journal of Current Research in Psychology and Pedagogy. 2023. № 3. С. 40-46.

6. Шевлюкова Т. П. и др. Особенности пищевого поведения у женщин: оценка риска осложнений // Медицинский совет. 2022. Т. 16. № 16. С. 62-66.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**Березин П.В.**

младший юрисконсульт АО «Код Ноль»,

магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Berezin P.V.

Junior Legal Counsel at Code Zero JSC,

Master's Student

Saint Petersburg State University of Economics

**РЕАЛИЗАЦИЯ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ «САХАЛИН-1» И «САХАЛИН-2» В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются правовые особенности реализации соглашений о разделе продукции «Сахалин-1» и «Сахалин-2» в Российской Федерации. Анализируются предпосылки заключения данных соглашений, их правовое регулирование, состав лиц, выступающих на стороне инвестора, стабилизационный режим, порядок разрешения споров, а также произошедшие за последние годы изменения законодательства, регулирующие отношения по поводу реализации заключенных соглашений. Сделан вывод о двойственном значении сахалинских проектов: с одной стороны, они обеспечили привлечение иностранных инвестиций и технологий, с другой - выявили существенные риски для публичных интересов государства.

Ключевые слова: соглашение о разделе продукции, «Сахалин-1», «Сахалин-2», недропользование, иностранные инвестиции, стабилизационная оговорка, публично-правовой контроль.

**IMPLEMENTATION OF THE SAKHALIN-1 AND SAKHALIN-2 PRODUCTION SHARING
AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article examines the legal features of the implementation of the Sakhalin-1 and Sakhalin-2 production sharing agreements in the Russian Federation. It analyzes the prerequisites for the conclusion of these agreements, their legal regulation, the composition of the parties acting on the investor's side, the stabilization regime, the dispute resolution procedure, as well as legislative changes adopted in recent years that regulate relations arising from the implementation of the concluded agreements. The article concludes that the Sakhalin projects have a dual significance: on the one hand, they ensured the attraction of foreign investment and technologies; on the other hand, they revealed substantial risks to the public interests of the state.

Keywords: production sharing agreement, Sakhalin-1, Sakhalin-2, subsoil use, foreign investment, stabilization clause, public-law control.

Введение. Соглашения о разделе продукции (далее – СРП) «Сахалин-1» и «Сахалин-2» являются одними из наиболее значимых примеров использования договорной модели недропользования в Российской Федерации. Их заключение и последующая реализация пришлись на переходный период развития страны, когда государство стремилось привлечь иностранные инвестиции и технологии для освоения сложных шельфовых месторождений, но законодательство, регулирующее общественные

отношения в указанной сфере, находилось в стадии формирования и постоянных изменений. В связи с этим данные проекты имеют особое значение для оценки того, насколько эффективно сложившаяся договорная конструкция способна обеспечивать баланс между публичными интересами государства и коммерческими интересами инвестора. Анализ реализации соглашений «Сахалин-1» и «Сахалин-2» позволяет выявить как преимущества такой модели недропользования, связанные с привлечением капитала и запуском крупных нефтегазовых проектов, так и недостатки, выражающиеся в ограничении государственного контроля, сложности регулирования возмещаемых затрат и особом стабилизационном режиме для инвесторов.

Цель исследования. Цель работы состоит в рассмотрении исторических предпосылок заключения проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», правовом регулировании указанных СРП, практики их реализации.

Материал и методы исследования. Материалами исследования выступили положения законодательства Российской Федерации о недрах и СРП, указы Президента Российской Федерации, регулирующие реализацию сахалинских проектов, а также научные работы, посвященные правовому регулированию СРП в Российской Федерации. В работе использованы формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и аналитический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования установлено, что соглашения «Сахалин-1» и «Сахалин-2» были заключены в условиях отсутствия специальной правовой базы, что обусловило их особый стабилизационный режим и ограниченное применение положений Федерального закона от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». В работе показано, что реализация проектов способствовала привлечению иностранных инвестиций и технологий в сферу освоения сложных шельфовых месторождений, однако одновременно выявила существенные правовые риски: ограниченный потенциал контрольных полномочий государства, сложность проверки возмещаемых затрат, использование иностранного права и международного арбитража при разрешении споров, а также смещение баланса интересов в пользу инвестора. Сделан вывод о том, что изменение законодательства в отношении сахалинских проектов, произошедшее в последние годы, было направлено на усиление публично-правового контроля за стратегическими объектами недропользования.

Соглашения о разделе продукции занимают в российской системе недропользования особое место, поскольку через внедрение такой договорной конструкции государство в первой половине 1990-х годов пыталось решить сразу несколько задач: привлечение иностранных инвестиций, получение доступа к технологиям освоения сложных шельфовых месторождений, а также создание для инвестора режима повышенной правовой стабильности [6, с. 80-82].

Реализация СРП было обусловлено общей социально-экономической и политической ситуацией в стране того времени. Для России 90-х годов 20 века были характерны дефицит внутренних финансовых ресурсов, институциональная нестабильность и острая потребность в запуске капиталоемких нефтегазовых проектов. Именно на этом фоне проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2» стали рассматриваться как допустимый правовой механизм вовлечения иностранного капитала в сферу недропользования [8, с. 79-80].

Вместе с тем сама модель СРП с самого начала вызвала серьезную правовую и политическую дискуссию. Сторонники реализации СРП, среди которых следует назвать Г.А. Явлинского, А.А. Конопляника, М.А. Субботина, связывали с этим механизмом возможность обеспечить долгосрочную предсказуемость условий недропользования и запустить освоение сложных месторождений в отсутствие достаточных национальных ресурсов. Сторонники другого подхода к внедрению и распространению СРП, более взвешенного, к которому следует отнести Ю.Ю. Болдырева, С.Ю. Глазьева, указывали на риск чрезмерного смещения баланса интересов в пользу инвестора, на ограничение регулятивной функции государства через ослабление публично-правового регулирования в стратегической сфере.

Особенность названных соглашений состоит в том, что они были подготовлены до принятия Федерального закона от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (далее - Закон о СРП). Их правовой основой следует считать Указ Президента РФ от 24.12.1993 г. № 2285 «Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами» (далее – Указ Президента РФ № 2285), а также иные акты, разработанные в целях реализации указанных проектов [1; 2; 3, с.118-119].

Правовая конструкция СРП по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» сформировалась в переходный для российского государства период, когда действующая модель недропользования не обеспечивала решение инвестиционных задач, а законодательство в сфере СРП находилось в стадии формирования.

Как было сказано ранее, в начале 1990-х годов государство было заинтересовано в привлечении иностранного капитала и технологий для освоения шельфовых месторождений, поскольку речь шла о капиталоемких и технически сложных проектах, реализация которых в обычном лицензионном порядке при тогдашнем состоянии экономики была затруднительна. Именно этими факторами объясняется обращение к договорной модели, в рамках которой государство предоставляет инвестору исключительные права на поиск, разведку и добычу полезных ископаемых на специально согласованных условиях [9, с. 96-97].

Правовой основой подготовки сахалинских соглашений помимо Указа Президента РФ № 2285 выступил также Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах». Названный Указ на федеральном уровне закрепил, что соглашение о разделе продукции является формой договорных отношений государства с инвестором при пользовании недрами, которое удостоверяется лицензией [2].

Тем самым были заложены основополагающие элементы режима СРП, включая договорный характер отношений, раздел добытого сырья между сторонами, стабильность условий соглашения и недопустимость их одностороннего пересмотра государством в ущерб коммерческим интересам инвестора.

Как справедливо отмечает А. А. Конопляник, именно Указ Президента № 2285 «запустил в практическом плане механизм подготовки и реализации института соглашений о разделе продукции» в России [6, с. 78].

А. Ф. Шарифуллина, в свою очередь, подчеркивает, что в 1994-1995 годах соглашения «Сахалин-1» и «Сахалин-2» были подписаны при отсутствии сформированной правовой базы в указанной сфере и фактически опирались на подзаконные акты Правительства РФ, которыми одобрялись сами соглашения, поручалось их подписание и выдача либо переоформление лицензий на право пользования недрами [9, с. 96].

Соглашение по проекту «Сахалин-2» было подписано 22.06.1994 г. Проект охватывает Пильтун-Астохское нефтегазовое месторождение и Лунское газоконденсатное месторождение [4, с. 107].

Соглашение по проекту «Сахалин-1» было подписано 30.06.1995 г. В рамках данного соглашения осваиваются месторождения Чайво, Одопту и Аркутун-Даги, расположенные на северо-восточном шельфе Сахалина [11].

С точки зрения субъектного состава оба проекта также имели собственную специфику, характеризующуюся смешанной моделью участия государства, российских и иностранных компаний.

По проекту «Сахалин-1» на стороне инвестора действовал консорциум. В первоначальный состав инвесторов входили: американская компания Exxon Neftegas Ltd (30%), получившая функции оператора и являющаяся дочерней структурой Exxon Mobil, японская компания SODECO (30%), а также российские общества «РН-Астра» и «Сахалинморнефтегаз-Шельф», которые являлись дочерними компаниями «Роснефти». Позднее доля российского участия сократилась вследствие продажи в 2001 году половины акций индийской компания ONGC Videsh Limited [5].

После начала специальной военной операции и введения санкций в отношении Российской Федерации американская корпорация Exxon Mobil в марте 2022 года официально объявила о выходе из проекта «Сахалин-1» и начала осуществлять комплекс действий, связанных с прекращением участия в проекте, завершением текущих операционных процессов и юридическим оформлением выхода из консорциума. При этом иные иностранные участники проекта сохранили свое участие в установленной корпоративной структуре. В последующем, осенью 2022 года, в рамках применения специальных экономических мер на основании Указа Президента РФ от 07.10.2022 г. № 723 права и обязанности по проекту перешли к созданному российскому юридическому лицу ООО «Сахалин-1», зарегистрированному в Южно-Сахалинске [7, с. 31-32; 9, с. 100-101].

В 2025 году были внесены изменения в упомянутый Указ, которые определили обязательные условия, подлежащие выполнению корпорацией Exxon Mobil для возможного восстановления ее участия в нефтегазовом проекте «Сахалин-1». Среди таких условий следует назвать следующие: содействие в отмене введенных в отношении Российской Федерации санкционных ограничений, препятствующих реализации проекта; обеспечение поставок иностранного оборудования и технологий для нужд проекта; перечисление денежных средств на расчетный счет ООО «Сахалин-1» [10].

Представители Exxon Mobil позже заявили об отсутствии планов по возвращению в проект, а переговоры с российской стороной будут касаться исключительно вопросов возврата активов стоимостью 4,6 млрд. долларов [10].

По проекту «Сахалин-2» инвестором выступала компания Sakhalin Energy Investment Company Ltd, которая была зарегистрирована на Бермудских островах. Первоначально ключевыми участниками являлись Shell, владевший 55% акций, Mitsui (25% акций) и Mitsubishi (20% акций). В 2007 году контрольный пакет акций перешел к «Газпрому» (50% плюс одна акция), соответственно, изменились и доли участия иностранных акционеров: Shell 27,5 % минус одна акция, Mitsui 12,5%, Mitsubishi 10 % [4, с. 107].

В 2022 году англо-голландская Shell решила выйти из совместных предприятий с «Газпромом», включая проект «Сахалин-2». В том же году на основании Указа Президента РФ от 30.06.2022 г. № 416, которым были введены специальные экономические меры в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями ряда иностранных государств и международных организаций, было создано российское юридическое лицо – ООО «Сахалинская энергия», к которому перешли все права и обязанности инвестора. На долю Shell претендовал «НоваТЭК», однако в 2024 году 27,5% акций приобрела компания «Сахалинский проект» за 94,8 млрд рублей. Таким образом, на сегодняшний момент доля «Газпрома» в проекте «Сахалин-2» составляет 77,5% [7, с. 31-33; 9, с. 101-102].

На начальных этапах реализации соглашений выяснилось, что экономическая выгода для государства наступает значительно позднее, чем ожидалось, что было обусловлено приоритетным возмещением инвесторов своих затрат по проектам. Элемент механизма СРП, связанный с порядком распределения продукции, а значит и прибыли между сторонами, был и остается предметом дискуссий [8, с. 80-81].

Споры вызывал и порядок формирования состава возмещаемых затрат. В материалах, посвященных реализации сахалинских проектов, отмечалось, что инвесторы включали в статьи расходов широкий круг платежей, связанных не только с производственной деятельностью, но и с административным, организационным и сопутствующим обеспечением проекта, что далеко не всегда было оправданно. Все это приводило к снижению прибыли для государства от реализации проектов [8, с. 84-85].

С одной стороны, сахалинские соглашения обеспечили внедрение отдельных современных технологий, позволили запустить крупные шельфовые проекты, предоставили возможность

машиностроительным, металлургическим и другим российским предприятиям повысить свою загрузку и прибыль. С другой стороны, практика их реализации выявила риски, затрагивающие бюджетные интересы государства, вопросы экологической безопасности и пределы допустимой автономии инвестора в стратегически значимой для государства сфере. Проблема состояла не только в экономической выгодности или невыгодности проектов, но и в том, что сами соглашения были сконструированы таким образом, что контрольные полномочия государства в ряде существенных вопросов оказывались ограничены условиями подписанных соглашений [5].

В отношении рассматриваемых проектов п. 7 ст. 2 Закона о СРП закреплена норма, согласно которой соглашения, заключенные до вступления закона в силу, подлежат исполнению на условиях этих соглашений. Применение же положений Закона о СРП к проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» ограничено и не должно противоречить условиям этих проектов, ущемлять права инвесторов. Указанная оговорка придала проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» особый стабилизационный режим [1].

Так, А. Ф. Шарифуллина отмечает, что благодаря этому положению сахалинские СРП сохраняют автономность по отношению к действующему законодательству, прежде всего Закону о СРП, в том числе в налоговой сфере. Такое решение соответствовало инвестиционной логике середины 1990-х годов, но одновременно ограничивало регулятивные возможности государства [9, с. 97-98].

Среди особенностей соглашений стоит назвать выбор применимого права и порядок разрешения споров. По проекту «Сахалин-1» применялось английское право, а по проекту «Сахалин-2» право штата Нью-Йорк. Данный выбор вызывал сомнения у ряда исследователей, поскольку применялись правопорядки, не всегда имевшие связь с составом участников соглашений или с территорией реализации проектов. Для государства сложившаяся модель означала существенное ослабление регулирующего воздействия национального права в отношении стратегических объектов недропользования [5].

Касательно механизма разрешения споров следует указать, что согласно положениям соглашений споры подлежали передаче в арбитражный суд в Стокгольме и должны были рассматриваться по регламенту ЮНСИТРАЛ. В совокупности с выбором иностранного материального права это закрепляло повышенную договорную автономию инвестора и сокращало возможность оперативного разрешения споров в рамках российского публичного правопорядка [5].

Следствием изменений законодательства, произошедших с начала 2022 года и затрагивающих область СРП, стало возвращение сахалинских проектов в сферу действия российского права, включая вопросы применимого права и порядка разрешения споров. Именно российские юридические лица стали центральными субъектами исполнения соглашений, а иностранные участники либо сохранили статус миноритарных акционеров, либо заявили о выходе из проектов (Еххон Mobile). Тем самым прежняя модель СРП была заменена конструкцией усиленного публично-правового контроля [11].

Выводы: Ретроспективный анализ соглашений «Сахалин-1» и «Сахалин-2» показывает, что либеральный курс начала 1990-х годов допустил заключение СРП еще до формирования полноценной специальной законодательной базы. Реализация рассмотренных соглашений продемонстрировала преимущества и недостатки указанной модели недропользования. С одной стороны, соглашения позволили привлечь иностранные инвестиции и запустить крупные шельфовые проекты. С другой стороны, они показали, что недостаточно проработанный механизм контроля за реализацией проектов влечет негативные последствия для государства, создавая значительный перекос в пользу инвестора и нарушая принцип баланса интересов.

Литература:

1. О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон № 225-ФЗ от 30.12.1995 г. (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996 - № 1, ст. 18.

2. Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами: Указ Президента Российской Федерации № 2285 от 24.12.1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994 - № 1, ст. 3.

3. Ващук А. С. Крутые повороты в истории проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» в рамках «Соглашения о разделе продукции» /А.С. Ващук // Ветер Перестройки - 2023: сборник материалов третьей Всероссийской научной конференции. 4-8 октября 2023 года. СПб. – 2024. – С. 117-122.

4. Веселкова Е.Е. Некоторые аспекты соглашений о разделе продукции с учетом баланса интересов сторон / Е.Е. Веселкова // Закон и право. – 2022. - № 8. – С. 106-108.

5. Ишбулдин А. Р. Особенности реализации действующих в России соглашений о разделе продукции в недропользовании / А. Р. Ишбулдин // Дневник науки. - 2021. - № 7(55) - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46403326> (дата обращения 21.04.2026).

6. Конопляник А.А. Умный инвестрежим для прогресса ТЭК. К 30-летию юбилею истории соглашения о разделе продукции в России: субъективный взгляд от первого лица / А.А. Конопляник // Нефтегазовая вертикаль. - 2023. - № 12. - С.77-170.

7. Конопляник А.А. Девять «Сахалинов» или один? / А.А. Конопляник // Монокль. – 2025. - № 49. – С. 31-39.

8. Скобелева Л.В. Проблемы соглашений о разделе продукции в России в современный период / Л.В. Скобелева // Проблемы безопасности Российского обществ. – 2015. - № 4. – С. 78-87.

9. Шарифуллина А.Ф. Соглашение о разделе продукции: нелегкая судьба в России // Закон. – 2024. - № 5. – С. 96-106.

10. Еххон ведет переговоры с РФ о возврате активов на \$4,6 млрд, но не о новых инвестициях. - URL: <https://www.interfax.ru/world/1047980> (дата обращения: 24.04.2026).

11. «Сахалин-1» и «Сахалин-2»: кому принадлежат энергетические проекты России. - URL: <https://www.rbc.ru/base/21/10/2025/68f614909a794728b9acf028> (дата обращения 21.04.2026).

Ян Илин

студент

Манчестерский университет

Yilin Yang

Student

University of Manchester

КАК ФИДЖИТАЛ-РОЗНИЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРУЮТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ И ЛОЯЛЬНОСТЬ К БРЕНДУ У ПОКОЛЕНИЯ Z В СЕГМЕНТЕ ЛЮКСОВОЙ МОДЫ: ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ TAM–ECT–SOR

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния фиджитал-технологий на потребительский опыт и лояльность к бренду у поколения Z в сегменте люксовой моды. На основе интеграции трёх теоретических подходов (TAM, ECT, SOR) разработана и проверена концептуальная модель. С помощью онлайн-опроса и регрессионного анализа установлено, что AR-примерки, «умные зеркала», виртуальные стилисты и мобильная оплата значительно повышают качество потребительского опыта, который, в свою очередь, сильно предсказывает как аттитудную, так и поведенческую лояльность. Фиджитал-опыт объясняет 74,2% дисперсии поведенческой лояльности. Push-уведомления не оказали значимого эффекта. Сделан вывод, что фиджитал-инновации становятся стратегическим императивом для люксовых брендов, ориентированных на цифровое поколение.

Ключевые слова: фиджитал-ритейл, поколение Z, люксовая мода, потребительский опыт, лояльность к бренду, AR-примерки, TAM, ECT, SOR.

HOW PHYGITAL RETAIL TECHNOLOGIES ARE SHAPING CONSUMER EXPERIENCE AND BRAND LOYALTY IN THE LUXURY FASHION SEGMENT OF GENERATION Z: AN INTEGRATED TAM–ECT–SOR MODEL

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining the impact of phygital technologies on the consumer experience and brand loyalty of Generation Z in the luxury fashion segment. A conceptual model is developed and tested by integrating three theoretical approaches (TAM, ECT, and SOR). Using an online survey (n=213) and regression analysis, it was found that AR try-on experiences, smart mirrors, virtual stylists, and mobile payment significantly enhance the consumer experience, which, in turn, strongly predicts both attitudinal and behavioral loyalty. Phygital experience explains 74.2% of the variance in behavioral loyalty. Push notifications had no significant effect. It is concluded that phygital innovations are becoming a strategic imperative for luxury brands targeting the digital generation.

Keywords: phygital retail, Generation Z, luxury fashion, consumer experience, brand loyalty, AR try-ons, TAM, ECT, SOR.

Ландшафт розничной торговли предметами роскоши претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные стремительным развитием технологий и сдвигом потребительских ожиданий [8, 13]. В постпандемийную эпоху стираются границы между физическим и цифровым шопингом; на смену омниканальности приходит концепция «фиджитал» (phygital) – бесшовная интеграция онлайн- и офлайн-точек взаимодействия [11, 1]. В отличие от традиционных омниканальных стратегий, координирующих

отдельные каналы, фиджитал создаёт синхронизированные, иммерсивные и эмоционально вовлекающие пути потребителя, объединяющие сенсорный опыт физического магазина с цифровым удобством.

Особую значимость эта эволюция приобретает для поколения Z (рождённые в 1997–2012 гг.) – когорты «цифровых аборигенов», выросших в среде интернета, социальных сетей и мобильных технологий [7]. Представители Gen Z ценят аутентичность, персонализацию, интерактивность и этическую прозрачность выше традиционных маркеров роскоши, таких как эксклюзивность или наследие бренда. Они ожидают от брендов бесшовных, интерактивных взаимодействий, позволяющих совместно создавать ценность, выражать идентичность и участвовать в жизни сообщества.

Люксовые дома (Gucci, Dior, Burberry) активно инвестируют в фиджитал-инновации: AR-примерки, «умные зеркала» на основе RFID, виртуальные стилисты на базе искусственного интеллекта, мобильные системы оплаты [3,5]. Однако академические исследования отстают от практики. Большинство существующих работ посвящены омниканальной торговле в целом или принятию технологий в масс-маркете, но не анализируют системно, как конкретные фиджитал-функции влияют на потребительский опыт и лояльность к люксовым брендам у поколения Z. Данная статья заполняет этот пробел.

Теоретическая рамка и гипотезы. Исследование базируется на интеграции трёх теоретических моделей. Модель принятия технологий (ТАМ) [4] объясняет, как воспринимаемая полезность и простота использования влияют на принятие новых технологий, что позволяет прогнозировать, какие фиджитал-инструменты (например, AR-примерки или мобильная оплата) будут востребованы целевой аудиторией. Теория подтверждения ожиданий (ECT) [2] описывает, как соответствие продукта предварительным ожиданиям ведёт к удовлетворённости и повторному поведению, что критически важно для поколения Z, привыкшего к высокому цифровому стандарту. Парадигма стимул–организм–реакция (SOR) [9] показывает, как внешние фиджитал-стимулы воздействуют на эмоциональное и когнитивное состояние потребителя, которое затем инициирует поведенческие реакции – лояльность. Объединяя эти подходы, авторы предлагают концептуальную модель, в которой фиджитал-функции выступают стимулами, потребительский опыт – медиатором, а лояльность – итоговой реакцией. На этой основе выдвинуты три гипотезы: H1 – о положительной связи между фиджитал-функциями и качеством потребительского опыта у поколения Z в люксовой моде; H2 – о том, что повышенный фиджитал-опыт положительно влияет на лояльность к бренду; H3 – о том, что более высокая вовлечённость в фиджитал-опыт ведёт к большей брендовой адвокации и повторным покупкам.

Методология. Исследование выполнено в рамках позитивистской парадигмы с дедуктивным количественным подходом, использован кросс-секционный онлайн-опрос. Целевая совокупность – потребители в возрасте 18–27 лет, имеющие опыт взаимодействия с люксовыми брендами (Gucci, Dior, Burberry) и знакомые с фиджитал-функциями. Применена целенаправленная выборка; анкета распространялась через социальные сети (Instagram, TikTok, WeChat) и QR-коды. Окончательная выборка составила 213 респондентов: 41,1% в возрасте 21–23 года, 38,1% – 24–27 лет, 20,8% – 18–20 лет; гендерное распределение – 52,9% мужчины, 45,9% женщины. Структурированный опросник на основе 5-балльной шкалы Лайкерта включал четыре блока: демография; оценка фиджитал-функций (AR-примерки / «умные зеркала», мобильная оплата, виртуальные стилисты, push-уведомления); потребительский опыт (эмоциональный, когнитивный, сенсорный, персонализация); лояльность к бренду (аттитюдная – эмоциональная привязанность, готовность рекомендовать; поведенческая – повторные покупки, вовлечённость в соцсетях, сарафанное радио). Все шкалы адаптированы из валидированных источников [10, 12, 6]. Пилотное исследование (n=10–12) подтвердило ясность и надёжность. Данные анализировались в IBM SPSS с помощью описательной статистики, проверки надёжности и

множественного линейного регрессионного анализа с одновременным включением предикторов (уровень значимости $p < 0,05$).

Результаты. Проверка H1. Модель регрессии, в которой фиджитал-функции предсказывают потребительский опыт, показала $R^2 = 0,506$ (скорректированный $R^2 = 0,494$), что означает объяснение 50,6% дисперсии ($p < 0,001$). Наиболее сильным предиктором оказались AR-примерки и «умные зеркала» (нестандартизованный коэффициент $B = 1,648$, стандартизованный $\beta = 0,359$, $p < 0,001$), за ними следуют виртуальные стилисты ($B = 1,117$, $\beta = 0,292$, $p < 0,001$) и мобильная оплата ($B = 1,618$, $\beta = 0,272$, $p < 0,001$). Push-уведомления в приложении не достигли статистической значимости ($B = 0,330$, $\beta = 0,107$, $p = 0,074$). Таким образом, H1 подтверждена.

Проверка H2. Отдельные регрессионные модели для аттитюдной и поведенческой лояльности дали следующие результаты. Для аттитюдной лояльности: $B = 0,341$, $\beta = 0,562$, $p < 0,001$ – увеличение потребительского опыта на 1 балл повышает аттитюдную лояльность на 34,1%. Для поведенческой лояльности: $B = 0,318$, $\beta = 0,630$, $p < 0,001$ – повышение на 31,8%. Оба эффекта значимы, H2 подтверждена.

Проверка H3. Общая вовлечённость в фиджитал-опыт (индекс) как предиктор составной поведенческой лояльности (повторные покупки + адвокация) дала $R^2 = 0,742$, то есть 74,2% дисперсии объясняется фиджитал-вовлечённостью. Для повторного намерения покупать: $B = 0,471$, $\beta = 0,861$, $p < 0,001$; для брендовой адвокации: $B = 0,546$, $\beta = 0,600$, $p < 0,001$. H3 полностью подтверждена.

Обсуждение. Результаты показывают, что для поколения Z в люксовой моде наиболее значимыми фиджитал-стимулами являются интерактивные, сенсорно насыщенные технологии (AR, «умные зеркала»), позволяющие визуализировать продукт в реальном времени. Это согласуется с TAM: AR-примерки воспринимаются как полезные (помогают принять решение) и простые в использовании (интуитивный интерфейс). Одновременно ECT объясняет, что такие функции, как правило, превосходят высокие ожидания Gen Z, что усиливает удовлетворённость и лояльность.

Значимый вклад мобильной оплаты подтверждает, что для цифрового поколения функциональное удобство неотделимо от эмоционального качества обслуживания. Вопреки некоторым работам, push-уведомления не оказали значимого эффекта, что может объясняться «усталостью от уведомлений» и общим восприятием пассивных сообщений как навязчивых, а не ценных. Это говорит о необходимости гиперперсонализации и контекстуальной релевантности.

Высокая предсказательная сила потребительского опыта в отношении поведенческой лояльности ($\beta = 0,630$) выше, чем для аттитюдной ($\beta = 0,562$), указывает на то, что у Gen Z положительные переживания ведут не только к эмоциональной привязанности, но и к наблюдаемым, перформативным действиям – тегам в соцсетях, созданию пользовательского контента, повторным покупкам. Это соответствует концепции «условной лояльности» [7]: Gen Z быстро действует, когда ожидания оправданы, но также быстро уходит от бренда при диссонансе ценностей или опыта.

С практической точки зрения, люксовым брендам следует перераспределять инвестиции в пользу AR, «умных зеркал» и AI-виртуальных стилистов, а не полагаться на дешёвые push-уведомления. Необходимо интегрировать мобильную оплату как неотъемлемую часть брендового опыта, трансформировать программы лояльности в геймифицированные экосистемы с цифровыми активами (NFT), обеспечить омниканальную согласованность тона, дизайна и сервиса.

Ограничения. Кросс-секционный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи; выборка нерепрезентативна для всех Gen Z. Данные основаны на самоотчётах, возможны искажения социальной желательности. Будущие исследования должны использовать лонгитюдные дизайны, кросс-культурные сравнения (Китай, Россия, Европа) и включать новые технологии (метавселенная, блокчейн).

Закключение. Настоящее исследование вносит теоретический вклад, эмпирически валидируя интегративную модель TAM–ECT–SOR в контексте фиджитал-ритейла люксовой моды и поколения Z.

Установлено, что AR-примерки, «умные зеркала», виртуальные стилисты и мобильная оплата значительно повышают качество потребительского опыта, который, в свою очередь, сильно предсказывает как эмоциональную, так и поведенческую лояльность. Фиджитал-вовлечённость объясняет три четверти дисперсии поведенческой лояльности. Полученные выводы имеют прямое практическое значение: фиджитал-инновации перестали быть дифференцирующим фактором – они стали стратегическим императивом для брендов, стремящихся сохранить релевантность в глазах цифрового поколения.

Литература:

1. Banik S. Exploring the involvement-patronage link in the phygital retail experiences // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 63. Article 102739.
2. Bhattacharjee A. Understanding information systems continuance: An expectation-confirmation model // *MIS Quarterly*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 351–370.
3. Burberry. Burberry opens refurbished global flagship store on New Bond Street [Электронный ресурс]. Корпоративный релиз, 2023. URL: <https://www.burberryplc.com> (дата обращения: 20.04.2026).
4. Davis F.D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // *MIS Quarterly*. 1989. Vol. 13. No. 3. P. 319–340.
5. Deloitte. The future of luxury retail: Five trends shaping the market [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www2.deloitte.com> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Dick A.S., Basu K. Customer loyalty: Toward an integrated conceptual framework // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 1994. Vol. 22. No. 2. P. 99–113.
7. Francis T., Hoefel F. True Gen: Generation Z and its implications for companies [Электронный ресурс]. McKinsey & Company, 2018. URL: <https://www.mckinsey.com> (дата обращения: 20.04.2026).
8. Liu Y. Digital transformation in the luxury industry: Strategies, challenges and opportunities // *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 23. P. 650–656.
9. Mehrabian A., Russell J.A. *An approach to environmental psychology*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1974.
10. Ohanian R. Construction and validation of a scale to measure celebrity endorsers' perceived expertise, trustworthiness, and attractiveness // *Journal of Advertising*. 1990. Vol. 19. No. 3. P. 39–52.
11. Pantano E., Gandini A. Exploring the forms of sociality mediated by innovative technologies in retail settings // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 77. P. 367–373.
12. Verhoef P.C., Lemon K.N., Parasuraman A., Roggeveen A., Tsiros M., Schlesinger L.A. Customer experience creation: Determinants, dynamics and management strategies // *Journal of Retailing*. 2009. Vol. 85. No. 1. P. 31–41.
13. Zhao Y. From tradition to technology: Exploring the evolution of luxury retailing and the digital frontier // *Highlights in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 23. P. 1048–1052.

Соловьёва Я.В.

студент

ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»

Solovyova Ya.V.

Student

Moscow State University named after S.Yu. Witte

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы развития территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации в условиях перехода к новой модели организации публичной власти. Особое внимание уделяется изменению муниципально-территориальной структуры, сокращению числа муниципальных образований, распространению муниципальных округов, финансовой зависимости местного уровня, демографическому сжатию сельских территорий и рискам ослабления непосредственной связи между населением и органами местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальные основы, муниципальное образование, муниципальный округ, муниципальная реформа, публичная власть, местные бюджеты, сельские территории, пространственное развитие, вопросы местного значения.

PROBLEMS OF DEVELOPING THE TERRITORIAL FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines current issues in developing the territorial foundations of local self-government in the Russian Federation amid the transition to a new model of public administration. Particular attention is paid to changes in the municipal-territorial structure, the reduction in the number of municipalities, the proliferation of municipal districts, the financial dependence of the local level, the demographic decline of rural areas, and the risks of weakening the direct connection between the population and local governments.

Keywords: local self-government, territorial foundations, municipality, municipal district, municipal reform, public authority, local budgets, rural areas, spatial development, local issues.

Основной вопрос развития территориальных основ местного самоуправления в современной России состоит не только в том, каким образом юридически определить границы муниципального образования, но и в том, способна ли соответствующая территория быть реальным пространством повседневного самоуправления. В классическом понимании местное самоуправление связано с близостью власти к населению, с возможностью жителей непосредственно влиять на вопросы благоустройства, жилищно-коммунального хозяйства, местных дорог, землепользования, общественных пространств, социальной инфраструктуры и иных вопросов, которые формируют качество жизни на конкретной территории. Однако в последние годы территориальная организация местного самоуправления все чаще развивается под влиянием иной логики: укрупнения, централизации управленческих функций, сокращения числа поселений и перехода к одноуровневым муниципальным моделям. Именно это противоречие между юридико-управленческой рационализацией и социальной природой местного самоуправления определяет актуальность рассматриваемой темы.

Нормативная основа местного самоуправления в России претерпела существенное изменение после принятия Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹. Закон закрепил местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти, одновременно сохранив положение о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В этом проявляется сложность современного правового положения муниципального уровня: с одной стороны, он остается формой самостоятельного решения населением вопросов местного значения, с другой стороны, все сильнее включается в вертикально организованную систему публичного управления. Такая конструкция объективно меняет значение территориальных основ, поскольку границы муниципального образования становятся не только пространством самоорганизации населения, но и элементом административного проектирования, зависящим от региональных решений, финансовых возможностей и задач управляемости.

Статистическая динамика подтверждает, что территориальная основа местного самоуправления в России находится в состоянии активной перестройки. По данным Росстата, на 1 января 2025 года в Российской Федерации насчитывалось 17 051 муниципальное образование. При этом структура муниципального уровня уже существенно отличалась от модели, сложившейся после реализации Федерального закона № 131-ФЗ: в стране сохранялось 1 784 муниципальных района, 1 266 городских округов, 528 муниципальных округов и 13 406 поселений. Для сравнения, в научных публикациях, обобщающих данные Росстата, отмечается, что с 2020 по 2025 год число муниципальных округов выросло с 33 до 528, а к 2026 году достигло 937. Такая динамика показывает, что муниципальный округ из относительно нового вида муниципального образования постепенно превращается в один из ключевых инструментов территориальной реформы².

Особенно остро эта проблема проявляется на сельских территориях. Российская система расселения характеризуется высокой концентрацией населения в городах и устойчивым сокращением сельского населения. По данным Росстата и ЕМИСС, в 2024 году городское население составляло около трех четвертей населения страны, тогда как сельское население - приблизительно одну четверть. В публикациях, основанных на данных Росстата, указывается, что в сельской местности проживало около 36,3 млн человек, или 24,86% населения России, а за последние десять лет численность сельских жителей сократилась примерно на 1,5 млн человек. Для территориальных основ местного самоуправления это имеет принципиальное значение: чем слабее демографическая база поселений, тем сложнее обеспечить полноценное функционирование местных органов, но тем выше потребность в сохранении локального представительства, поскольку именно малые населенные пункты наиболее зависимы от близости муниципальной власти³.

В результате возникает структурное противоречие. С точки зрения регионального управления малые поселения нередко воспринимаются как неэффективные административные единицы, содержание которых требует расходов при ограниченной отдаче. С точки зрения населения эти же поселения являются первичным пространством жизни, где вопросы местного значения имеют не абстрактный, а

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 04.05.2026).

² Ворошилов, Н. В. Типологии муниципальных образований для целей управления / Н. В. Ворошилов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2026. – № 1. – С. 120.

³ Численность населения по итогам Всероссийской переписи населения // [Электронный ресурс] URL: <https://fedstat.ru/indicator/37427> (дата обращения: 04.05.2026).

непосредственный характер. Для жителя сельской территории местное самоуправление выражается не в общей архитектуре публичной власти, а в возможности добиться ремонта дороги, освещения улицы, сохранения фельдшерско-акушерского пункта, организации подвоза детей, благоустройства кладбища, решения земельного спора или поддержки местного дома культуры. Если после укрупнения центр принятия решений перемещается в административный центр округа, а бывшее поселение утрачивает самостоятельный представительный орган и бюджет, то формальная управляемость может возрасти, но доступность местной власти для граждан объективно снижается.

Финансовый аспект является одной из ключевых причин территориальной реформы, но одновременно он же показывает ее пределы. По данным Минфина России, в 2024 году доходы местных бюджетов превысили 8 трлн рублей, а без учета субвенций составили около 6 трлн рублей⁴. В мониторинге исполнения местных бюджетов указывается, что значительную часть доходов местного уровня составляют межбюджетные трансферты: в 2024 году их доля достигала 64,6% доходов местных бюджетов. Это означает, что местное самоуправление остается в высокой степени финансово зависимым от вышестоящих бюджетов, а проблема территориальной организации не может быть решена только изменением границ. Укрупнение муниципалитетов способно перераспределить расходы внутри территории, но оно не устраняет главную причину слабости местного уровня - недостаточность собственных доходных источников и зависимость от регионального бюджетного регулирования.

Бюджетная зависимость особенно существенно влияет на территориальные основы местного самоуправления потому, что граница муниципального образования должна соответствовать не только карте расселения, но и экономической способности территории самостоятельно решать вопросы местного значения. Если муниципальное образование имеет низкую налоговую базу, ограниченный имущественный комплекс, недостаточное количество хозяйствующих субъектов и высокую потребность в содержании инфраструктуры, то его самостоятельность приобретает формальный характер. В этом случае территориальная автономия не подкрепляется финансовой автономией. Однако обратная ситуация также проблемна: укрупнение территории без реального увеличения собственных доходов может привести лишь к концентрации дефицита на более крупном уровне. Тогда муниципальный округ становится не инструментом развития, а способом административного объединения проблемных территорий, где прежние поселения теряют самостоятельность, но не получают новых ресурсов.

Важной проблемой является неоднородность региональных подходов к преобразованию муниципальных образований. В одних субъектах Российской Федерации переход к одноуровневой модели происходит достаточно быстро, в других сохраняется двухуровневая система с муниципальными районами и поселениями, в-третьих используются смешанные модели. Минфин России указывал, что на 1 января 2024 года муниципальные округа были образованы в 27 субъектах Российской Федерации, а 10 субъектов полностью перешли к одноуровневой структуре. Такая неоднородность сама по себе не является негативным явлением, поскольку Россия имеет сложное пространственное устройство, различающиеся плотность населения, климатические условия, уровень урбанизации и транспортную доступность. Однако проблема возникает тогда, когда выбор модели определяется не особенностями территории и интересами населения, а преимущественно административной установкой на унификацию.

Территориальные основы местного самоуправления не могут быть одинаковыми для крупных агломераций, северных районов, малонаселенных сельских пространств, приграничных территорий,

⁴ Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год// [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetrov.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

регионов с компактным сельским расселением и регионов с рассредоточенными населенными пунктами. В густонаселенной местности укрупнение может быть относительно менее болезненным, поскольку транспортная доступность административного центра, цифровые сервисы и плотность социальных связей позволяют сохранять взаимодействие населения с местной властью. В удаленных сельских и северных территориях тот же процесс может означать фактическое выпадение малых населенных пунктов из зоны регулярного муниципального внимания. Поэтому механическое распространение окружной модели без учета пространственной специфики несет риск утраты самого смысла местного самоуправления как власти, максимально приближенной к населению.

Развитие территориальных основ местного самоуправления также осложняется тем, что преобразование муниципальных образований часто сопровождается изменением уставов, муниципальных правовых актов, полномочий органов, бюджетных процедур, имущественных отношений и кадровой структуры. По данным Минюста России, в 2025 году в федеральный регистр было включено более 814 тыс. муниципальных актов, из которых более 611 тыс., или 75,2%, были приняты органами местного самоуправления. Эта цифра показывает высокую нормативную нагрузку на муниципальный уровень. При масштабных территориальных преобразованиях такая нагрузка возрастает, поскольку требуется переоформление значительного массива документов, изменение правопреемства, актуализация схем территориального планирования, муниципальных программ, положений об органах, порядков предоставления услуг и иных локальных актов⁵.

Формально такие действия относятся к юридико-техническому сопровождению реформы, однако их значение значительно шире. Нормативная перестройка муниципального уровня влияет на непрерывность управления, качество муниципальных услуг и правовую определенность для жителей. Если преобразование происходит поспешно, без достаточного переходного периода, возникает риск управленческих разрывов: прежние органы уже утратили полномочия, новые еще не сформировали устойчивые процедуры, а население не понимает, куда обращаться по конкретным вопросам. Особенно чувствительны к этому сферы земельных отношений, благоустройства, муниципального имущества, ЖКХ, дорожной деятельности и социальной инфраструктуры. Следовательно, проблема территориальных основ не ограничивается вопросом о количестве муниципальных образований; она включает качество правового перехода от одной модели к другой.

Таким образом, современные проблемы развития территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации обусловлены не столько самим фактом изменения муниципальной карты, сколько содержанием и последствиями этих изменений. Статистические данные показывают устойчивое сокращение и укрупнение муниципальной структуры, рост числа муниципальных округов, сохранение высокой финансовой зависимости местных бюджетов от трансфертов и демографическое ослабление сельских территорий. Эти процессы объективно подталкивают государство и регионы к поиску новых моделей организации местного уровня. Однако территориальная реформа будет оправданной только в том случае, если она приведет не к формальному сокращению числа муниципалитетов, а к повышению качества местного управления, сохранению доступности власти, укреплению финансовой базы и реальному участию населения в решении вопросов местного значения.

Главный риск современной муниципальной реформы заключается в том, что территориальная основа местного самоуправления может утратить связь с самой идеей самоуправления. Когда территория определяется преимущественно по критериям административной рациональности, местное сообщество

⁵ Обзор практики // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.minjust.ru/obzor-praktiki-vedeniya-federalnogo-registra-municipalnykh-normativnykh-pravovykh-aktov-za-2025-god> (дата обращения: 06.05.2026).

оказывается вторичным по отношению к управленческой схеме. Между тем именно население, его интересы, повседневные потребности и способность участвовать в решении локальных вопросов должны оставаться исходной точкой построения муниципальной территории. Поэтому дальнейшее развитие территориальных основ местного самоуправления должно идти не по пути универсального укрупнения, а по пути дифференцированного, статистически обоснованного и социально чувствительного подхода, при котором каждая территориальная модель оценивается через ее способность обеспечивать реальную близость власти к человеку.

Литература:

1. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 04.05.2026).
2. Ворошилов, Н. В. Типологии муниципальных образований для целей управления / Н. В. Ворошилов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2026. – № 1. – С. 112-130.
3. Обзор практики // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.minjust.ru/obzor-praktiki-vedeniya-federalnogo-registra-municipalnykh-normativnykh-pravovykh-aktov-za-2025-god> (дата обращения: 06.05.2026).
4. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год// [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetrov.pdf (дата обращения: 05.05.2026).
5. Численность населения по итогам Всероссийской переписи населения // [Электронный ресурс] URL: <https://fedstat.ru/indicator/37427> (дата обращения: 04.05.2026).

Гаджиев И.И.

магистрант

ЧОУ ВО «Московский университет им. С. Ю. Витте»

Gadzhiev I.I.

Master's Student

Moscow State University named after S.Yu. Witte

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОТРАСЛЕВОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье предложен методический подход к стратегическому финансовому планированию корпорации в условиях отраслевой волатильности. Цель исследования состоит в систематизации принципов, этапов и инструментов стратегического финансового планирования, обеспечивающих согласование целей развития корпорации с параметрами ликвидности, инвестиционной активности, структуры капитала и допустимого уровня риска. В работе использованы методы системного и сравнительного анализа, логического моделирования, декомпозиции финансовых целей по уровням планирования, а также элементы сценарного подхода. Обосновано, что стратегическое финансовое планирование должно строиться как единый контур, объединяющий прогноз финансовых результатов, бюджет движения денежных средств, балансовую модель, инвестиционный план и долговой календарь. Предложен алгоритм формирования стратегического финансового плана, раскрыты ключевые блоки аналитического обеспечения и система индикаторов контроля. Сделан вывод о том, что устойчивость финансовой стратегии корпорации определяется не только целевым уровнем прибыли, но и способностью поддерживать ликвидность, синхронизировать денежные потоки, адаптировать инвестиционные решения к изменяющимся условиям внешней среды и своевременно корректировать финансовые ориентиры.

Ключевые слова: стратегическое финансовое планирование, корпорация, финансовая стратегия, ликвидность, структура капитала, денежные потоки, сценарное моделирование, финансовая устойчивость.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF STRATEGIC FINANCIAL PLANNING FOR A CORPORATION IN THE CONDITIONS OF INDUSTRY VOLATILITY

Abstract. The article proposes a methodological approach to strategic financial planning for corporations in the context of industry volatility. The purpose of the study is to systematize the principles, stages, and tools of strategic financial planning that ensure the alignment of corporate development goals with the parameters of liquidity, investment activity, capital structure, and acceptable risk levels. The study uses methods of systematic and comparative analysis, logical modeling, decomposition of financial goals by planning levels, and elements of a scenario approach. It is substantiated that strategic financial planning should be structured as a single framework that combines a forecast of financial results, a cash flow budget, a balance sheet model, an investment plan, and a debt calendar. An algorithm for forming a strategic financial plan is proposed, and the key blocks of analytical support and a system of control indicators are revealed. It is concluded that

Keywords: strategic financial planning, corporation, financial strategy, liquidity, capital structure, cash flows, scenario modeling, financial stability.

Стратегическое финансовое планирование в современной корпорации перестало быть только процедурой составления долгосрочного бюджета. В действительности оно выступает механизмом увязки целей собственников, параметров роста, инвестиционных решений, источников финансирования и ограничений внешней среды в единую систему управленческих ориентиров [2]. При высокой отраслевой волатильности значение такого подхода возрастает, поскольку нестабильность спроса, цен, процентных ставок, валютных курсов и условий привлечения капитала быстро делает традиционные финансовые планы устаревшими.

В научной литературе стратегическое финансовое планирование рассматривается как инструмент реализации финансовой стратегии корпорации, обеспечивающий согласование ее развития с ресурсной базой и уровнем допустимого риска. Практический смысл такого планирования состоит не в фиксации одного варианта будущего состояния, а в формировании набора финансовых решений, сохраняющих устойчивость корпорации при изменении ключевых параметров внешней среды [4].

Вместе с тем в деятельности многих российских корпораций сохраняется разрыв между стратегическими целями и системой финансового планирования. Отдельно формируются планы продаж, инвестиционные программы, бюджеты затрат и графики обслуживания долга, тогда как единая логика взаимосвязи этих элементов отсутствует [6]. Это приводит к тому, что корпорация может демонстрировать рост выручки, но одновременно сталкиваться с дефицитом ликвидности, перегрузкой обязательств и неустойчивостью денежного потока [15].

Цель статьи состоит в разработке методических основ стратегического финансового планирования корпорации в условиях отраслевой волатильности.

Методическую базу исследования составили труды российских авторов по вопросам стратегического финансового планирования, финансовой стратегии корпорации, цифровизации корпоративных финансов и управления денежными потоками [5]. Исходной теоретической предпосылкой выступает положение о том, что финансовое планирование должно рассматриваться не как отдельная функция финансовой службы, а как часть стратегического управления корпорацией.

В работе применены системный подход, структурно-логический анализ, сравнение уровней финансового планирования, метод декомпозиции финансовых целей и сценарный подход. При построении методической модели использован принцип взаимной увязки показателей отчета о финансовых результатах, движения денежных средств и бухгалтерского баланса

Стратегическое финансовое планирование целесообразно определить как процесс разработки и согласования долгосрочных финансовых ориентиров корпорации, обеспечивающих достижение целей роста, инвестиционной активности и финансовой устойчивости при заданных внешних и внутренних ограничениях [11]. Такое определение позволяет выделить три существенных признака.

Во-первых, стратегическое финансовое планирование ориентировано на будущую архитектуру финансового состояния корпорации, а не только на планирование отдельных доходов и расходов. Во-вторых, оно предполагает альтернативность и сценарность, поскольку в условиях волатильности один базовый прогноз теряет практическую ценность. В-третьих, оно включает контроль не только прибыльности, но и ликвидности, качества денежного потока, структуры капитала и способности корпорации обслуживать принятые обязательства.

Методически важно разграничивать стратегический, тактический и оперативный уровни планирования. Их различие связано не только со сроками, но и с составом решений, глубиной детализации и набором контрольных индикаторов.

Таблица 1. Характеристика уровней финансового планирования корпорации

Уровень	Горизонт	Основное содержание	Ключевой результат
Стратегический	3–5 лет	финансовая стратегия, структура капитала, инвестиционные ориентиры, пределы долговой нагрузки, целевой уровень ликвидности	стратегический финансовый план
Тактический	1 год	бюджет доходов и расходов, бюджет движения денежных средств, план капитальных вложений, налоговый план	годовой финансовый план
Оперативный	месяц, квартал	платежный календарь, кассовые разрывы, краткосрочные лимиты, оперативная корректировка денежных потоков	оперативные бюджеты и платежный контур

Стратегический уровень определяет целевые ориентиры, тактический переводит их в годовые бюджеты, а оперативный обеспечивает ежедневную реализуемость этих решений [20]. Ошибка многих корпораций заключается в том, что верхний уровень формулируется как набор декларативных целей, тогда как нижние уровни живут по собственной логике. В такой конструкции стратегический финансовый план не управляет корпорацией, а существует параллельно с ней [6].

Методика стратегического финансового планирования должна основываться на ряде базовых принципов. Первый принцип – интеграция. Он означает, что стратегический финансовый план должен объединять доходность, ликвидность, инвестиции, долговую нагрузку и балансовые пропорции [13].

Второй принцип – сценарность. Финансовые решения должны оцениваться не в одном прогнозном варианте, а минимум в трех сценариях: базовом, стрессовом и целевом. Это позволяет заранее определить пределы устойчивости корпорации и избежать ситуации, когда любое внешнее отклонение разрушает финансовую модель.

Третий принцип – денежная реализуемость. Прибыль не может выступать единственным ориентиром, поскольку стратегическая жизнеспособность корпорации определяется способностью превращать запланированные результаты в реальный денежный поток. Поэтому центральное место в системе методики занимает прогнозирование операционного денежного потока и контроль минимального денежного буфера.

Четвертый принцип – адаптивность. Стратегический финансовый план не должен сохраняться в неизменном виде при существенном изменении параметров среды. Он нуждается в периодическом пересмотре контрольных допущений, лимитов и финансовых триггеров.

На основе рассмотренных принципов предлагается следующий алгоритм стратегического финансового планирования корпорации.

На первом этапе формируются исходные макроэкономические и отраслевые допущения: динамика спроса, цен, процентных ставок, валютных курсов, инфляции затрат и параметров налоговой среды [1]. Именно здесь закладывается база сценарного анализа.

На втором этапе определяются стратегические цели корпорации в финансовом выражении: допустимый темп роста выручки, целевая рентабельность, предельный уровень долговой нагрузки, нижняя граница ликвидности, объем инвестиционной программы, ожидаемая отдача на капитал [9].

На третьем этапе строится прогноз финансовых результатов. Здесь моделируются выручка, переменные и постоянные расходы, валовая прибыль, операционная прибыль, процентная нагрузка и чистая прибыль. Этот блок необходим, но сам по себе недостаточен, поскольку не отвечает на вопрос о платежеспособности корпорации.

На четвертом этапе строится прогноз движения денежных средств. Именно здесь стратегический план проходит проверку на реализуемость. Корпорация может быть прибыльной на бумаге, но нуждаться в постоянном внешнем финансировании из-за длительного операционного цикла, роста дебиторской задолженности или неравномерных инвестиционных выплат.

На пятом этапе составляется прогнозный баланс. Его задача состоит в том, чтобы показать, как стратегические решения изменят структуру активов, обязательств и капитала [10]. Без этого невозможно оценить автономию, финансовую устойчивость и качество источников финансирования.

На шестом этапе формируется инвестиционный и долговой контур. Здесь увязываются капитальные вложения, источники их финансирования, сроки привлечения заемных ресурсов, графики погашения долга и процентные платежи. Если данный этап отсутствует, стратегический план утрачивает управленческую завершенность.

На седьмом этапе проводится сценарное тестирование модели и устанавливаются пороговые индикаторы пересмотра плана. Это превращает стратегическое финансовое планирование из статического документа в рабочую систему финансовой навигации.

Предлагаемая методическая модель строится как взаимосвязанная система аналитических блоков.

Таблица 2. Блоки методики стратегического финансового планирования корпорации

Блок	Содержание	Основные инструменты	Выходной результат
Внешняя среда	отраслевые и макроэкономические допущения	трендовый анализ, сценарии, экспертные оценки	набор базовых и стресс-параметров
Операционная модель	выручка, затраты, маржа, операционный цикл	факторный анализ, CVP-анализ, бюджетирование	прогноз операционной прибыли
Денежный контур	операционный, инвестиционный и финансовый денежный поток	БДДС, платежный календарь, FCF	прогноз ликвидности
Балансовый контур	структура активов, капитала и обязательств	прогнозный баланс, коэффициентный анализ	оценка финансовой устойчивости
Инвестиционно-долговой блок	CAPEX, источники финансирования, долговой календарь	NPV, IRR, долговые коэффициенты	согласованный инвестиционный план
Контрольный блок	KPI, лимиты, триггеры пересмотра	панели мониторинга, контроль отклонений	система адаптивной корректировки

Представленная структура показывает, что стратегическое финансовое планирование нельзя сводить к одному прогнозному отчету о финансовых результатах. Оно должно функционировать как единая аналитическая платформа, в которой изменение любого ключевого параметра отражается на прибыли, денежном потоке, балансе и рисковом профиле корпорации.

Для методических целей целесообразно разделить индикаторы стратегического плана на четыре группы.

Первая группа – показатели результативности: темп роста выручки, EBITDA, операционная прибыль, рентабельность продаж, чистая прибыль [15]. Они отражают способность корпорации генерировать доход.

Вторая группа – показатели ликвидности и денежной устойчивости: операционный денежный поток, свободный денежный поток, коэффициенты текущей и быстрой ликвидности, минимальный денежный остаток, покрытие процентных платежей. Именно эта группа показывает, насколько реалистичны финансовые ориентиры.

Третья группа – показатели структуры капитала и долговой устойчивости: отношение долга к капиталу, чистый долг к EBITDA, доля долгосрочных обязательств, коэффициент автономии [9]. Они позволяют оценить пределы допустимого финансирования роста.

Четвертая группа – показатели инвестиционной эффективности: объем CAPEX, срок окупаемости, NPV, внутренняя норма доходности, влияние инвестиционной программы на денежный поток и долговую нагрузку [10].

В условиях волатильности сценарное моделирование должно выступать не приложением к стратегическому финансовому плану, а его ядром [4]. Практически это означает, что каждая ключевая переменная должна иметь не одно, а несколько допустимых значений. Речь идет прежде всего о темпах роста выручки, уровне переменных затрат, ставке заемного финансирования, курсе валют, сроках реализации инвестиционных проектов и параметрах оборотного капитала.

Таблица 3. Матрица сценарных триггеров стратегического финансового плана

Триггер	Пороговое отклонение	Возможное следствие	Рекомендуемое действие
Снижение выручки	более 10 % к базовому сценарию	падение операционного денежного потока	пересмотр расходов и инвестиционного графика
Рост стоимости заемного капитала	более 2 %	увеличение процентной нагрузки	рефинансирование, отказ от части заемных проектов
Рост переменных затрат	более 8 %	сжатие маржи	корректировка ценовой политики и производственной программы
Увеличение периода инкассации дебиторской задолженности	более 15 дней	кассовые разрывы	усиление работы с дебиторами, изменение условий расчетов
Смещение сроков CAPEX	более 1 квартала	накопление незавершенных вложений	поэтапная реализация проекта, приоритизация инвестиций

Сценарная матрица позволяет заранее определить не только риски, но и управленческую реакцию на них. В этом состоит ее прикладная ценность для корпоративных финансов.

Предлагаемый методический подход показывает, что стратегическое финансовое планирование следует рассматривать как систему опережающего управления финансовой устойчивостью корпорации. Его задача не ограничивается подтверждением возможности финансирования выбранной стратегии. Оно должно выявлять моменты, в которых стратегия перестает быть финансово реализуемой.

Практическая значимость методики состоит в том, что она позволяет перейти от формального долгосрочного планирования к модели, где каждое стратегическое решение оценивается одновременно по четырем критериям: прибыльность, денежная реализуемость, влияние на структуру капитала и устойчивость в стрессовом сценарии. Такой подход особенно важен для капиталоемких и циклических отраслей, где ошибка в оценке ликвидности или сроков возврата вложений быстро превращается в системную проблему.

Отдельного внимания требует вопрос цифровизации стратегического финансового планирования. Современные корпорации нуждаются в такой системе, где операционные, инвестиционные и финансовые данные обновляются синхронно, а сценарные расчеты выполняются без длительного ручного пересчета. Это сокращает лаг между изменением внешней среды и управленческой реакцией корпорации.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Стратегическое финансовое планирование корпорации следует трактовать как единую систему увязки финансовой стратегии, прогнозных результатов, движения денежных средств, инвестиционной программы и структуры капитала. Его нельзя сводить к долгосрочному бюджету доходов и расходов.

Методически корректная модель стратегического финансового планирования должна включать внешний сценарный блок, операционный блок, денежный контур, балансовую модель, инвестиционно-

долговой блок и систему контрольных индикаторов. Только в этом случае финансовый план становится инструментом управления, а не формальной прогнозной конструкцией.

Ключевым критерием качества стратегического финансового плана является не максимизация бухгалтерской прибыли как таковой, а согласованность прибыли, ликвидности, инвестиционной активности и долговой устойчивости. Следовательно, приоритет в методике должен быть отдан контролю денежного потока, лимитов ликвидности и финансовых триггеров пересмотра плана.

Перспективность дальнейших исследований связана с разработкой цифровых моделей стратегического финансового планирования, позволяющих автоматизировать сценарный анализ и повысить скорость адаптации корпорации к изменению внешней среды.

Литература:

1. Абрамова М. А., Алексеева Д. Г., Амосова Н. А. и др. Финансовая стабильность на финансовых рынках: идентификация лидерства и источников генерации рисков. – Москва, 2025.
2. Арефьев В. В. Стратегическое финансовое планирование корпораций // Экономика и право – 2023: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2023. – С. 157–161.
3. Агеев А. И., Глазьев С. Ю., Золотарева О. А., Митяев Д. А., Переслегин С. Б. Построение модели прогноза курса валют на долгосрочном и краткосрочном горизонтах // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, № 1(187). – С. 16–25.
4. Антаносян Н. С. Особенности автоматизации финансового планирования в корпоративных структурах // Вестник магистратуры. – 2025. – № 12-2(171). – С. 80–84.
5. Каранина Е. В. Финансовый менеджмент: теория и практика: учебник. – Москва, 2025.
6. Криворотова С. А., Воротилова О. А., Красицкая К. А., Лысенкова К. С. Финансовое планирование как инструмент стратегического управления // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 4. – С. 48–53.
7. Назаренко О. В., Арефьев В. В. Стратегическое финансовое планирование корпорации // Экономика. Бизнес. Банки. – 2023. – № 4(70). – С. 95–112.
8. Танковская Е. В., Славинская Е. К. Роль цифровых технологий в совершенствовании систем корпоративного финансового планирования и повышение эффективности реализации финансовой стратегии // Научный вектор: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции: в 2 т. – Ростов-на-Дону, 2025. – С. 294–298.
9. Федосова С. П., Зиброва В. Н. Моделирование финансовой стратегии в системе планирования корпорации // Общество и экономическая мысль в XXI в.: пути развития и инновации: материалы X Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 135–139.
10. Васильева О. С. Модели оценки совместного интеллектуального капитала в системе финансового менеджмента корпораций // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 9(158). – С. 1352–1356.
11. Васькин Д. В. Стратегическое финансовое планирование корпорации // Российская экономика: поиск альтернативных векторов развития в достижении национальных целей: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2024. – С. 522–528.
12. Глотова И. И., Костюкова Е. И., Томилина Е. П. и др. Разработка финансовой стратегии корпорации (программа-помощник) : свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023610091 ; зарегистрировано 09.01.2023.

13. Еловский И. А. К вопросу о сущности стратегии корпорации // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: сборник научных трудов. – Симферополь, 2024. – С. 219–221.

14. Бэдэрэу Н. П., Смирнова И. В. Теоретические основы финансовой устойчивости коммерческой организации // Современные проблемы, тенденции и перспективы социально-экономического развития: сборник статей XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Сургут, 2025. – С. 216–221.

15. Полетаева К. Н., Полякова Е. В. Методы финансового планирования в транснациональных корпорациях // Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы двадцать первой Всероссийской научно-практической конференции. – Старый Оскол, 2024. – С. 315–319.

Белимова В.В.

студент

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
научный руководитель – доцент кафедры экономики, финансов и природопользования,
кандидат экономических наук

Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Е.М. Филимонцева

Belimova V.V.

Student

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
scientific director – Associate Professor of the Department of Economics, Finance, and Environmental,
Candidate of Economic Sciences

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

E.M. Filimonceva

ПОНЯТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ СВОЙСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу современной банковской системы Российской Федерации в условиях активной цифровизации экономики, а также рассмотрению ключевых направлений её развития. В статье приведено понятие банковской системы, ее значение для современной экономики. Рассмотрены ключевые свойства, функции и типы, а также основные тенденции развития банковских систем.

Ключевые слова: банковская система, цифровизация, цифровой рубль, банковская экосистема.

THE CONCEPT OF THE BANKING SYSTEM AND ITS PROPERTIES

Abstract. The article analyzes the current banking system of the Russian Federation in the context of active digitalization of the economy, as well as examines the key areas of its development. The article provides an overview of the banking system and its significance for the modern economy. It discusses the key properties, functions, and types of banking systems, as well as the main trends in their development.

Keywords: banking system, digitalization, digital ruble, banking ecosystem.

Сегодняшняя цифровизация диктует собственные условия становления банковских систем по всему миру. Разумеется, банковская система Российской Федерации тоже не стала исключением. Внедрение цифрового рубля - одно из важнейших направлений развития финансовой составляющей экономики России. В связи с этим Владимир Путин подписал Федеральный закон от 23 мая 2025 года №105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Документ вступил в силу с 1 июля 2025 года.

Под банковской системой понимается совокупность действующих в стране банков, кредитных учреждений и других финансовых организаций, которые взаимодействуют между собой в рамках общего

денежно-кредитного механизма. Она обеспечивает управление денежными потоками, кредитование, проведение платежей и выполнение других финансовых операций в экономике. Каждый из элементов данной системы выполняет определенные функции. Именно банки, выполняя функции, обеспечивают движение денег между государством, бизнесом и гражданами.

Сегодня в экономической науке выделяют два основных вида банковских систем, а именно двухуровневую и одноуровневую банковские системы.

Первая представлена центральным банком и совокупностью коммерческих банков, которые работают непосредственно с гражданами и юридическими лицами. Кредитованием коммерческих банков, формированием ключевой процентной ставкой, эмиссией денег занимается Центральный банк. Такая банковская система на данный момент во многих странах с рыночной экономикой, в том числе и в Российской Федерации.

Монобанковская, или одноуровневая, система представлена совокупностью равных между собой банковских учреждений, которые выполняют идентичные функции и равны в правах между собой. Такая модель исторически возникала в странах с централизованной (плановой) экономикой, где отсутствовало разделение на эмиссионный и коммерческие банки: все кредитные организации подчинялись единому государственному центру и действовали по единым правилам. В рамках одноуровневой системы обычно существует один доминирующий банк либо сеть филиалов единого банка, охватывающая всю страну. Все банковские операции – от эмиссии денег до обслуживания населения и предприятий – выполняются одними и теми же учреждениями без четкой специализации.

К преимуществам одноуровневой системы можно отнести: высокую степень государственного контроля над денежными потоками, возможность централизованного направления кредитов в приоритетные отрасли экономики, минимизацию рисков банкротства банков за счёт государственной поддержки. Однако у неё есть и существенные недостатки: низкая эффективность из-за отсутствия конкуренции, бюрократизация процессов, слабая реакция на потребности клиентов, ограниченный набор банковских продуктов и услуг, а также высокая зависимость всей системы от решений государственных органов.

Классическим примером одноуровневой банковской системы была банковская система СССР, где Государственный банк СССР (Госбанк) фактически объединял в себе функции центрального и коммерческого банка, а также существовали специализированные банки (Стройбанк, Внешторгбанк и др.), но они действовали в рамках единой государственной политики без автономии.

Благодаря банковскому сектору происходит перераспределение денежных ресурсов между субъектами хозяйственной деятельности.

Банковской системе, как и всем аспектам в экономике, присущи определённые функции. К ним относятся:

- сбережение средств населения и организаций;
- кредитование физических и юридических лиц;
- обеспечение денежного оборота;
- операции с иностранной валютой;
- денежная эмиссия;
- формирование ключевой ставки и пр.

К элементам банковской системы в Российской Федерации относятся:

- Центральный Банк РФ;
- коммерческие банки;
- небанковские кредитные учреждения.

Единственная организация, обладающая правом эмиссии денег - это Банк России. Банк России. Управляет Центробанком совет директоров, состоящий из председателя и 14 членов.

Второй уровень банковской системы представлен коммерческими банками и небанковскими организациями.

К Функциям Центрального банка относятся:

- эмиссия денег;
- определение ключевой ставки;
- кредитование коммерческих банков;
- осуществление расчетов Правительства;
- установление официального курса рубля и пр.

Коммерческие Банки выступают, своего рода, финансовыми посредниками между центральным банком и населением. Они выполняют инвестирование, кредитование, сбережение и прочие функции с физическими и юридическими лицами.

К концу 2018-го года была проведена реформа, суть, которой заключалась в разделении банков на 2 категории, а именно:

- С универсальной лицензией (капитал от 1 млрд. руб.);
- С базовой лицензией (капитал от 300 млн. руб.).

Небанковские кредитные организации, согласно классификации Центрального Банка, делятся на:

- Платежные НКО;
- Расчетные НКО;
- Депозитно-кредитные НКО.

Первые переводят денежные средства без открытия банковских счетов, вторые открывают и ведут счета юридических лиц, третьи занимаются привлечением денежных средств от юридических лиц.

Тренды последних лет

Виртуальная версия российской валюты, которая эквивалентна наличным и безналичным средствам называется цифровым рублем. Его разработка ведется с 2020-го года. Летом 2023 года был запущен пилотный проект, к 2024-му уже запущено около 2500 кошельков, с числом операций примерно 100 000.

Центральный Банк Российской Федерации в октябре 2025-го начал частично использовать исполнение цифровой рубль. В сентябре 2026-го уже подключены крупные банки и торговые точки (С доходом 120 млн. руб.). В дальнейшем планируется подключение средних по доходности торговых точек (доход свыше 30 млн. руб. в год) и к 2028-му году к цифровому рублю будут уже подключены все организации.

Центробанк специально создал специальную платформу для размещения электронных кошельков, чтобы население могло там размещать цифровые рубли. Доступ к ним осуществляется через мобильные приложения банков. Аналитики утверждают, что внедрение цифрового рубля принесет бизнесу порядка 40 миллионов рублей в год.

Преимущества цифрового рубля:

- снижение стоимости платёжных услуг;
- повышение финансовой доступности в отдалённых регионах;
- защита от мошенничества благодаря отслеживаемости транзакций;
- возможность программирования платежей (смарт-контракты);
- уменьшение зависимости от иностранных платёжных систем.

Нога в ногу с цифровизацией идет и трансформация бизнес-моделей крупных банков, а именно развитие банковских экосистем.

Под банковской экосистемой понимается совокупность цифровых платформ, объединивших в себе множество сфер жизнедеятельности общества (медицина, транспорт, образование и т. д.).

Работа строится на принципе управления всеми услугами через одно мобильное приложение. Ярким примером служит Т-Банк, через приложение которого можно управлять своими финансами, покупать билеты, заказывать продукты и пр. Также в качестве примеров можно привести банки Wildberries, Ozon и «Яндекс».

Согласно статистике, приведенной на сайте ЦБ РФ, в 2021-м году объем непрофильных активов в банковской системе составлял 2,4 трлн. руб., а в 2024 - 4 трлн. руб. Увеличение произошло в 1,6 раз.

ЦБ РФ утверждает, что 2024 год стал ключевым для формирования банковской экосистемы. Это объясняет тем, что банки Ozon, Wildberries и «Яндекс» продемонстрировали достаточно высокие показатели. На них пришлось около 40% рынка электронных платежей, в предыдущие годы этот показатель не превышал 2%. В 2025-м году объем платежей через банки маркетплейсов вырос ещё больше и достиг 9,8 трлн. руб.

Перспективы развития

В ближайшие годы ожидается:

- расширение использования цифрового рубля и интеграция его в международные расчёты;
 - усиление конкуренции между традиционными банками и экосистемами маркетплейсов;
 - внедрение искусственного интеллекта для персонализации банковских услуг;
 - развитие открытых API для бесшовной интеграции финансовых и нефинансовых сервисов
- ;
- ужесточение требований к кибербезопасности в связи с ростом цифровых угроз.

Банковская система России находится в стадии глубокой трансформации, сочетая традиционные функции с инновационными решениями, что позволяет ей оставаться устойчивой и конкурентоспособной в условиях глобальной цифровизации.

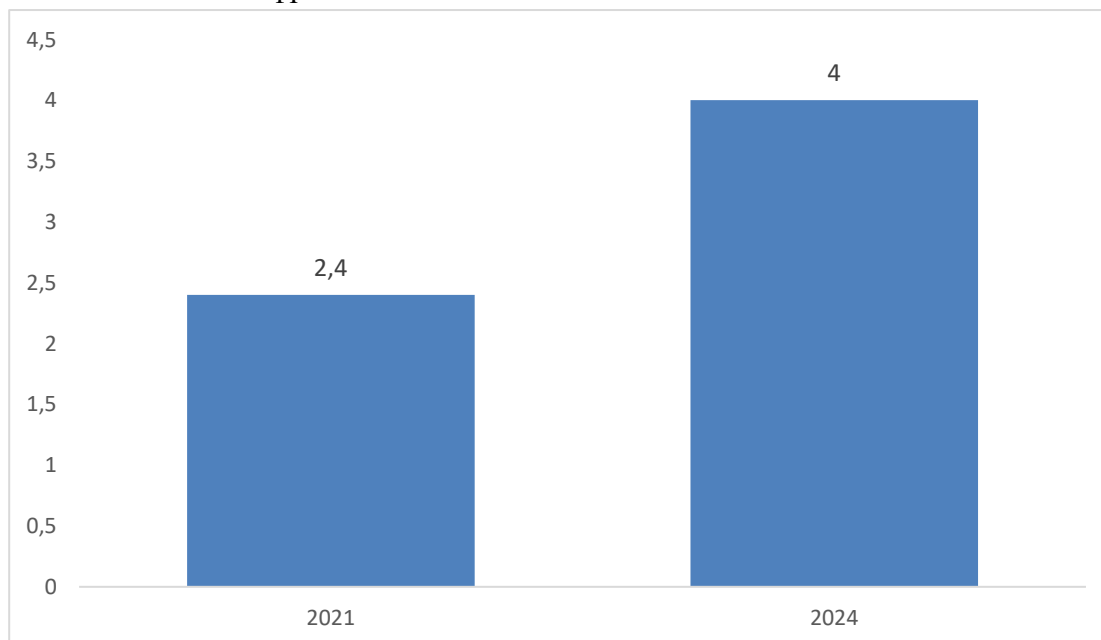

Рисунок. 1 Динамика непрофильных активов в банковской системе¹

Таким образом, роль банков очень велика в обеспечении грамотного функционирования экономики. Сегодня они занимают ключевое место в хозяйстве большинства стран. Банки

¹ Официальный сайт ЦБ РФ// режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/> (Дата обращения 29.03.2026)

эволюционируют вместе с экономической сферой, модернизируются, согласно современным условиям. Они выполняют основную часть работы по переводу денег от покупателей к продавцам, обслуживая систему расчетов в экономике и создавая движение денег в экономике.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ.
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 мая 2025 г. № 105-ФЗ.
4. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 02 декабря 1990 г. № 395-1.
5. Банки и банковское дело: учебник для вузов / А. И. Балабанов, Вик. А. Боровкова, Вал. А. Боровкова, О. В. Гончарук, А. И. Крамарев, С. В. Мурашев, О. Е. Пирогова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2007. — 448 с.
6. Свиридов, О. Ю. Банковское дело: серия «Экономика и управление» / О. Ю. Свиридов. — Ростов на Дону: Издательский центр «МарТ», 2002. — 416 с.
7. Тютюнник, А. В. Банковское дело / А. В. Тютюнник, А. В. Турбанов. — Москва: Финансы и статистика, 2005. — 608 с.
8. Официальный сайт ЦБ РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 01.05.2026).

Федосеева Т.С.

магистрант

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Fedoseeva T.S.

Master's Student

Siberian Federal University

УДЕРЖАНИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ организационных практик, направленных на удержание молодых специалистов на инженерно-технических предприятиях Красноярского края. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на методическом обеспечении деятельности наставника, акцент сделан на управленческих механизмах закрепления молодых сотрудников: молодежных сообществах, технических советах, рейтингах достижений, взаимодействии предприятий с образовательными организациями и инфраструктурных профориентационных программах. Эмпирической основой послужили материалы анализа предприятий инженерно-технического профиля, полуструктурированные интервью с представителями организаций, фокус-группы с молодыми специалистами и диагностические вопросы, связанные с вовлеченностью сотрудников. Выделены модели удержания молодых специалистов, типовые адаптационные дефициты и организационные условия, при которых сопровождение влияет не только на вхождение в должность, но и на долгосрочную лояльность работника. Сделан вывод о необходимости перехода от разрозненных адаптационных мероприятий к системе удержания, объединяющей профессиональное развитие, признание достижений, участие в проектах и регулярную коммуникацию с наставником и руководителем.

Ключевые слова: молодые специалисты, удержание персонала, инженерно-технические предприятия, организационные практики, вовлеченность, молодежные программы, Красноярский край.

RETENTION OF YOUNG SPECIALISTS AT ENGINEERING ENTERPRISES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ORGANIZATIONAL PRACTICES IN KRASNOYARSK KRAI

Abstract. The article presents a comparative analysis of organizational practices aimed at retaining young specialists at engineering enterprises of Krasnoyarsk Krai. Unlike studies focused mainly on methodical support for mentors, the article emphasizes managerial mechanisms for retaining young employees: youth communities, technical councils, achievement ratings, cooperation between enterprises and educational organizations, and infrastructure career guidance programs. The empirical basis includes materials from the analysis of engineering enterprises, semi-structured interviews with representatives of organizations, focus groups with young specialists, and diagnostic questions related to employee engagement. The article identifies models for retaining young specialists, typical adaptation deficits, and organizational conditions under which support affects not only induction but also long-term employee loyalty. The conclusion is made about the need to move from fragmented adaptation activities to a retention system that combines professional development, recognition of achievements, participation in projects, and regular communication with a mentor and manager.

Keywords: young specialists, personnel retention, engineering enterprises, organizational practices, engagement, youth programs, Krasnoyarsk Krai.

Проблема удержания молодых специалистов становится одной из ключевых для инженерно-технических предприятий, поскольку кадровая устойчивость таких организаций напрямую связана с преемственностью профессионального опыта, освоением сложных технологических процессов и способностью предприятия формировать собственный кадровый резерв. Для молодого сотрудника первый период работы является не только этапом знакомства с должностными обязанностями, но и временем принятия решения о том, насколько организация соответствует его профессиональным ожиданиям, ценностям и представлениям о карьерном развитии.

В инженерно-технической сфере удержание молодых кадров осложняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, производственные задачи требуют длительного периода вхождения в профессиональную среду. Во-вторых, молодые специалисты часто сталкиваются с разрывом между учебной подготовкой и реальными требованиями предприятия. В-третьих, начинающие сотрудники нуждаются в регулярной обратной связи, признании первых результатов и понятной траектории развития. Если эти условия отсутствуют, даже формально трудоустроенный молодой специалист может не сформировать устойчивой приверженности организации.

Цель статьи состоит в сравнительном анализе практик удержания молодых специалистов на инженерно-технических предприятиях Красноярского края и выявлении организационных условий, при которых данные практики способствуют закреплению молодых сотрудников. В соответствии с целью решались следующие задачи: описать эмпирическую базу анализа; выделить модели организационной поддержки молодых специалистов; определить типовые дефициты, влияющие на риск раннего увольнения; сформулировать направления совершенствования практик удержания.

Эмпирическая база исследования была сформирована на основе материалов анализа предприятий инженерно-технического профиля. В проекте рассматривались предприятия Красноярского края, а также практики организаций из других регионов России, что позволило сопоставить локальные решения с более широким набором управленческих инструментов. В выборку включались организации с численностью сотрудников более 200 человек, инженерно-техническим профилем деятельности, наличием молодых специалистов в штате и заинтересованностью в развитии механизмов закрепления кадров.

Методическая логика исследования была ориентирована на выявление не только формально заявленных программ адаптации, но и фактических механизмов, с помощью которых предприятие удерживает молодого сотрудника после трудоустройства. Поэтому в центре анализа находились вопросы: какие практики позволяют молодому специалисту почувствовать принадлежность к организации; какие формы профессионального участия формируют мотивацию к развитию; какие управленческие действия снижают неопределенность; какие элементы сопровождения связаны с лояльностью и намерением продолжать работу на предприятии.

Таблица 1. Эмпирическая логика анализа практик удержания молодых специалистов

Источник эмпирических данных	Что анализировалось	Значение для темы удержания
Полуструктурированные интервью с представителями организаций	Описания действующих молодежных программ, практик сопровождения, трудностей адаптации и ожиданий работодателей	Позволяют выявить, какие управленческие действия предприятие считает значимыми для закрепления молодых кадров

Фокус-группы с молодыми специалистами	Оценка первых месяцев работы, трудностей взаимодействия, потребности в обратной связи и профессиональном развитии	Показывают, какие элементы среды воспринимаются молодыми сотрудниками как поддерживающие или, напротив, отталкивающие
Анализ открытых материалов предприятий	Информация о молодежных сообществах, советах, конкурсах, профориентационных и образовательных проектах	Позволяет сопоставить публично заявленные практики с логикой удержания и развития кадрового резерва
Диагностические вопросы о вовлеченности	Понятность ожиданий, наличие ресурсов, признание, поддержка развития, учет мнения, обсуждение прогресса	Связывает удержание с ежедневным опытом молодого специалиста и качеством взаимодействия с руководителем, наставником и коллективом

Анализ показал, что практики удержания молодых специалистов на предприятиях отличаются по содержанию и управленческой направленности. Одни практики преимущественно решают задачу социальной интеграции, другие ориентированы на профессиональное развитие, третьи связаны с признанием достижений, а четвертые работают на раннюю профориентацию и формирование кадрового резерва еще до выхода выпускника на предприятие. Такая неоднородность подтверждает, что удержание не может быть сведено только к назначению наставника или проведению вводного инструктажа.

Для систематизации выявленных решений были выделены пять моделей удержания. Каждая из них имеет собственную управленческую задачу, закрывает определенный дефицит молодого специалиста и имеет потенциальные риски формализации. Сравнительная характеристика моделей представлена в таблице 2.

Таблица 2. Модели организационных практик удержания молодых специалистов

Модель удержания	Пример практики	Какой дефицит закрывает	Вклад в удержание	Риск формализации
Средовая модель	Молодежная программа / сообщество	Социальная изолированность новичка, слабое понимание корпоративных норм	Формирует чувство принадлежности, расширяет горизонт общения, снижает тревожность первых месяцев работы	Мероприятия могут стать досуговыми и не связанными с профессиональным развитием
Проектно-деятельностная модель	Молодежный технический совет	Недостаток самостоятельных профессиональных задач и видимого вклада в результат	Дает возможность участвовать в инженерных проектах, защищать решения, получать экспертную оценку	Есть риск участия только активной части молодежи при слабом включении остальных сотрудников

Мотивационно-признательная модель	Рейтинг молодых специалистов	Невидимость достижений, отсутствие признания первых результатов	Создает публичную фиксацию успехов и критерии профессионального роста	Может превратиться в гонку за баллами без реального развития компетенций
Переходная модель «образование - предприятие»	Работа с вузами и ссузами, стажировки, «Сотрудник 15 минут»	Разрыв между учебной подготовкой и реальными требованиями производства	Снижает тревожность входа в профессию и ускоряет освоение рабочих норм	При отсутствии последующего сопровождения эффект ограничивается периодом стажировки
Инфраструктурная модель	Профориентационная практика «Хочу как ты!»	Отсутствие раннего трудового опыта и понимания инженерных профессий	Формирует кадровый резерв и первичную готовность к труду до выхода на постоянную работу	Слабая связь с конкретными вакансиями может снизить влияние на реальное трудоустройство

Мотивационно-признательная модель основана на публичной фиксации достижений молодых сотрудников. Рейтинг молодых специалистов может усиливать вовлеченность, если критерии оценки понятны и связаны с профессиональными результатами. При этом сама по себе система рейтинга не гарантирует удержания: ее влияние зависит от того, сопровождается ли оценивание рекомендациями по развитию, возможностями участия в проектах и признанием со стороны руководителей. Если рейтинг воспринимается как формальная таблица баллов, его мотивационный потенциал снижается.

Переходная модель «образование - предприятие» направлена на снижение разрыва между обучением и производственной практикой. Работа с вузами и ссузами, стажировки, короткие консультации и предварительное знакомство с требованиями предприятия позволяют молодому человеку раньше понять содержание будущей профессии. Для предприятия такая модель важна как инструмент предварительного отбора и формирования кадрового резерва. Вместе с тем ее результативность зависит от того, сохраняется ли сопровождение после трудоустройства выпускника.

Инфраструктурная модель ориентирована на более ранний этап профессионального самоопределения. Практики первичной социализации позволяют подросткам и молодежи получить первый опыт трудовой дисциплины, коммуникации и ответственности. Для инженерно-технических предприятий это важно в долгосрочной перспективе, поскольку кадровый дефицит не может решаться только за счет найма готовых специалистов. Необходимо формировать интерес к инженерным профессиям заранее и поддерживать его через понятные маршруты профессионального развития.

Особое место в исследовании занимает анализ проблемных зон, которые снижают удерживающий эффект даже при наличии отдельных программ. По материалам интервью и фокус-групп были выделены дефициты, характерные для первых месяцев работы молодых специалистов: неясность ожиданий, позднее обращение за помощью, слабое понимание производственной логики, нехватка признания, отсутствие обсуждения карьерной перспективы и недостаточная регулярность обратной связи.

Таблица 3. Типовые дефициты, влияющие на риск раннего ухода молодого специалиста

Дефицит	Как проявляется	Возможное последствие для удержания	Организационное действие
Неясность ожиданий	Сотрудник не понимает, какие результаты считаются достаточными в первые недели и месяцы	Снижение уверенности, ощущение случайности оценки, рост тревожности	Регулярное обсуждение целей периода, фиксация ожидаемых результатов, краткие встречи с руководителем
Позднее обращение за помощью	Новичок пытается решать трудности самостоятельно и сообщает о проблемах после ошибки	Потеря времени, накопление негативного опыта, снижение доверия	Нормализация уточняющих вопросов, короткие контрольные точки, безопасная коммуникация с наставником
Слабое понимание производственной логики	Молодой специалист видит поручение как отдельное задание и не понимает его связи со смежными процессами	Ошибки в сроках и согласованиях, ощущение бессмысленности отдельных требований	Разбор производственной цепочки, наблюдение за работой опытных сотрудников, участие в проектных обсуждениях
Недостаток признания	Первые успехи остаются незамеченными, обратная связь дается преимущественно при ошибках	Снижение мотивации и эмоциональной привязанности к организации	Публичное признание достижений, рейтинг с развивающей обратной связью, обсуждение прогресса
Неопределенная перспектива роста	Сотрудник не видит, какие компетенции дают переход к более сложным задачам и карьерному продвижению	Поиск альтернативных работодателей, слабая долгосрочная лояльность	Индивидуальная траектория развития, участие в технических советах, связь адаптации с карьерным планированием

Данные таблицы 3 показывают, что риск ухода молодого специалиста часто формируется не в результате одного фактора, а как накопительный эффект повседневных затруднений. Если сотрудник не понимает ожиданий, не получает признания и не видит перспективы, даже наличие формальной программы адаптации не обеспечивает устойчивого закрепления. Поэтому практики удержания должны оцениваться не только по факту их наличия, но и по тому, какие дефициты они реально закрывают.

Важным показателем качества удерживающей среды является вовлеченность молодого специалиста. В проекте использовались вопросы, связанные с понятностью ожиданий, наличием ресурсов, поддержкой развития, учетом мнения сотрудника, признанием вклада и обсуждением прогресса. Эти параметры позволяют рассматривать удержание не как итоговое кадровое решение, а как процесс, который формируется через ежедневный опыт взаимодействия молодого сотрудника с организацией. Направления развития системы удержания молодых специалистов представлены в таблице 4.

Таблица 4. Направления развития системы удержания молодых специалистов

Направление	Содержание управленческого решения	Ожидаемый результат
Связь адаптации и удержания	Рассматривать первые месяцы работы не только как ввод в должность, но и как период формирования лояльности	Снижение риска раннего увольнения и повышение осознанности профессионального выбора
Развитие молодежных профессиональных сообществ	Объединять коммуникационные мероприятия с проектными задачами, встречами с руководством и обменом опытом	Формирование принадлежности к организации и профессиональной среде
Проектное включение молодых специалистов	Предоставлять начинающим сотрудникам посильные, но реальные инженерные задачи с экспертной обратной связью	Рост самостоятельности, ответственности и понимания значимости собственного вклада
Система признания достижений	Использовать рейтинги, портфолио и публичное признание при условии прозрачных критериев	Повышение мотивации достижения и видимости профессионального прогресса
Преимственность с образовательными организациями	Развивать стажировки, профориентационные программы и сопровождение выпускников после трудоустройства	Формирование устойчивого кадрового резерва и снижение разрыва между обучением и производством

Таким образом, удержание молодых специалистов на инженерно-технических предприятиях Красноярского края требует комплексного подхода, в котором наставничество выступает не единственным, а одним из элементов более широкой организационной системы. Анализ практик показал, что предприятия используют разные механизмы закрепления молодых кадров: молодежные сообщества, технические советы, рейтинги достижений, взаимодействие с вузами и ссузами, профориентационные программы. Их эффективность зависит от того, насколько они связаны с реальными профессиональными задачами, обратной связью, признанием достижений и перспективами роста.

В отличие от методического подхода, ориентированного на инструменты деятельности наставника, сравнительный анализ организационных практик позволяет увидеть удержание как результат взаимодействия нескольких факторов: социальной включенности, профессионального участия, управленческого внимания, карьерной перспективы и эмоциональной привязанности к организации. Следовательно, предприятиям целесообразно переходить от разрозненных мероприятий к целостной системе удержания, где адаптация, развитие, признание и кадровый резерв рассматриваются как взаимосвязанные процессы.

Практическая значимость проведенного анализа состоит в том, что выделенные модели и дефициты могут быть использованы руководителями и HR-специалистами инженерно-технических предприятий при проектировании программ закрепления молодых сотрудников. Особое внимание следует уделять регулярности коммуникации, раннему выявлению затруднений, участию молодых специалистов в проектной деятельности и созданию понятных траекторий профессионального развития.

Литература:

1. Армстронг м. Практика управления человеческими ресурсами. – 10-е изд. – спб.: питер, 2012. – 848 с.

2. Маслова в.м. управление персоналом: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. И доп. – м.: юрайт, 2023. – 431 с.
3. Травин в.в., дятлов в.а. основы кадрового менеджмента. – м.: дело, 2003. – 336 с.
4. Allen t.d., eby l.t., poteet m.l., lentz e., lima l. Career benefits associated with mentoring for proteges: a meta-analysis // journal of applied psychology. – 2004. – vol. 89, № 1. – p. 127–136.
5. Saks a.m. antecedents and consequences of employee engagement // journal of managerial psychology. – 2006. – vol. 21, № 7. – p. 600–619.
6. Allen d.g., bryant p.c., vardaman j.m. retaining talent: replacing misconceptions with evidence-based strategies // academy of management perspectives. – 2010. – vol. 24, № 2. – p. 48–64.
7. Hom p.w., lee t.w., shaw j.d., hausknecht j.p. one hundred years of employee turnover theory and research // journal of applied psychology. – 2017. – vol. 102, № 3. – p. 530–545.
8. Rhoades l., eisenberger r. Perceived organizational support: a review of the literature // journal of applied psychology. – 2002. – vol. 87, № 4. – p. 698–714.

Ян Илин

студент

Манчестерский университет

Yilin Yang

Student

University of Manchester

ФИДЖИТАЛ-РИТЕЙЛ В ЛЮКСОВОЙ МОДЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ TAM, ECT И SOR И НАПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию влияния фиджитал-технологий (интеграции физических и цифровых каналов) на потребительский опыт и лояльность в сегменте люксовой моды. Автором предложена интегративная модель, объединяющая три широко признанные теории: модель принятия технологий, теорию подтверждения ожиданий и парадигму стимул–организм–реакция. На основе анализа более 60 источников выделены ключевые конструкты – фиджитал-функции как стимулы, многомерный потребительский опыт как опосредующее состояние и два типа лояльности (аттитюдная и поведенческая) как реакции. Сформулированы шесть приоритетных направлений для эмпирических исследований: лонгитюдные дизайны, кросс-культурные сравнения, поколенческие различия, роль новых технологий (AI, метавселенная, NFTs), разработка шкалы условной лояльности и использование поведенческих метрик.

Ключевые слова: фиджитал-ритейл, люксовая мода, TAM, ECT, SOR, потребительский опыт, лояльность, поколение Z, теоретическая модель.

PHYGITAL RETAIL IN LUXURY FASHION: A THEORETICAL SYNTHESIS OF TAM, ECT, AND SOR AND DIRECTIONS FOR FUTURE RESEARCH

Abstract. This article provides a theoretical justification for the impact of phygital technologies (the integration of physical and digital channels) on consumer experience and loyalty in the luxury fashion segment. The author proposes an integrative model that combines three widely recognized theories: the technology acceptance model, expectancy confirmation theory, and the stimulus–organism–response paradigm. Based on an analysis of over 60 sources, key constructs are identified: phygital functions as stimuli, multidimensional consumer experience as a mediating state, and two types of loyalty (attitude and behavioral) as responses. Six priority areas for empirical research are identified: longitudinal designs, cross-cultural comparisons, generational differences, the role of new technologies (AI, metaverse, NFTs), the development of a conditional loyalty scale, and the use of behavioral metrics.

Keywords: phygital retail, luxury fashion, TAM, ECT, SOR, consumer experience, loyalty, Generation Z, theoretical model.

Актуальность темы обусловлена фундаментальными изменениями в розничной торговле предметами роскоши. Люксовые бренды, традиционно делавшие ставку на эксклюзивность физического присутствия, наследие и персональное обслуживание, вынуждены адаптироваться к новому поколению потребителей – поколению Z, выросшему в среде интернета, социальных сетей и мобильных технологий [7]. В ответ на запросы этой аудитории ведущие дома, такие как Gucci, Dior и Burberry, внедряют AR-примерки, «умные зеркала» на основе RFID, виртуальных стилистов на базе искусственного интеллекта

и системы мобильной оплаты [3; 5]. Эти инструменты образуют новую реальность – «фиджитал» (phygital), где физические и цифровые точки взаимодействия объединены в бесшовный, эмоционально вовлекающий путь потребителя [11; 1]. Однако академическое осмысление отстаёт от практики. Большинство работ либо ограничиваются технологическим принятием без учёта эмоциональной и символической ценности, либо исследуют омниканальность в целом, не выделяя специфику люксового сегмента и поколенческих особенностей. Цель настоящей статьи – предложить теоретический синтез, объединяющий три влиятельные модели (TAM, ECT, SOR) в единую рамку, и на основе систематического обзора литературы сформулировать исследовательскую повестку.

Для объяснения поведения потребителей в фиджитал-среде требуется интеграция нескольких теоретических подходов, поскольку ни один из них в отдельности не способен охватить всю сложность взаимодействия человека с технологиями в контексте люксового потребления. Модель принятия технологий (TAM) объясняет, как воспринимаемая полезность и простота использования влияют на намерение применять новую технологию [4]. В фиджитал-контексте TAM позволяет предсказать, какие инструменты (AR-примерки, мобильная оплата) будут охотно приняты целевой аудиторией, особенно если они интуитивно понятны и экономят время. Однако TAM слабо учитывает эмоциональные и символические аспекты, что критично для люксового потребления, где важны впечатления, статус и самовыражение. Кроме того, модель предполагает рациональное принятие решений и не учитывает влияния социального окружения или эстетической привлекательности технологий.

Теория подтверждения ожиданий (ECT) фокусируется на пост-покупочной стадии: удовлетворённость возникает, если продукт или сервис подтверждают или превосходят ожидания [2]. Эта модель хорошо объясняет повторные покупки и лояльность, возникающие вследствие позитивного опыта. Однако ECT не раскрывает, какие именно стимулы формируют ожидания и как эмоции, возникающие в процессе взаимодействия, транслируются в устойчивое поведение. Более того, теория изначально разрабатывалась для анализа информационных систем и не адаптирована к многоканальной, сенсорно насыщенной фиджитал-среде.

Парадигма стимул–организм–реакция (SOR) предлагает наиболее полную схему: среда (стимулы) → внутреннее состояние (организм: эмоции, когниции) → поведение (реакция) [9]. SOR способна охватить аффективные и символические измерения, включая удовольствие, возбуждение и доминирование, что особенно важно для анализа потребительского опыта в люксовом сегменте. Однако исходно модель не включает технологические атрибуты в качестве стимулов, рассматривая в основном физическую среду (музыку, освещение, планировку). Таким образом, каждая из трёх теорий имеет свои сильные стороны, но их ограничения требуют объединения в единую интегративную рамку, способную объяснить, как именно технологические инструменты через эмоциональное и когнитивное вовлечение формируют устойчивую лояльность у цифрового поколения.

Объединяя эти три подхода, автор предлагает концептуальную модель, в которой фиджитал-функции (AR-примерки, «умные зеркала», виртуальные стилисты, мобильная оплата) выступают в качестве стимулов (S в парадигме SOR). Эти стимулы обладают свойствами полезности и простоты использования, выделяемыми TAM: они помогают потребителю быстрее оценить продукт, уменьшают неопределённость при выборе и экономят время, что особенно важно для поколения Z, привыкшего к мгновенному доступу к информации [4]. Однако в отличие от классической TAM, где технология рассматривается изолированно, в нашей модели фиджитал-стимулы воздействуют не только на рациональную оценку, но и на эмоциональную и сенсорную сферы. Эти стимулы активируют «организм» – потребительский опыт, который операционализируется через четыре взаимосвязанных компонента. Эмоциональный компонент включает удовольствие, радость и чувство вовлечённости, возникающие при использовании AR-примерок или интерактивных зеркал. Когнитивный компонент отражает восприятие

бренда как инновационного, технологически продвинутого, а также формирует уверенность в правильности выбора благодаря возможности «примерить» продукт виртуально. Сенсорный компонент связан с визуализацией (как предмет одежды выглядит на фигуре в движении) и, через интерфейсы, с имитацией тактильных ощущений. Персонализация, четвёртый компонент, проявляется в том, что виртуальный стилист предлагает товары, соответствующие индивидуальным предпочтениям и истории просмотров, создавая ощущение уникальности и заботы со стороны бренда.

Реакция (R) в модели – лояльность к бренду – разделяется на два измерения, вслед за классическими работами Дика и Басу [6]. Аттitudная лояльность выражается в эмоциональной привязанности, устойчивом предпочтении бренда перед конкурентами и готовности рекомендовать его друзьям и в социальных сетях. Поведенческая лояльность проявляется в объективных действиях: повторные покупки (в том числе через мобильные приложения), регулярная вовлечённость в брендовые аккаунты в соцсетях (лайки, комментарии, репосты), а также брендовая адвокация – создание пользовательского контента, участие в программах лояльности и защита бренда в дискуссиях. Важным теоретическим вкладом модели является постулирование того, что фиджитал-стимулы влияют на лояльность как прямо, так и опосредованно – через качество потребительского опыта. Это согласуется с ЕСТ: если ожидания от технологии превосходятся, удовлетворённость растёт, и она конвертируется в лояльность [2]. Таким образом, модель связывает технологические атрибуты (ТАМ), пост-покупочную оценку (ЕСТ) и эмоционально-поведенческую траекторию (SOR) в единое целое, позволяя эмпирически проверить, какой из компонентов опыта вносит наибольший вклад в формирование устойчивой лояльности у цифрового поколения.

Сравнительный анализ альтернативных теоретических подходов показывает, что теория потока слишком узко ориентирована на геймифицированные среды, а теория атрибуции не даёт целостной схемы стимул–реакция. Интеграция ТАМ–ЕСТ–SOR выгодно отличается тем, что охватывает как технологическое принятие, так и эмоционально-символические последствия, позволяет операционализировать конструкты через проверенные шкалы и может быть адаптирована для разных отраслей и поколений. Предварительная эмпирическая проверка на выборке из 213 респондентов поколения Z показала, что предложенная модель объясняет 74,2% дисперсии поведенческой лояльности ($R^2=0,742$), причём влияние потребительского опыта на поведенческую лояльность оказалось сильнее, чем на аттitudную. Это эмпирически подтверждает феномен «условной лояльности»: для цифрового поколения лояльность не является устойчивым аттitudом, а возникает при условии непрерывного, интерактивного и персонализированного фиджитал-опыта [7; 10].

На основе предложенной модели и выявленных пробелов в литературе автор формулирует шесть приоритетных направлений для будущих эмпирических исследований. Первое – лонгитюдные исследования, позволяющие установить, как долго сохраняется эффект от фиджитал-функций, возникает ли «усталость от новизны» и как частота использования влияет на устойчивость лояльности. Второе – кросс-культурные сравнения, особенно между Китаем (с его уникальными платформами WeChat, Douyin, Xiaohongshu) и Россией, Европой или США, поскольку культурные ценности (индивидуализм/коллективизм, избегание неопределённости) могут модулировать восприятие фиджитал-инструментов. Третье – поколенческие различия: следует сравнить Gen Z с Millennials (которые пережили переход от аналоговых к цифровым каналам) и с подрастающим поколением Alpha, чтобы понять, усиливается ли «условность» лояльности. Четвёртое – изучение новых технологий, таких как AI-стилисты, метавселенная и NFTs, которые уже начинают использовать люксовые бренды (Gucci Garden, Dior в метавселенной); необходимо исследовать, как виртуальная собственность и цифровая идентичность влияют на трансформацию лояльности. Пятое – разработка и валидация шкалы «условной лояльности» (conditional loyalty scale), которая измеряла бы готовность потребителя оставаться с брендом

только при условии непрерывного предоставления определённого уровня интерактивного опыта. Шестое – использование поведенческих (несамоотчётных) метрик: частоты использования AR-функций, времени взаимодействия со смарт-зеркалами, реальных повторных покупок, тегов в соцсетях, собираемых через API. Это позволит уменьшить искажения социальной желательности, присущие опросным методам.

В статье предложена теоретическая модель, интегрирующая TAM, ECT и SOR для анализа фиджитал-ритейла в люксовой моде. Модель раскрывает механизм: технологические стимулы (AR-примерки, «умные зеркала», виртуальные стилисты, мобильная оплата) через воспринимаемую полезность и простоту использования формируют многомерный потребительский опыт (эмоциональный, когнитивный, сенсорный, персонализация), который затем предопределяет как аттитюдную, так и, в ещё большей степени, поведенческую лояльность. Эмпирическая проверка на поколении Z показала, что вовлечённость в фиджитал-опыт объясняет три четверти дисперсии поведенческой лояльности, что свидетельствует о феномене «условной лояльности» у цифровых аборигенов [7; 10]. На основе теоретического синтеза сформулирована исследовательская повестка из шести направлений – лонгитюдных, кросс-культурных, поколенческих, технологических, методологических (разработка шкалы) и метрических (поведенческие данные). Данная статья может служить отправной точкой как для эмпирических исследований, так и для разработки стратегий управления фиджитал-опытом в люксовых брендах, стремящихся сохранить релевантность в глазах цифрового поколения.

Литература:

1. Banik S. Exploring the involvement-patronage link in the phygital retail experiences // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 63. Article 102739.
2. Bhattacharjee A. Understanding information systems continuance: An expectation-confirmation model // *MIS Quarterly*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 351–370.
3. Bartoli C., Nosi C., Mattiacci A., Bertuccioli F. Consumer–brand relationship in the phygital age: a study of luxury fashion // *Italian Journal of Marketing*. 2023. No. 4. P. 429–450.
4. Davis F.D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // *MIS Quarterly*. 1989. Vol. 13. No. 3. P. 319–340.
5. Guzzetti A., Crespi R., Belvedere V. Phygital luxury experiences. A correspondence analysis on retail technologies // *International Journal of Consumer Studies*. 2024. Vol. 48. No. 2. P. 1–15.
6. Lee M., Kim H., Choi J. Post-purchase behavior toward luxury brands: An application of the expectancy disconfirmation model // *Journal of Fashion Marketing and Management*. 2023. Vol. 27. No. 4. P. 612–628.
7. Park J., Kim S., Lee Y. Digital transformation of luxury fashion: From omnichannel to phygital // *Fashion and Textiles*. 2023. Vol. 10. No. 1. Article 15.
8. Parnwell M.J.G., Meng K. Methodological fitness-for-purpose in the phygital age: the case of luxury // *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 433–448.
9. Mehrabian A., Russell J.A. *An approach to environmental psychology*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1974.
10. Vosdellen C. Examining the impact of relationship quality, technology acceptance, and website quality on online purchase intention in the luxury industry: a western European perspective. Lisbon: NOVA School of Business and Economics, 2022. (Master's thesis)
11. Yang S., Wang W., Chen J. The role of augmented reality app attributes and customer-based brand equity on consumer behavioral responses: an S-O-R framework perspective // *Journal of Product & Brand Management*. 2023. Vol. 32. No. 8. P. 1233–1247.

12. Verhoef P.C., Lemon K.N., Parasuraman A., Roggeveen A., Tsiros M., Schlesinger L.A. Customer experience creation: Determinants, dynamics and management strategies // *Journal of Retailing*. 2009. Vol. 85. No. 1. P. 31–41.

13. Zhang L., Xu Y., Liu Y. How does phygital integration shape consumer loyalty in luxury retail? A stimulus-organism-response perspective // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2024. Vol. 76. Article 103593.

Боков Д.А.

студент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Павлов П.В.

студент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Bokov D.A.

Student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Pavlov P.V.

Student

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ВИРТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. в статье исследуется правовой режим виртуальной собственности в новой экономической реальности. Анализируются пробелы нормативной базы и предлагаются варианты их устранения с помощью добавления критериев цифрового имущества. На примере игровых активов показана необходимость внедрения в законодательство новых норм о виртуальной собственности.

Ключевые слова: виртуальная собственность, активы, цифровизация, гражданский оборот, информационная система.

VIRTUAL PROPERTY IN CIVIL CIRCULATION: SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION

Abstract. this article examines the legal regime of virtual property in the new economic reality. The gaps in the regulatory framework are analyzed and options for their elimination are proposed by adding criteria for digital property. Using the example of gaming assets, the need to introduce new rules on virtual property into legislation is shown

Keywords: virtual property, assets, digitalization, civil turnover, information system.

Введение. На современном этапе развития гражданского права наблюдается появление принципиально новых форм имущественных отношений. В первую очередь это связано с цифровой трансформацией, которая в настоящее время охватывает все сферы общественной жизни.

Процессы цифровизации привели к появлению оригинального объекта гражданского оборота — виртуальной собственности. Она бросает вызов сложившимся цивилистическим концепциям, обладая особой правовой природой.

Цель исследования. Целью настоящего исследования является анализ правового режима виртуальной собственности в российском гражданском праве, выявление нормативных пробелов и выработка предложений по их устранению путём установления сущностных критериев цифрового имущества.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили нормы Гражданского

кодекса Российской Федерации (в частности, ст. 128 и 141.1), профильные федеральные законы в сфере цифровых финансовых активов и инвестиционных платформ, а также доктринальные источники по гражданскому и цифровому праву. В работе применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические методы (формально-юридический, системный, сравнительно-правовой).

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на отсутствие прямой законодательной регламентации, виртуальная собственность находит правовую основу в статье 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), которая включает в перечень объектов гражданских прав в том числе и цифровые права [1]. Данный факт отражает возможность применения традиционных гражданско-правовых механизмов к нематериальному миру.

Незакрепленность понятия виртуальной собственности в нормативной базе во многом связана с тем, что в правовой доктрине на данный момент не сложилось единого понимания цифрового имущества. Как верно отмечает Н.А. Галкин, такое положение дел приводит к существенным проблемам правоприменения [2, с. 110]. Трудно не согласиться с автором, так как отсутствие соответствующей дефиниции действительно создает неопределенность в регулировании виртуального мира.

Стоит отметить, что в ГК РФ содержится понятие цифровых прав, которые являются важным компонентом виртуальной собственности. Они отражают законодательное внедрение некоторых видов цифровых активов в систему правового регулирования. Согласно статье 141.1 ГК РФ, «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [1].

Данное понятие характеризуется высокой степенью абстрактности, что повлекло за собой немало дискуссий. Основная проблема заключается в отсутствии четких критериев отнесения тех или иных активов к цифровым правам. Так, цифровыми законодатель прямо называет лишь два вида: цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Дать определение цифровым финансовым активам позволяет Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с этим нормативным актом под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, в состав которых входят денежные требования, возможность реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, а также права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Эти права устанавливаются решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, предусмотренном указанным Федеральным законом, а их выпуск, учет и обращение допускаются исключительно путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а при необходимости — и в иные информационные системы. [3].

Говоря об утилитарных цифровых правах, важно отметить Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в статье 8 которого перечислены следующие права: право требовать передачи вещей, право требовать исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и право использования таких результатов, а также право требовать выполнения работ или оказания услуг [4].

Анализируя представленные понятия, стоит сказать о том, что законодателем достаточно четко разграничиваются данные виды цифровых прав путем конкретизации каждого из них в более детальные. Несмотря на различие систем (информационная для цифровых финансовых активов и инвестиционная для утилитарных цифровых прав), регулирование осуществляется на основе единого принципа —

привязки к правилам конкретной системы, где оператор самостоятельно выполняет определенные функции. Применяемый метод позволяет сохранить экономическую природу рассматриваемых цифровых прав.

Также в статье 141.1 ГК РФ упоминаются «иные права», однако отсутствует их перечень. Такая конструкция представляется логичной в связи с тем, что цифровая сфера стремительно развивается, появляется множество новых видов виртуального имущества, отвечающего предполагаемым требованиям информационной системы. Установление законодателем закрытого списка цифровых прав могло бы негативно сказаться на развитии общественных отношений в рамках виртуальной собственности.

Как уже отмечалось ранее, цифровые права являются формально определенной частью виртуальной собственности. При анализе данных терминов выстраивается позиция, согласно которой под виртуальной собственностью следует понимать совокупность объектов кибернетического пространства, находящихся в активном обороте, удовлетворяющих интересы пользователя, доступ к которым возможен через специальное устройство [2, с. 112].

Примером виртуального актива, не охваченного регулированием статьи 141.1 ГК РФ, однако являющегося таковым, может послужить игровое имущество. Оно представляет собой нематериальные объекты, существование которых невозможно вне игрового аккаунта [5, с. 196]. По своей сути, правомочия собственника распространяются не на конкретные вещи внутри компьютерной игры, а на аккаунт, с помощью которого пользователь авторизован на той или иной цифровой платформе. Именно доступ к учетной записи отражает материальную ценность, существующую в виртуальной форме, так как без него владение, пользование и распоряжение цифровыми вещами невозможно.

Однако, как справедливо отмечает В.И. Фатхи, игрок не имеет права полноценного определения юридической судьбы накопленного игрового имущества. Например, доступ к нему может пропасть с завершением поддержки игры ее правообладателем [6, с. 116]. Данное обстоятельство несет в себе некоторые риски для пользователей. Отсутствие правовой регламентации существенно затрудняет процесс преобразования стоимости игрового имущества в денежный эквивалент, создавая угрозы экономического характера (например, неправомерного отчуждения игрового имущества, легализации через него доходов, полученных преступным путем и т. д.).

Таким образом, игровое имущество, как и некоторые другие виды виртуальной собственности, обладая объективной экономической ценностью, остается вне правового регулирования. Сложившийся нормативный пробел ведет к неоднозначности в регулировании цифрового имущества. Представляется возможным установить единую правовую классификацию виртуальной собственности. Это позволит обеспечить однообразное правоприменение, что в свою очередь устраним коллизии при разрешении споров.

Так, А.И. Савельев сформировал четыре варианта правового регулирования виртуальной собственности: позиция невмешательства в цифровые отношения; применение к виртуальной собственности по аналогии норм о вещах и праве собственности; квалификация данных отношений в контексте договорного права; рассмотрение объектов виртуальной собственности в качестве «иного имущества», путем применения к ним норм о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении [7, с. 130].

Наиболее оптимальным является последний из рассмотренных вариантов, что уже находит отражение в законодательстве. Говоря о положительных аспектах, важно отметить, что такой подход учитывает новизну виртуальной собственности для сложившегося гражданско-правового регулирования. Также он решает одну из актуальных проблем — предоставляет способы защиты цифровых активов через деликтные иски и иски о неосновательном обогащении.

Однако, помимо преимуществ позиция имеет и недостатки. Так, использование терминологии «иное имущество» в отношении виртуальной собственности не решает вопроса отнесения тех или иных активов к цифровым. Для устранения сложившейся правовой неопределенности представляется возможным развить системную связь статьи 128 со статьей 141.1 ГК РФ, путем дополнения второй из названных пунктом, содержащим в себе требования, необходимые для признания имущества цифровым. В данном случае перечень хотя и останется открытым, но появится наиболее гибкий, единый механизм включения новых активов в гражданский оборот без необходимости частого изменения закона, что в свою очередь приведет к стабильности регулирования цифровой сферы.

Если же говорить о конкретных требованиях к имуществу для признания его цифровым, то одним из таковых и, на наш взгляд наиболее важным, представляется нематериальность. Это означает, что виртуальные объекты не являются вещами в их классическом понимании. Их невозможно материализовать за пределами конкретной информационной системы.

При этом как отмечают авторы, цифровое имущество имеет экономическую ценность [2, с. 108]. Данный критерий позволяет связать виртуальный мир с реальным, так как объектами гражданского права будут именно те цифровые ресурсы, которые обладают действительной или потенциальной коммерческой ценностью в силу их возможности быть приобретенными за реальные деньги [7, с. 127].

Объект виртуальной собственности может быть индивидуально определен. Р.Ю. Закиров и Н.С. Кульмяков указывают, что каждый объект гражданского права может быть качественно обособлен от всех других, схожих по родовым признакам. Применительно к виртуальным активам этот факт выражается в различном цифровом коде [8, с. 80].

Объект виртуальной собственности может быть индивидуально определен. Р.Ю. Закиров и Н.С. Кульмяков указывают, что каждый объект гражданского права может быть качественно обособлен от всех других, схожих по родовым признакам. Применительно к виртуальным активам этот факт выражается в различном цифровом коде [8, с. 80].

Выводы: подводя итог, необходимо отметить, что виртуальная собственность — объективно существующий феномен современного гражданского оборота, нуждающийся в качественном правовом регулировании. Законодательно определенно предстоит развить нормативную базу в сфере цифрового права и делать это необходимо в том числе путем установления сущностных критериев цифрового имущества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
2. Галкин Н.А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. 2024. №4. С. 107-114.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
4. Федеральный закон от 02.08.2019 №259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
5. Скоморохова М.С. Виртуальное игровое имущество как объект гражданских прав // Вопросы российской юстиции. 2024. №31. С. 190-197.
6. Фатхи В.И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-

правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. №4. С. 113-121.

7. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. №1. С. 127-150.

8. Закиров Р.Ю., Н.С. Кульмяков. Цифровые права как объекты гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. №4. С. 79-82.

Жарковская П.О.

студент

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

e-mail: polina.zharkovskaya.07@mail.ru

научный руководитель – доцент экономики

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Е.С. Дубровская

Zharkovskaya P.O.

Student

Kazan State Energy University

scientific director – Associate Professor of Economics

Kazan State Energy University

E. S. Dubrovskaya

ЭФФЕКТ ХРАПОВИКА: АСИММЕТРИЧНАЯ РЕАКЦИЯ ЦЕН И ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ НА ИЗМЕНЕНИЯ СОВОКУПНОГО СПРОСА

Аннотация. Исследуется фундаментальное свойство современных рыночных экономик - асимметричная реакция цен и заработных плат на разнонаправленные изменения совокупного спроса, получившая название «эффект храповика». Рассматриваются механизмы возникновения асимметрии на рынках товаров и труда, включая эффекты координационных провалов, роль неформальных контрактов и феномен «денежной иллюзии». Отдельное внимание уделяется проявлениям эффекта храповика в российской экономике и его последствиям для антикризисной политики.

Ключевые слова: эффект храповика, заработная плата, совокупный спрос, антикризисная политика, монетарная политика.

RATCHET EFFECT: THE ASYMMETRIC REACTION OF PRICES AND WAGES TO CHANGES IN AGGREGATE DEMAND

Abstract. The fundamental property of modern market economies is investigated - the asymmetric reaction of prices and wages to multidirectional changes in aggregate demand, called the "ratchet effect". The mechanisms of asymmetry in the markets of goods and labor are considered, including the effects of coordination failures, the role of informal contracts and the phenomenon of "monetary illusion". Special attention is paid to the manifestations of the ratchet effect in the Russian economy and its consequences for anti-crisis policy.

Keywords: ratchet effect, wages, aggregate demand, anti-crisis policy, monetary policy.

Одним из наиболее устойчивых эмпирических наблюдений в экономической науке, которое никак не удается полностью согласовать с классической теорией общего равновесия, является следующее: цены и заработные платы в реальных экономиках демонстрируют выраженную асимметрию в своей динамике. Когда совокупный спрос возрастает, цены и зарплаты реагируют достаточно быстро и заметным повышением. Однако, когда спрос падает, их снижение, если и происходит, то крайне неохотно, в существенно меньших масштабах. Этот феномен был замечен еще экономистами XIX века, но систематическое изучение началось с работ Дж. М. Кейнса, который указал на асимметричную реакцию номинальных зарплат как на один из ключевых факторов, объясняющих устойчивость равновесия с

безработицей [1, 45-48]. За прошедшие десятилетия накоплен огромный массив эмпирических данных, подтверждающих универсальность эффекта храповика для самых разных стран и исторических периодов. При этом теоретическое объяснение явления прошло долгий путь: от простой констатации факта до разработки сложных микрообоснованных моделей. Целью является не просто пересказать известные объяснения эффекта храповика, а представить их в виде единой логической конструкции, показав, что нисходящая жесткость цен и зарплат является не случайным сбоем или результатом несовершенства рынков, а закономерным и в определенном смысле рациональным свойством децентрализованных экономических систем.

Для того чтобы понять природу эффекта храповика, необходимо сначала четко разделить два различных, хотя и взаимосвязанных, аспекта: жесткость цен на товарных рынках и жесткость номинальных зарплат на рынке труда.

Начнем с товарных рынков. Почему фирмы, столкнувшись с падением спроса на свою продукцию, не снижают цены, как предписывает элементарная теория спроса и предложения? Первый и наиболее очевидный ответ связан с так называемыми издержками меню. Любое изменение цены, даже незначительное, требует затрат ресурсов. В физическом магазине это перепечатка ценников и каталогов, перенастройка кассовых аппаратов, время персонала на перемаркировку товаров. В онлайн-торговле эти издержки меньше, но они не исчезают полностью: необходимо обновить базы данных, перенастроить алгоритмы рекомендаций, уведомить постоянных клиентов. Критически важно здесь то, что издержки меню носят фиксированный характер: они почти не зависят от того, на сколько процентов фирма меняет цену. Следовательно, при небольшом ожидаемом падении спроса (и, соответственно, при небольшом желательном снижении цены) фирме может быть просто невыгодно производить корректировку. Легче переждать временные трудности, оставив цену неизменной и согласившись на некоторое падение объема продаж. Если же шок спроса оказывается длительным, фирма все равно рано или поздно снизит цену, но с запаздыванием и, скорее всего, не на полную величину, необходимую для восстановления равновесия. Так возникает первая причина асимметрии: повышать цены фирмы готовы часто и быстро (поскольку издержки меню при росте спроса окупаются ростом выручки), а снижать неохотно и с опозданием (поскольку экономия на издержках меню перевешивает потери от временно сократившихся продаж) [2, 529-535].

Однако одной теорией издержек меню полное объяснение эффекта храповика не исчерпывается. Существует еще один, более тонкий механизм, который можно назвать «стратегической неопределенностью». В условиях, когда на рынке действуют несколько крупных фирм, каждая из них, принимая решение о снижении цены, должна учитывать вероятную реакцию конкурентов. Представим ситуацию падения спроса. Если фирма А снизит цену, она может рассчитывать на увеличение своей доли рынка. Но конкуренты, заметив это, скорее всего, последуют ее примеру, чтобы не потерять покупателей. В итоге все фирмы снижают цены, доли рынка возвращаются к прежнему соотношению, а прибыль каждой фирмы падает, причем не только из-за снижения спроса, но и из-за сокращения ценового коридора. В такой ситуации любая фирма, рассматривая возможность снижения цены, понимает, что ее выигрыш будет временным и иллюзорным. Рациональной альтернативой становится «заморозка» цен: пусть лучше объем продаж упадет, чем прибыль снизится по двум причинам сразу. Этот механизм объясняет, почему эффект храповика особенно сильно проявляется на высококонцентрированных рынках.

Переходя к рынку труда, мы сталкиваемся с еще более сложной картиной. Заработная плата - это не просто цена труда, но и ключевой элемент социального контракта между работником и работодателем. Многочисленные эмпирические исследования, включая работы, проводившиеся на российских данных, показывают, что номинальные зарплаты практически никогда не снижаются. Даже в периоды глубоких рецессий, когда безработица резко возрастает, те работники, которые сохранили места, продолжают

получать ту же (или даже слегка растущую) номинальную зарплату. Снижение реальной оплаты труда происходит через инфляцию: если цены растут, а номинальная зарплата остается неизменной, реальная покупательная способность падает. Но сами номинальные ставки не пересматриваются вниз. Этот феномен требует объяснения.

Одна из наиболее влиятельных концепций, объясняющих нисходящую жесткость зарплат, - теория эффективной заработной платы. Ее ключевая идея заключается в том, что производительность труда работника зависит от уровня его оплаты. Если работодатель снижает зарплату, работник отвечает снижением усилий, осознанно или неосознанно. Он может работать медленнее, допускать больше ошибок, меньше заботиться о качестве, а может и вовсе искать новое место, создавая для фирмы издержки на замену. Работодатель, предвидя такую реакцию, предпочтет не снижать зарплату, даже если рынок труда перенасыщен и безработные готовы трудиться за меньшие деньги. Дело здесь не в альтруизме, а в холодном расчете: экономия на зарплате обернется потерями от падения производительности и роста текучести кадров. В некоторых случаях эти потери могут превысить экономию в несколько раз. Следовательно, поддержание зарплаты на уровне выше равновесного является рациональной стратегией фирмы [3].

Но одной экономической рациональности недостаточно. Поведенческие эксперименты, проводившиеся с 1980-х годов, выявили мощный психологический механизм, усиливающий эффект храповика. Люди воспринимают снижение номинальной зарплаты не просто как уменьшение дохода, а как оскорбление, как несправедливое отношение к себе. При этом точно такое же снижение реальной зарплаты, происходящее из-за роста цен при неизменном номинале, не вызывает сколько-нибудь сопоставимой эмоциональной реакции, хотя для кошелька результат идентичен. Экономисты назвали это явление «денежной иллюзией» - систематической ошибкой восприятия, при которой люди ориентируются на номинальные, а не на реальные величины [4]. Денежная иллюзия - это когнитивное упрощение, позволяющее экономить умственные усилия.

Эффект храповика на рынке труда подкрепляется также институциональными факторами. Коллективные договоры, трудовое законодательство, наличие профсоюзов - все это создает дополнительные барьеры для снижения номинальных зарплат. В российской практике, например, работодатели, сталкиваясь с падением спроса, используют целый набор инструментов, позволяющих сократить издержки на труд без формального снижения ставок. Это и перевод на неполный рабочий день, и отправка в административные отпуска, и задержки выплат (что формально незаконно, но в кризисные периоды широко практиковалось), и сокращение премиальной части при сохранении оклада. Все эти меры позволяют снизить реальные издержки, не наталкиваясь на психологическое сопротивление, связанное с прямым номинальным урезанием.

Институциональный подход, разрабатываемый в том числе в работах российских авторов, подчеркивает роль формальных и неформальных ограничений как факторов, формирующих жесткость конкурентной среды и экономического поведения агентов [5]

Рассмотрим теперь, как эффект храповика проявляется в конкретной экономике - российской. Эмпирические данные за последние пятнадцать лет дают богатый материал для анализа. Кризис 2008-2009 годов, кризис 2014-2016 годов (связанный с падением цен на нефть и санкциями), а затем шок 2020 года, вызванный пандемией, каждый из этих эпизодов демонстрирует устойчивую картину. В момент удара цены на многие товары резко подскакивают - из-за девальвации рубля, инфляционных ожиданий или перебоев с поставками. Однако, когда шок проходит, цены не возвращаются на исходный уровень. Они могут немного снизиться, но в целом остаются на новом, более высоком плато. С заработными платами картина еще более показательная. Номинальные зарплаты в России, даже в самые тяжелые кризисные годы, практически не снижались. Падение реальных доходов происходило исключительно за

счет инфляции, которая «съедала» покупательную способность. При этом безработица росла не столько за счет массовых увольнений, сколько за счет сокращения рабочего времени и ухода части занятых в теневую экономику. Такая модель адаптации к шокам с сохранением номинальных зарплат и цен на высоком уровне при падении объемов представляет собой классическую иллюстрацию эффекта храповика в действии.

Что же делать экономической политике в условиях существования эффекта храповика? Если бы цены и зарплаты были гибкими к понижению, центральные банки могли бы позволить себе не вмешиваться в небольшие спады, полагаясь на автоматическую коррекцию. Однако в реальном мире такой автоматической коррекции нет, и падение спроса чревато долгосрочными потерями. Отсюда следует важный практический вывод: центральный банк должен предотвращать дефляцию (снижение общего уровня цен) любой ценой, так как раз возникшая дефляция не будет самокорректироваться, а скорее усилится из-за отсрочки покупок. Более того, оптимальной стратегией является поддержание устойчивой низкой положительной инфляции, как правило, в диапазоне 2-3% в год. Такая инфляция «смазывает» механизм относительных цен: она позволяет снижать реальные зарплаты и реальные цены на отдельные товары без необходимости номинальных урезаний, которые наталкиваются на психологическое сопротивление. Именно этот принцип лежит в основе политики таргетирования инфляции, принятой большинством центральных банков развитых и многих развивающихся стран, включая Банк России с 2015 года.

Таким образом, эффект храповика является не случайным отклонением от идеального рыночного механизма, а его фундаментальным свойством, вытекающим из рационального поведения экономических агентов в условиях положительных издержек корректировки, стратегической неопределенности, асимметричной информации и специфики человеческого восприятия потерь. Цены и зарплаты легко растут, потому что в этом заинтересованы продавцы и работники; они с трудом снижаются, потому что ни одна из сторон не хочет нести потери, а механизмы координации, которые могли бы сделать снижение взаимовыгодным, в децентрализованной рыночной системе отсутствуют. Понимание этого факта имеет два важных следствия. Первое следствие - теоретическое: классические модели, предполагающие совершенную гибкость цен и мгновенное восстановление равновесия, должны быть признаны неадекватными для анализа кратко- и среднесрочных экономических процессов. Второе следствие - практическое: экономическая политика не должна пытаться «исправить» эффект храповика, заставляя цены снижаться (это привело бы к огромным издержкам и социальным конфликтам). Вместо этого политика должна адаптироваться к его существованию, поддерживая среду, в которой асимметрия ценовой динамики приносит наименьший вред. Это означает, в частности, приверженность режиму низкой предсказуемой инфляции, готовность к активным антициклическим мерам в периоды спадов и осторожное отношение к дефляционным рискам. Дальнейшие исследования эффекта храповика должны быть сосредоточены на двух направлениях: во-первых, на количественной оценке вклада различных механизмов (издержки меню, поведенческие факторы, институты) в общую жесткость цен в разных странах и отраслях; во-вторых, на поиске новых институциональных решений, которые позволили бы повысить адаптивность рынков к шокам без наращивания социальной напряженности. В частности, заслуживают внимания системы гибкого премирования, разделяющие фиксированную и переменную части оплаты труда, а также цифровые платформы, позволяющие более тонко настраивать цены в ответ на изменения спроса.

Литература:

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/afqs52qz4n/118194341.pdf> (дата обращения 15.04.2026)
2. Мэнкью Г. Малые издержки меню и большие экономические циклы // *Quarterly Journal of Economics*. 1985. Vol. 100. P. 529–538. Режим доступа: <https://biblioteka.bafe.edu.kg/download/makroekonomika/Мэнкью%20Н.Г.%20-%20Макроэкономика.pdf> (дата обращения 15.04.2026)
3. Ларин А. В., Анисимова А. С. Детерминанты жесткости номинальной заработной платы в России // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. — 2014. — № 42 (228). — С. 15–23. — Режим доступа: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=63874> (дата обращения 15.04.2026)
4. Колычева О. С., Зубов В. О., Бураков Д. В. Spiritus animalis или иррациональное начало: проявления в экономике и влияние на экономические события России // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. — 2014. — № 4-3 (13). — Режим доступа: <https://sciup.org/spiritus-animalis-ili-irracionalnoe-nachalo-projavenija-v-jekonomike-i-vlijanie-140109720> (дата обращения 15.04.2026)
5. Филина О. В. Институциональное регулирование конкурентоспособности в предпринимательской деятельности: диссертация ... кандидата экономических наук. — Казань: Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, 2006. — 157 с. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16101223> (дата обращения 15.04.2026)

Мохасин Я.Я.

магистрант

кафедра туризма и сервиса

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Mohasin Y.Y.

Master's Student

Department of Tourism and Service

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современных тенденций и особенностей развития событийного туризма в арктических регионах. Рассматриваются природно-климатические, культурно-исторические и институциональные предпосылки формирования событийного туристского продукта. Особое внимание уделено роли событий в преодолении сезонности туристского спроса и формировании устойчивого интереса к северным территориям. Выявлены ключевые направления развития событийного туризма, включая спортивные, этнокультурные и гастрономические мероприятия, а также рассмотрены проблемы инфраструктурного обеспечения, транспортной доступности и экологической устойчивости. Сделан вывод о возрастающем значении событийного туризма как инструмента социально-экономического развития арктических регионов.

Ключевые слова: арктические регионы, событийный туризм, туристско-рекреационный потенциал, инфраструктура, устойчивое развитие, туристские события.

MODERN TRENDS AND SPECIFIC FEATURES OF EVENT TOURISM DEVELOPMENT IN THE ARCTIC REGIONS

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of modern trends and specific features of event tourism development in the Arctic regions. It examines the natural-climatic, cultural-historical, and institutional prerequisites for the formation of an event-based tourism product. Particular attention is paid to the role of events in overcoming the seasonality of tourist demand and in creating sustainable interest in northern territories. The key directions of event tourism development are identified, including sports, ethnocultural, and gastronomic events, and the issues of infrastructure provision, transport accessibility, and environmental sustainability are considered. The study concludes that event tourism is becoming an increasingly important tool for the socio-economic development of Arctic regions.

Keywords: Arctic regions, event tourism, tourism and recreational potential, infrastructure, sustainable development, tourist events.

Арктические регионы в XXI веке приобретают всё более важное значение в системе глобального и национального развития. Их роль определяется не только богатством природных ресурсов и геополитическим положением, но и формированием новых направлений хозяйственной деятельности, среди которых особое место занимает туризм. В условиях необходимости диверсификации экономики северных территорий туризм рассматривается как один из инструментов устойчивого развития, способный обеспечивать приток инвестиций и создание рабочих мест [2].

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений туристской деятельности является событийный туризм. Событийный туризм рассматривается как важный инструмент формирования туристской привлекательности территорий [2]. В арктических регионах событийный туризм приобретает особую значимость, поскольку позволяет не только формировать уникальные туристские продукты, но и компенсировать ярко выраженную сезонность туристского спроса.

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к Арктике как к туристскому направлению, что связано с глобальным трендом на поиск уникальных туристских впечатлений и развитием инфраструктуры [6]. В этом контексте события выступают в качестве ключевых факторов формирования туристских потоков.

Целью настоящей статьи является выявление современных тенденций и специфики развития событийного туризма в арктических регионах.

Ресурсная основа развития событийного туризма в Арктике. Развитие событийного туризма в арктических регионах во многом определяется наличием уникальной ресурсной базы. Природно-климатические условия играют ключевую роль в формировании туристской привлекательности. Полярная ночь, полярный день, северное сияние и экстремальные температурные режимы создают особую среду, которая активно используется при организации туристских мероприятий [2].

Зимний период способствует проведению спортивных соревнований, фестивалей льда и снега, а также экстремальных экспедиций. В свою очередь, летние «белые ночи» создают условия для проведения культурных и музыкальных фестивалей, что позволяет расширять временные рамки туристской активности.

Культурно-исторические ресурсы также играют значительную роль. Традиции коренных народов Севера, включая обряды, ремёсла и хозяйственную деятельность, становятся основой для организации этнокультурных мероприятий [4]. Такие события позволяют не только сохранять культурное наследие, но и формировать уникальные туристские продукты.

Кроме того, значительный интерес представляют объекты индустриального и научного наследия, связанные с освоением Арктики. Они используются в рамках тематических мероприятий, направленных на развитие познавательного туризма.

Современные тенденции развития событийного туризма. Одной из ключевых тенденций является превращение событий в основной инструмент привлечения туристов. Региональные власти активно формируют календарные программы мероприятий, распределённых в течение всего года, что позволяет снижать сезонность туристского спроса [5].

Наблюдается также диверсификация событийного туризма. В арктических регионах развиваются спортивные мероприятия, культурные фестивали и гастрономические события. Спортивные мероприятия, такие как марафоны и лыжные гонки, привлекают как профессиональных спортсменов, так и любителей. Культурные фестивали ориентированы на демонстрацию традиций и образа жизни местного населения, а гастрономические события способствуют продвижению локальной кухни.

Важной тенденцией является формирование территориальных брендов. События становятся инструментом позиционирования регионов и повышения их узнаваемости на туристском рынке. Уникальные мероприятия формируют устойчивые ассоциации и способствуют развитию имиджа территории [1].

Кроме того, значительное влияние оказывает цифровизация. Использование онлайн-платформ и социальных сетей позволяет эффективно продвигать события и привлекать более широкую аудиторию [6].

Важным аспектом анализа является изучение международного опыта развития событийного туризма в арктических странах, таких как Норвегия, Финляндия, Швеция и Канада. Эти государства

активно используют событийный туризм как инструмент продвижения северных территорий и формирования устойчивого туристского потока.

В странах Скандинавии значительное внимание уделяется развитию зимних фестивалей и мероприятий, связанных с природными явлениями Арктики. Например, фестивали северного сияния, ледовые и снежные скульптурные конкурсы, а также культурные мероприятия, посвящённые традициям саамского населения, становятся важными элементами туристской политики. Эти события ориентированы не только на внутренний, но и на международный рынок, что способствует увеличению туристского потока и развитию экспортного потенциала туристских услуг.

Канада, в свою очередь, активно развивает событийный туризм в северных провинциях, используя культурное наследие коренных народов и природные особенности региона. Особое внимание уделяется устойчивости мероприятий, включая минимизацию экологического воздействия и вовлечение местных сообществ в организацию событий.

Зарубежный опыт показывает, что ключевыми факторами успешного развития событийного туризма являются системный подход к формированию календаря мероприятий, активное государственное участие, а также интеграция событий в стратегию территориального брендинга. Эти элементы могут быть адаптированы и применены в российских арктических регионах с учётом их специфики.

Специфика развития событийного туризма в арктических регионах. Развитие событийного туризма в Арктике характеризуется рядом специфических особенностей. Одной из них является влияние экстремальных природных условий, которые требуют дополнительных затрат на организацию мероприятий и обеспечение безопасности [2]. Это повышает стоимость туристского продукта, но одновременно усиливает его уникальность.

Существенным ограничением остаётся транспортная доступность. Арктические регионы удалены от основных туристских центров, что увеличивает стоимость поездок и снижает массовость туристских потоков [5].

Инфраструктурные ограничения также оказывают значительное влияние. Недостаточное развитие гостиничного фонда, объектов общественного питания и туристских сервисов сдерживает рост туристских потоков и ограничивает возможности проведения крупных мероприятий.

Особое значение имеет экологический фактор. Арктические экосистемы отличаются высокой уязвимостью, поэтому проведение массовых мероприятий требует строгого соблюдения принципов устойчивого развития [2].

Роль местных сообществ в развитии событийного туризма. Одним из ключевых факторов устойчивого развития событийного туризма в арктических регионах является участие местных сообществ. Коренные и местные жители выступают не только носителями культурного наследия, но и активными участниками туристской деятельности.

Вовлечение местного населения в организацию и проведение мероприятий способствует сохранению традиций и формированию аутентичного туристского продукта. Кроме того, это позволяет обеспечить дополнительную занятость и повысить уровень доходов населения, что особенно важно для удалённых северных территорий.

Практика показывает, что мероприятия, организованные с участием местных сообществ, обладают большей привлекательностью для туристов, поскольку обеспечивают высокий уровень подлинности и культурной насыщенности. В то же время отсутствие взаимодействия с местным населением может приводить к формализации событий и утрате их уникальности.

Таким образом, развитие событийного туризма должно осуществляться с учётом интересов местных сообществ, их активного вовлечения в процессы планирования и реализации мероприятий.

Проблемы и перспективы развития. Несмотря на положительную динамику, развитие событийного туризма сталкивается с рядом проблем. К ним относятся недостаток инвестиций, слабая инфраструктура и дефицит квалифицированных кадров [2]. Также сохраняется необходимость повышения уровня координации между участниками туристского рынка.

В то же время перспективы развития остаются значительными. Развитие государственно-частного партнёрства может способствовать привлечению инвестиций и реализации крупных проектов. Важным направлением является создание межрегиональных туристских маршрутов, объединяющих различные события в единый туристский продукт.

Особое значение имеет повышение качества сервиса и внедрение современных технологий. Также необходимо уделять внимание экологической устойчивости и сохранению природного потенциала арктических территорий [2].

Перспективы цифровой трансформации событийного туризма в Арктике. Современный этап развития туризма характеризуется активным внедрением цифровых технологий, которые оказывают значительное влияние на организацию и продвижение событий. В арктических регионах цифровизация приобретает особое значение в связи с их удалённостью и ограниченной доступностью.

Использование цифровых платформ позволяет формировать единые информационные пространства, включающие календари событий, системы бронирования и онлайн-продвижение. Это значительно упрощает доступ туристов к информации и повышает уровень их вовлечённости.

Кроме того, развитие технологий виртуальной и дополненной реальности открывает новые возможности для продвижения арктических событий. Потенциальные туристы могут заранее ознакомиться с атмосферой мероприятий, что повышает вероятность принятия решения о поездке.

Не менее важным является использование цифровых инструментов в управлении туристскими потоками. Анализ данных позволяет оптимизировать нагрузку на инфраструктуру, прогнозировать спрос и повышать эффективность организации мероприятий.

В перспективе цифровизация может стать одним из ключевых факторов развития событийного туризма в Арктике, способствуя повышению его конкурентоспособности на международном рынке.

Заключение

Событийный туризм в арктических регионах представляет собой перспективное направление, способное стать важным фактором их социально-экономического развития. Он основывается на уникальном сочетании природных и культурных ресурсов, а также на активной государственной поддержке.

Современные тенденции свидетельствуют о росте значимости событий как инструмента привлечения туристов, диверсификации форматов мероприятий и усилении роли территориального брендинга. Вместе с тем развитие данного направления сдерживается инфраструктурными и экологическими ограничениями.

Для обеспечения устойчивого развития событийного туризма необходимо комплексное решение существующих проблем, включая развитие инфраструктуры, повышение транспортной доступности и внедрение экологически ответственных практик.

Литература:

1. Александрова, А. Ю. Международный туризм: учебник для вузов / А. Ю. Александрова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: КНОРУС, 2023. — 460 с.
2. Булыгина, И. И. Креативный подход к управлению туризмом в регионе (на примере Мурманской области) / И. И. Булыгина, А. В. Елисеев, М. В. Шулина // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 69–92.

3. Бертош, А. А. Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере / А. А. Бертош // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 2. — С. 55–60.

4. Сулейманова, О. А. Этническая деревня как региональный туристический бренд / О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. — 2023. — Текст : электронный / <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-derevnya-kak-regionalnyy-turisticheskiy-brend> (дата обращения 02.05.2026)

5. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_stratery/ (дата обращения: 02.05.2026).

6. Global Report on Tourism and Arctic Sustainability / United Nations World Tourism Organization (UNWTO). — Madrid: UNWTO, 2023. — Текст : электронный / <https://www.untourism.int/un-tourism-world-tourism-barometer-data> (дата обращения: 02.05.2026).

Перов Д.А.

магистрант

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Perov D.A.

Master's Student

Far Eastern State Transport University

ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются существенные условия договора электроснабжения, а также отличие договора электроснабжения от договора купли-продажи электрической энергии.

Ключевые слова: договор электроснабжения, понятие, характеристика, существенные условия, режим, срок, цена, порядок расчетов, ответственность, условия присоединения к сетям, абонент, энергоснабжающая организация, точка поставки, присоединенная сеть.

CONCEPT, CHARACTERISTICS, AND ESSENTIAL TERMS OF AN ELECTRICITY SUPPLY CONTRACT

Abstract. This article examines the essential terms of an electricity supply contract, as well as the differences between an electricity supply contract and an electricity purchase and sale agreement.

Keywords: electricity supply contract, concept, characteristics, essential conditions, mode, term, price, payment procedure, liability, conditions for connection to networks, subscriber, energy supply organization, supply point, connected network.

Под энергоснабжением принято понимать способность энергоснабжающей организации обеспечивать абонента (потребителя) всеми видами энергии, а также энергоносителей, которые нужны для его нормального функционирования. Отношения энергоснабжения в современных правовых порядках предполагают целый ряд обязательств участников правоотношения, направленных на обеспечение энергосбережения.

Электро- и теплоэнергетика являются сферами экономики, которые непосредственным образом влияют на благополучие всего общества, жизнедеятельность всех граждан, для которых энергия выступает не как товар, а как жизненно важная потребность, продукция первой необходимости [6].

Легальное определение электрической энергии в российском законодательстве не приводится. В Гражданском кодексе электрическая энергия не рассматривается как объект гражданских прав, т.е. не входит в исчерпывающий перечень объектов гражданских прав. Федеральный закон № 261-ФЗ рассматривает электрическую энергию как один из видов энергии и приводит понятие энергетического ресурса как носителя энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной или иной деятельности [5].

В апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № АПЛ22-551 уточняется, что под услугами по передаче электрической энергии понимается комплекс организационно и технологически связанных действий, в том числе по оперативно-технологическому управлению, которые обеспечивают передачу электрической энергии через технические устройства электрических сетей в соответствии с обязательными требованиями и совершение которых может

осуществляться с учетом особенностей, установленных пунктом 11 статьи 8 этого закона; под территориальной сетевой организацией – коммерческую организацию, которая оказывает услуги по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства, не относящихся к единой национальной (общероссийской) электрической сети, а в случаях, установленных этим законом, – с использованием объектов электросетевого хозяйства или части указанных объектов, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, и которая соответствует утвержденным Правительством Российской Федерации критериям отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям (статья 3) [4].

Действующим законодательством, регулирующим правоотношения в электроэнергетике, закреплена возможность заключения на рынке электроэнергии различных договорных конструкций: договора купли-продажи электроэнергии, договора поставки электроэнергии, договора энергоснабжения, договора оказания услуг по передаче электрической энергии, смешанных договоров и др. Проявляется тенденция к расширению круга используемых в исследуемой сфере договоров.

Предмет договора по реализации электрической энергии включает в себя два рода объектов: действия сторон по подаче энергии, её принятию и оплате, а также собственно энергию как специфический товар. Специфика предмета такого договора и его отличия от предмета обязательств, вытекающих из иных видов договоров купли-продажи, состоит в том, что передача электроэнергии (как товара) осуществляется путём её подачи через присоединённую сеть на энергоустановку конкретного потребителя. Также на потребителя возложены особые обязанности ввиду специфичности энергии как товара, а именно: обеспечение соблюдения режима её потребления, безопасность эксплуатации энергетических сетей и исправность приборов и оборудования. Энергоснабжающая организация наделена правами в области контроля за техническим состоянием энергоустановки потребителя, его приборов и оборудования.

Предметом рассматриваемого договора энергоснабжения выступает энергия, обладающая специфическими свойствами, а именно:

- хранить и накапливать её не представляется возможным;
- невозможность её возвращения при передаче;
- невозможность обнаружения её в отличие от вещи;
- непрерывность процесса производства, связанного с её транспортировкой и конечным потреблением.

Из общих положений о купле-продаже к договору энергоснабжения неприменима в полной мере норма, согласно которой покупатель обязуется принять товар. По договору энергоснабжения обязанность энергоснабжающей организации заключается не в том, чтобы «передать товар в собственность другой стороне», а в предоставлении абоненту возможности получать (использовать) энергию из сети снабжающей организации в обусловленных договором пределах. Абонент, если его потребление не лимитировано, вправе получить из сети столько, сколько ему необходимо для обеспечения своих производственных и иных нужд.

В соответствии с подзаконным актом Российской Федерации [3] электрическая энергия (мощность) реализуется на розничных рынках на основании договора энергоснабжения и договора купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности).

Так, по договору энергоснабжения поставщик обязуется осуществлять продажу электроэнергии, а также самостоятельно или через привлечённых третьих лиц оказывать услуги по передаче электроэнергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки, а покупатель обязуется оплачивать эту энергию и оказанные услуги. Также в обязанности поставщика входит заключение в интересах потребителя договора об оказании услуг по передаче электроэнергии с

сетевой организацией. Поставщик несёт перед покупателем ответственность за неисполнение/ненадлежащее исполнение обязательств по договору, в том числе за действия сетевой организации, привлечённой для оказания услуг по передаче электроэнергии, а также других лиц, участвующих в оказании услуг, которые являются неотъемлемой частью процесса поставки электроэнергии [3].

В свою очередь, по договору купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности) поставщик обязуется осуществлять продажу электроэнергии, а покупатель обязуется её принимать и оплачивать. Исполнение обязательств поставщиком по такому договору осуществляется не ранее заключения покупателем договора оказания услуг по передаче электроэнергии в отношении энергопринимающего устройства. Поставщик несёт перед покупателем ответственность за неисполнение/ненадлежащее исполнение обязательств по договору, в том числе за действия лиц, привлечённых им для оказания услуг, которые являются неотъемлемой частью процесса поставки электроэнергии потребителям. За неоказание/ненадлежащее оказание услуг по передаче электроэнергии ответственность перед покупателем несёт оказывающая такие услуги сетевая организация.

Надо сказать, что, хотя эти виды договоров на первый взгляд похожи, между ними есть очень важные, большие отличия по закону. Главное отличие тут — кто несёт ответственность перед тем, кто получает свет. В модели энергоснабжения всё проще: одна компания отвечает за всё, что связано с поставкой света. Она как одно окно для всех проблем, связанных с качеством и тем, чтобы свет не пропадал. Она отвечает за то, чтобы энергия пришла к вам без перебоев, и за то, чтобы свет был хорошим [3; 7]. В случае обычной купли-продажи всё сложнее: за саму энергию отвечает продавец, а за то, как она дойдёт до вашего дома, отвечает организация, которая владеет сетями. Из-за этого деления, если из-за проблем с током ломается вещь или что-то случилось, спорить о том, кто виноват, сложнее [3].

Кроме того, важно внимательно смотреть, на чём строится договор. Закон требует, чтобы в договоре о поставке света были нужные пункты, без них нельзя считать договор настоящим [1, ст. 432; 8]. Самое главное в договоре — это что именно продают. Но сказать просто «электричество» — мало. Электричество нельзя потрогать или посчитать просто так, его нельзя увидеть. Поэтому в договоре пишут, сколько света подадут, а также какого он должен быть качества. Обычно указывают, сколько киловатт-часов нужно в месяц. Кроме того, есть правила — каким должно быть напряжение, какая должна быть частота тока. Есть специальные правила и законы для этого, чтобы всё работало правильно [3].

Ещё один важный пункт — когда и как можно тратить энергию. Тут договариваются, когда будет идти свет, сколько его можно потратить, особенно в часы, когда все включают приборы. Для заводов или больниц могут быть свои правила, чтобы им свет не отключали просто так, даже ночью. Если нарушать эти условия, для потребителя могут применяться штрафы, а ещё могут ограничить подачу света [3, п. 14; 7]. Очень важно, чтобы в договоре была цена и порядок оплаты, потому что цены на электричество контролируются государством. Платить надо по тем ставкам, что устанавливает город или область, и смотреть на свой тарифный план [3; 8].

Безопасность и правильное состояние всех сетей — тоже главный момент. Владелец дома должен следить, чтобы приборы учёта работали и чтобы всё оборудование в доме было в порядке. Нужно соблюдать правила по пожарной безопасности. В договоре чётко пишут, где чья зона ответственности, кто за что отвечает: за провода, за счётчик, за что ещё. Если всё это не записать, договор не будет считаться заключённым, ведь тогда будет непонятно, кто что должен делать [1, ст. 539; 7]. Только когда все эти моменты в порядке, договор работает правильно.

Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным техническим требованиям энергопринимающего устройства, присоединённого к сетям

энергоснабжающей организации, и другого необходимого оборудования, а также при обеспечении учёта потребления энергии.

Договор энергоснабжения является двусторонним, консенсуальным и возмездным. Он также относится к публичным договорам в соответствии со ст. 426 ГК [1].

Таким образом, договор электроснабжения — это договор купли-продажи, предмет договора — электрическая энергия. Понятие предмета договора не указывается в законе об электроэнергетике. Считаем, что определение понятия энергии позволит точно определить предмет договора энергоснабжения. Электрическая энергия (мощность) реализуется на розничных рынках на основании договора энергоснабжения и договора купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности). Существенными условиями договора энергоснабжения являются: предмет договора, количество и качество энергии, режим потребления энергии, цена, а также условия по обеспечению содержания и безопасной эксплуатации сетей, приборов и оборудования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 30.11.2009, № 48, ст. 5711.
3. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 // Собрание законодательства РФ, 16.09.2012, № 38, ст. 5639.
4. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № АПЛ22-551 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).
5. Коряковцева В. А. Электрическая энергия как объект энергетического рынка // Молодой ученый. – 2024. – № 21. – С. 506.
6. Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. А. Свирков. – Москва, 2019. – С. 3.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — 4-е изд. — М.: Статут, 2021. — С. 487–495
8. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Обязательственное право. — 4-е изд. — М.: Статут, 2022. — С. 312–318.

Перов Д.А.

магистрант

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Perov D.A.

Master's Student

Far Eastern State Transport University

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ПОСТАВКЕ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ ПОТРЕБИТЕЛЯМ

Аннотация. В рамках статьи проводится анализ судебной практики по спорам между потребителями и энергоснабжающими организациями, рассмотрены ситуации, в которых в виду неопределённости законодательства были существенно нарушены права потребителя.

Ключевые слова: абонент, энергоснабжающая организация, договор энергоснабжения, индивидуальные приборы учета, лицевой счет

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF RESOLVING DISPUTES REGARDING ENERGY SUPPLY TO CONSUMERS

Abstract. This article analyzes judicial practice regarding disputes between consumers and energy supply organizations, examining situations in which consumer rights were significantly violated due to legislative uncertainty.

Keywords: subscriber, energy supply organization, energy supply agreement, individual metering devices, personal account

В гражданском обороте электрическая энергия, тепловая энергия, газ, вода (услуги водоотведения) являются объектами гражданских прав, и к порядку их обращения применяются общие положения обязательственного и частного права. В то же время указанные правоотношения в силу их исключительной жизненной важности для широкого круга потребителей и населения регулируются нормами публичного права, которые учитывают их особенности и социальную значимость (тарифное регулирование, отдельные правила оказания коммунальных услуг).

Однако в некоторых ситуациях наблюдается недостаточность публичного регулирования. Рассмотрим две ситуации, в которых на первый взгляд законные действия энергоснабжающей организации привели к ограничению конституционного права абонента на распоряжение частной собственностью.

При переходе права собственности на жилое помещение публично-правовое регулирование далеко не всегда обеспечивает надежную защиту добросовестных плательщиков коммунальных услуг, и эта уязвимость проявляется особенно остро, когда лицевой счет сохраняет сведения о задолженности, накопленной предшествующим владельцем, а ресурсоснабжающая организация требует погашения долга уже от покупателя. Судебные акты 2024–2025 годов отражают два противоположных подхода к подобным спорам. Одни суды поддерживают ресурсоснабжающие организации, связывая долг с объектом недвижимости. Другие инстанции встают на сторону приобретателя, указывая, что чужие обязательства не переходят автоматически вместе с правом собственности. Конкретные судебные дела наглядно демонстрируют этот конфликт.

Гражданка Таштимерова Э.Н. предъявила иск к ООО «Белорецкие тепловые сети» после того, как в ежемесячных квитанциях за теплоснабжение ей стали начислять задолженность свыше 620 тысяч рублей, хотя она приобрела квартиру по договору купли-продажи в марте 2021 года и с тех пор исправно оплачивала коммунальные услуги. Этот долг образовался еще при прежних собственниках (май 2024 г.) [1].

Обзор судебной практики Первого кассационного суда общей юрисдикции за 2025 год показывает, что подобные дела встречаются повсеместно, а ресурсоснабжающие организации нередко намеренно избегают разделения лицевого счета при смене собственника. Новый владелец обычно платежеспособен и стремится избежать сложностей при последующей продаже объекта, поэтому взыскание с него оказывается значительно проще. Особенно ярко эта тенденция проявляется при покупке имущества на публичных торгах (в частности, у ФССП), где новые собственники, рассчитывая на скорую перепродажу с прибылью, часто готовы погасить накопившуюся задолженность ради снятия обременения с лицевого счета. Складывается порочный круг, и энергоснабжающие компании утрачивают стимул вести претензионную работу с фактическими должниками.

Ресурсоснабжающая организация в качестве ответчика оспаривала иск, указывая, что лицевой счет привязан к объекту недвижимости, а не к конкретному лицу, и подчеркивая отсутствие прямых требований о погашении прежней задолженности к новому собственнику, что, по ее мнению, исключало какое-либо нарушение его прав. Первая инстанция поддержала истца, однако апелляционный суд отменил это решение. Апелляция опиралась на два основания: лицевой счет закреплен за помещением вне зависимости от смены владельца, а само по себе отражение задолженности в платежном документе прав нового собственника не затрагивает.

При детальном рассмотрении оба аргумента апелляции вызывают серьезные сомнения. Тезис о привязке счета к помещению формально верен, однако он упускает из виду существенный момент: обязательство по оплате коммунальных услуг носит личный характер и не переходит к приобретателю недвижимости в силу закона. Суд, по сути, смешал учетный инструмент (лицевой счет) с материально-правовым обязательством, допустив тем самым логическую ошибку в рассуждениях. Второй аргумент выглядит еще более уязвимым: систематическое включение чужого долга в платежные документы создает для нового собственника вполне реальные неудобства, вынуждая его постоянно разграничивать собственные обязательства и претензии к предшественнику, порождая риск ограничения услуг или начисления пеней на общую сумму. Утверждение об отсутствии нарушения прав при подобных обстоятельствах представляется чрезмерно формальным и оторванным от практических последствий для добросовестного приобретателя.

Логика апелляционной инстанции вызывает серьезные сомнения, поскольку тезис об отсутствии нарушения прав не согласуется с правовой реальностью: многотысячная задолженность в платежном документе фактически лишает собственника возможности свободно распоряжаться жильем, хотя формальное взыскание не производится. Потенциальные покупатели, обнаружив подобную сумму в квитанции, отказываются приобретать недвижимость. Право частной собственности, гарантированное статьей 35 Конституции РФ (включая правомочие распоряжения), оказывается ущемленным. Ресурсоснабжающие организации при подобном подходе получают почву для злоупотреблений, ведь вместо того чтобы взыскивать долги с прежнего собственника, они предпочитают «молчаливо» перекладывать их на нового добросовестного владельца.

Кассационная инстанция отменила апелляционное определение, сославшись на пункт 69 Правил № 354, который обязывает исполнителя коммунальных услуг формировать платежный документ для каждого потребителя отдельно и адресовать его лицу, выступающему собственником помещения в

конкретном расчетном периоде [2]. Суд указал, что включать в квитанцию нового владельца долги, образовавшиеся до перехода прав на объект, неправомерно.

Суды стабильно защищают интересы добросовестных приобретателей недвижимости в подобных спорах. Решения арбитражных судов за последние годы показывают, что управляющие компании нередко пренебрегают нормами жилищного законодательства и перекладывают финансовое бремя прежних собственников на новых владельцев. Такие нарушения фиксируются преимущественно в сегменте вторичного жилья, где собственники сменяются без надлежащей сверки лицевых счетов. Региональные суды общей юрисдикции обычно встают на сторону граждан, оспаривающих необоснованные начисления, однако до кассации доходит лишь незначительная доля подобных дел. Многие потребители предпочитают урегулировать конфликт в досудебном порядке либо вовсе отказываются защищать свои права, столкнувшись с бюрократическими препятствиями и затяжными процедурами обжалования.

Анализ иных судебных дел показывает, что рассмотренное кассационное решение скорее исключение из сложившейся практики, поскольку Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 18.07.2025 № 8Г-18473/2025 занял противоположную позицию и поддержал ресурсоснабжающую организацию [3], а Индустриальный районный суд г. Хабаровска при рассмотрении дела № 2-4105/2024 тоже отказал в защите прав нового собственника [4]. Единообразное толкование п. 69 Правил № 354 так и не сформировалось. Исход спора для конкретного истца во многом зависит от того, в какой кассационный округ поступит его жалоба.

Приведенные выше аргументы обосновывают изменения в Постановление Правительства РФ № 354. Ресурсоснабжающая организация должна открывать отдельный лицевой счет для каждого нового собственника при смене правообладателя недвижимости, за исключением случаев, когда обязательства прежних владельцев переходят к приобретателю в силу закона (например, при универсальном правопреемстве). Добросовестные плательщики получают надежную защиту, а энергосбытовые компании утратят возможность злоупотреблять своим положением.

Правила № 354 стоит дополнить положением, которое обяжет исполнителя коммунальных услуг после получения выписки из ЕГРН, фиксирующей переход права собственности, в десятидневный срок уведомлять нового владельца о наличии или отсутствии задолженности по объекту. Гражданин тогда незамедлительно оценит риски, связанные с приобретенным имуществом, и при обнаружении неправомерных требований сможет их оспорить.

Таким образом, необходимо прямо прописать в Постановлении № 354 обязанность энергоснабжающей организации открывать новые лицевые счета при переходе права собственности на недвижимое имущество, за исключением случаев, когда долги предыдущих собственников переходят по закону. Указанная мера позволит унифицировать судебную практику, исключить злоупотребления со стороны ресурсоснабжающих организаций и обеспечить реальную защиту конституционного права граждан на распоряжение своим имуществом.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.02.2025 № 8Г-859/2025 [88-2513/2025]. – Режим доступа: <https://arbitr.garant.ru/#/document/345115702/paragraph/1:0> (дата обращения: 06.05.2026).

2. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 01.05.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168.

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2025 № 8Г-18473/2025 [88-19114/2025]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3T53YQ> (дата обращения: 06.05.2026).

4. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска по делу № 2-4105/2024. – Режим доступа: https://industrialny--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=41051740 (дата обращения: 06.05.2026).

Поздеева В.С.

студент

ФГБОУ «Оренбургский государственный педагогический университет»

Pozdeeva V.S.

Student

Orenburg State Pedagogical University

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТОВ

Аннотация. В статье рассматривается одна из главных проблем современного образования — несоответствие компетенций выпускников вузов требованиям рынка труда. На основе ретроспективного анализа работ отечественных исследователей систематизированы основные проявления дефицитов: недостаток актуальных профессиональных компетенций (hard skills), несформированность критически важных надпрофессиональных навыков (soft skills) и отсутствие практической готовности к решению реальных производственных задач. Особое внимание уделяется анализу ключевых факторов, порождающих эти дефициты: институциональный разрыв, диспропорции в подготовке кадров и отсутствие эффективных механизмов опережающего прогнозирования кадровых потребностей. Актуальность изучения профессиональных дефицитов обусловлена некоторыми факторами, такими как повышение спроса на новые профессии и изменение характера профессий из-за глобализации и автоматизации, и не соответствия образовательных программ новым реалиям. В заключении обоснован комплекс взаимосвязанных мер, направленных на преодоление институционального разрыва, через развитие трансформацию образовательных моделей и создание системы мониторинга спроса на компетенции.

Ключевые слова: профессиональные дефициты, рынок труда, компетенции выпускников, институциональный разрыв, безработица, прогнозирование потребностей, высшее образование.

INVESTIGATION OF PROFESSIONAL DEFICITS

Abstract. The article examines one of the main problems of modern education – the mismatch between the competencies of university graduates and the requirements of the labor market. Based on a retrospective analysis of the works of domestic researchers, the main manifestations of deficits are systematized: a lack of up-to-date professional competencies (hard skills), the underdevelopment of critically important supra-professional skills (soft skills), and the absence of practical readiness to solve real production tasks. Special attention is paid to the analysis of key factors generating these deficits: the institutional gap, disproportions in personnel training, and the lack of effective mechanisms for operational forecasting of personnel needs. The relevance of studying professional deficits is due to several factors, such as the increasing demand for new professions and the changing nature of professions due to globalization and automation, and the inconsistency of educational programs with new realities. In conclusion, a set of interconnected measures aimed at overcoming the institutional gap through the development and transformation of educational models and the creation of a system for monitoring demand for competencies is substantiated.

Keywords: professional deficits, labor market, graduate competencies, institutional gap, unemployment, needs forecasting, higher education.

Введение

Динамика современных социально-экономических процессов, определяемая цифровизацией, глобальной конкуренцией и геополитической повесткой, кардинально меняет требования к качеству и структуре человеческого капитала. Однако в России наблюдается устойчивый и воспроизводимый дисбаланс: система высшего образования ежегодно выпускает сотни тысяч дипломированных специалистов, в то время как бизнес и государство сталкиваются с острым дефицитом квалифицированных кадров, соответствующих реальным производственным задачам [1,8]. Этот парадокс является прямым следствием накопленных профессиональных дефицитов – устойчивого разрыва между предлагаемыми и требуемыми на рынке труда компетенциями.

Исследование профессиональных дефицитов выходит за рамки анализа текущей конъюнктуры рынка труда. Оно затрагивает фундаментальные вопросы эффективности институтов образования, согласованности государственной экономической и образовательной политики, а также механизмов формирования будущего трудового потенциала страны в условиях санкционного давления и курса на технологический суверенитет. В частности, обострение проблемы дефицита профессиональных кадров после широкомасштабного применения различных ограничительных мер, поставивших Россию перед необходимостью восстановления и развития большого количества производств, необходимых для импортозамещения и развития на этой основе отечественной экономики [4]. Актуальность темы подтверждается её постоянным присутствием в научной повестке, путем освещения темы. В этом помогает убедиться предоставленный библиографический список.

Цель исследования – на основе синтеза современных научных подходов провести комплексный анализ, а также классифицировать основные типы и факторы формирования профессиональных дефицитов. Сформулировать возможные пути минимизации дефицитов через трансформацию подходов к подготовке кадров.

Методология исследования. Методологической основой работы выступил системный подход, позволивший рассмотреть профессиональные дефициты как многоаспектное явление. В процессе исследования применялись методы теоретического анализа и синтеза научной литературы, сравнительного и структурно-функционального анализа. Эмпирическую базу составили монографии, научные статьи и диссертационные исследования, посвящённые проблемам высшего образования, рынка труда и кадрового прогнозирования.

Факторы формирования профессиональных дефицитов

Неучёт сложности институциональных систем ведет неоспоримо к разрыву между образованием и работодателем. Вузы функционируют в рамках собственной логики, ориентированной на выполнение формальных показателей (контрольные цифры приёма, показатели публикационной активности), а не на конечный результат в виде успешного трудоустроенного специалиста. Система независимой оценки качества образования, которая могла бы выступать корректором, остаётся слаборазвитой и не оказывает существенного влияния на содержание подготовки [10]. Процессы массовизации и коммерциализации высшего образования привели к гипертрофированному развитию направлений подготовки, пользующихся спросом у абитуриентов (часто в области экономики, менеджмента, юриспруденции), в ущерб необходимым для реального сектора инженерно-техническим и естественно-научным специальностям [5, 10]. Это создаёт парадоксальную ситуацию перепроизводства дипломированных, но невостребованных кадров на фоне кадрового голода в стратегических отраслях [3].

Одним из факторов в частности выделяют – слабость механизмов интеграции с работодателями. Несмотря на декларируемую важность партнерства, большинство форм взаимодействия (производственная практика, базовые кафедры) носят формальный или эпизодический характер. Работодатели слабо вовлечены в разработку образовательных стандартов, оценку качества подготовки и

непосредственный учебный процесс [3, 11]. Нет эффективной системы независимой сертификации компетенций, которая могла бы стать объективным мостом между вузом и компанией. Наряду с Кризисом кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава (ППС), возникает проблема в подготовке специалистов современными квалифицированными преподавателями. В частности, наблюдается старение ППС, его оторванность от практики, особенно в регионах, и низкая привлекательность педагогической карьеры для молодых ученых и успешных практиков из бизнеса [7]. Это приводит к тому, что знания, передаваемые студентам, теряют свою актуальность, застревая без развития в прошлых методах.

В Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. отмечается, что нехватка кадров становится ключевым барьером на пути экономического развития России и реализации всех государственных задач. По оценке Банка России, по итогам января–марта 2024 года обеспеченность кадрами российских компаний достигла минимума с 1998 года. Что в свою очередь, несомненно, негативно сказывается на рынке труда.

Уровни профессиональных дефицитов выпускников

Дефицит актуальных профессиональных (технических) знаний и умений (Hard Skills). Это наиболее очевидный вид дефицита, на который чаще всего ссылаются работодатели. Он заключается в том, что выпускник, имея диплом по специальности, не владеет конкретными технологиями, стандартами, программными продуктами или методиками, которые являются стандартом в данной отрасли [6].

Причинами выделяют:

1. Устаревание учебных программ. Скорость обновления контента в вузах не поспевает за скоростью технологических изменений в реальном секторе, особенно в IT, инженерии, фармацевтике [2].

2. Отрыв теории от практики. Преобладание фундаментальной теоретической подготовки при недостатке практических, проектных занятий, моделирующих реальные профессиональные ситуации [5].

3. Неадекватная материально-техническая база. Оборудование учебных лабораторий и мастерских зачастую не соответствует современному производственному парку, что делает практические навыки, полученные в вузе, нерелевантными [9].

4. Дефицит надпрофессиональных компетенций (Soft Skills). Данный тип дефицита признается одной из самых острых проблем. Речь идет о несформированности навыков, которые не являются сугубо профессиональными, но критически важны для эффективной работы в любой сфере [12]. К ним относятся: Коммуникативные навыки, в частности неумение четко излагать мысли, вести переговоры, работать в команде, разрешать конфликты. Когнитивные навыки: слабое критическое и системное мышление, неспособность к анализу информации и самостоятельному принятию решений в условиях неопределенности. Самоорганизация и управление: отсутствие навыков тайм-менеджмента, планирования личной эффективности, проектного управления. Клиентоориентированность и предпринимательское мышление: непонимание логики бизнес-процессов, ориентации на потребителя [7]. Эти дефициты напрямую связаны с академической культурой, которая часто поощряет пассивное усвоение знаний, а не активную проектную деятельность [12]. Повышение качества образования напрямую зависит от организации учебного процесса и является источниками обеспечения высокого и стабильного роста и модернизации общества [11].

Учитывая то, что, выпускник оказывается не готов к организационному контексту работы: корпоративной культуре, субординации, рабочему ритму, необходимости многозадачности. Выдвывая нехватку практического опыта и адаптационного ресурса. Этот дефицит усугубляется формальным характером многих производственных практик, которые не обеспечивают реального погружения в профессиональную среду и не выполняют своей интегративной функции.

Таким образом, выясняется, что профессиональные дефициты порождают следующую цепную реакцию негативных последствий:

На уровне предприятия – рост издержек на поиск и дообучение персонала, снижение производительности, замедление внедрения инноваций.

На уровне выпускника – проблемы с трудоустройством по специальности, снижение зарплаток, профессиональная нереализованность [11].

На макроэкономическом уровне – усиление структурной безработицы, снижение инновационного потенциала и темпов роста ВВП, возникновение рисков для реализации национальных проектов и обеспечения технологического суверенитета [4].

Заключение

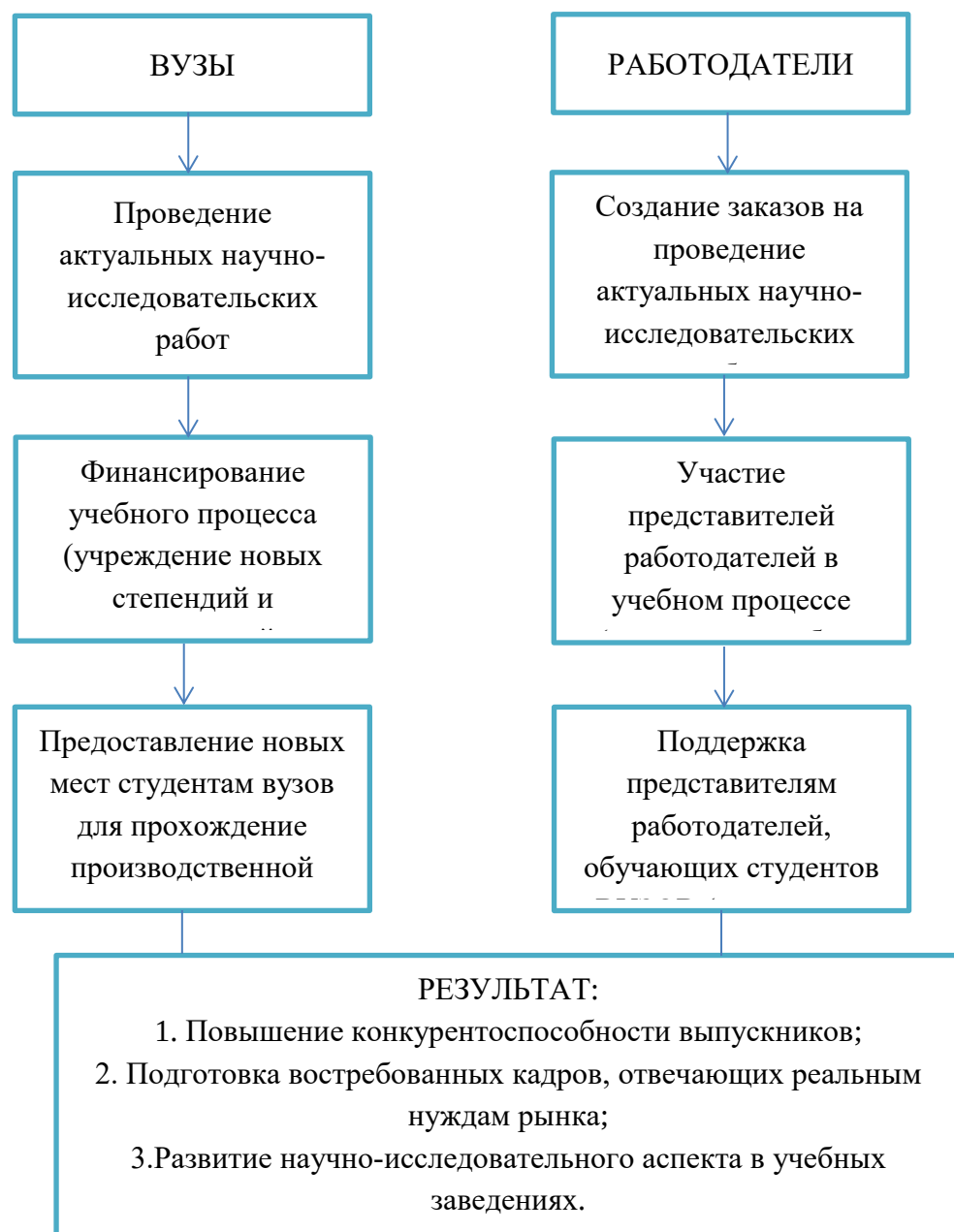
Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать сущностные характеристики профессиональных дефицитов как устойчивого системного явления в российской социально-экономической реальности. Установлено, что проблема не сводится к временной конъюнктурной несбалансированности, а является следствием глубокого институционального разрыва между логикой функционирования системы высшего образования и динамичными потребностями рынка труда.

Опираясь на идею профессора Генри Ицковица и его модель «тройной спирали», необходимо усилить взаимодействие «наука – вуз – производство» для решения вопроса, касательно создания модели взаимодействий работодателей и системы образования, являющейся необходимым условием сбалансированности рынка труда. [8]

Предлагаемая модель партнерства на рисунке 1, обеспечит повышение эффективности взаимодействия работодателей и системы образования путём снижения уровня структурной безработицы. Прогнозируемым результатом данного партнерства является: подготовка востребованных кадров, отвечающих реальным нуждам рынка; уменьшение разрыва между дефицитом профессиональных навыков и кадровым голодом в отраслях.

Помимо модели, для решения выявленных проблем предлагается осуществить и комплекс мер, направленных на трансформацию взаимодействия между государством, образованием и бизнесом. Стратегическими направлениями должны стать:

1. Создание прямых и ответственных институтов интеграции (отраслевые заказы, профессионально-общественная аккредитация).
2. Переход к гибким, практико-ориентированным образовательным моделям (дуальное обучение, проектные форматы).
3. Разработка и внедрение национальной системы стратегического прогнозирования спроса на компетенции.
4. Реализация адресных мер по стимулированию притока талантов в педагогику и инженерно-технические сферы.

Таким образом, минимизация профессиональных дефицитов является не просто задачей повышения эффективности трудоустройства выпускников, а ключевым условием формирования адекватного человеческого капитала для обеспечения устойчивого развития и экономической безопасности России в XXI веке.

Литература:

1. Астахов А. На российском рынке труда наблюдается дефицит кадров А. Астахов // БФМ.РУ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://www.bfm.ru/amp/news/516436> (Дата обращения: 27.03.2026).

2. Барков С.А. Высшее образование: непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда / С.А. Барков, В.И. Зубков // ЭКО 2022. № 4. С 15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-nepreodolimyy-institutsionalnyy-razryv-s-rynkom-truda/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

3. Блинова Т. Н., Федотов А. В., Коваленко А. А. Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием потребностям экономики: проблеме мы и решения // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С 13. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sootvetstvie-struktury-podgotovki-kadrov-s-vysshim-obrazovaniem-potrebnostyam-ekonomiki-problemy-i-resheniya/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

4. Блинова Т. Н., Коваленко А. А., Семионова Е. А., Федотов А. В., Шевцов Е. С. Кадры технологического суверенитета России – прежние проблемы и назревшие решения // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 4. С. 40. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadry-tehnologicheskogo-suvereniteta-rossii-prezhnie-problemy-i-nazrevshie-resheniya/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

5. Бровкин А.В. Проблемы современной российской системы высшего образования и пути их решения в интересах всех участников образовательного процесса: Часть 1 / А.В. Бровкин // Современное образование №1. 2018. С. 5-6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-rossiyskoy-sistemy-vysshego-obrazovaniya-i-puti-ih-resheniya-v-interesah-vseh-uchastnikov-obrazovatel'nogo/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

6. Волошина И. А., Перова И. Т. Оценка обеспеченности профессиональными кадрами предприятий в условиях необходимости адаптации к новым экономическим реалиям (на примере фармацевтической промышленности, телекоммуникаций и радиотехники, промышленной электроники и приборостроения, железнодорожного транспорта) // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 6. С. 519-521. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://avse-journal.ru/Editions#> (Дата обращения: 27.03.2026).

7. Дружинина, Е. С. Повышение эффективности трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук: специальность 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (Экономика народонаселения и экономика труда)» / Дружинина Елена Сергеевна; науч. руководитель В. Д. Рожков; Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений». — Москва, 2024. С.60-61.

8. Ицковиц Г. Модель тройной спирали / Г. Ицковиц // Инновации. № 4 (150). 2011. С. 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-troynoy-spirali/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

9. Колесникова О.А. Коммерциализация высшего и среднего профессионального образования в России с позиции подготовки рабочей силы / О.А. Колесникова, Е.В. Маслова, И.В. Околелых // Социально-трудовые исследования №1. 2023. С. 74. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommertsializatsiya-vysshego-i-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-v-rossii-s-pozitsii-podgotovki-rabochey-sily> (Дата обращения: 27.03.2026).

10. Рубин Ю.Б. Независимость оценки качества высшего образования: критерии, принципы, реалии / Ю.Б. Рубин, Э.Ю. Соболева // Высшее образование в России №3 Т.30. 2021 С. 9-12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-otsenki-kachestva-vysshego-obrazovaniya-kriterii-printsipy-realii/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

11. Тодис Л.М. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения / Л.М. Тодис, Т.В. Виноградова, А.С. Андроничева // Современное педагогическое образование. №4 2023. С. 79. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

12. Попов Е.А. Академическая культура студентов в оценках профессоров классических университетов / Е.А. Попов // Высшее образование в России. №3 2023. С. 106. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-kultura-studentov-v-otsenkah-professorov-klassicheskikh-universitetov/viewer> (Дата обращения: 27.03.2026).

Зейналлы Ф.Я.

студент

юридический факультет

Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

e-mail: fzeynally-23@ranepa.ru

Винниченко А.С.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

Zeynally F.Ya.

Student

Faculty of Law

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Vinnichenko A.S.

Candidate of Law

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Science

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ИННОВАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу современных инновационных направлений развития криминалистики, обусловленных цифровыми трансформациями общества и появлением новых видов преступлений. В данной статье рассматривается трансформация традиционных криминалистических доктрин под влиянием внедрения высокотехнологических средств.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые следы, искусственный интеллект, криминалистическая техника, методика расследования преступлений.

INNOVATIONS IN CRIMINALISTICS

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern innovative trends in the development of criminalistics, which are caused by the digital transformations of society and the emergence of new types of crimes. This article examines the transformation of traditional criminalistic doctrines under the influence of the introduction of high-tech means.

Keywords: forensic science, digital traces, artificial intelligence, forensic techniques, and crime investigation methods.

Распространение технологий и цифровизация общественных отношений обязывают правоохранительную систему обеспечивать неукоснительное соблюдение законодательства и реальную неотвратимость ответственности. Данные цели достижимы лишь при условии технологической

модернизации криминалистики: внедрение инновационных инструментов, автоматизация расследования и повышение его эффективности становятся императивом для раскрытия уголовных правонарушений любой сложности.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности. Преступность, как социальный феномен, также адаптируется к новым технологическим условиям, порождая новые виды противоправных деяний от киберпреступлений до использования искусственного интеллекта в преступных целях. В этих условиях перед криминалистикой, призванной обеспечивать правоохранительные органы эффективными средствами и методами раскрытия преступлений, остро встает вопрос о внедрении инноваций.

Содержательная природа понятия «инновация» восходит к экономико-технологической сфере. В научный оборот термин ввел Й. Шумпетер, трактовавший его в труде «Теория экономического развития» как коммерциализацию любых новых комбинаций в производственной динамике. Автор выделил пять оснований таких изменений: 1) создание новых товаров и услуг; 2) освоение новых материалов и источников сырья; 3) внедрение новых методов производства; 4) открытие новых рынков сбыта; 5) введение новых организационных форм. Шумпетер подчеркивал, что появление «новых комбинаций» охватывает также область потребления, транспортные средства и организационные структуры промышленности в целом. [5]

Инновации в криминалистике представляют собой не просто технические новшества, а комплексные изменения в системе научного знания, технических средств, тактических приемов и методик расследования, обусловленные достижениями науки и техники. Как справедливо отмечал Р.С. Белкин, криминалистика всегда была «наукой, чутко реагирующей на достижения научно-технического прогресса» [1].

Беспрецедентное ускорение технологического развития требует переосмысления подходов к использованию инноваций в правоприменительной деятельности, поскольку нарастает несоответствие между появляющимися техническими возможностями и их реализацией в работе следственных подразделений. Открытость к технологическому переоснащению характерна в первую очередь для криминалистики отрасль ориентирована на познание постоянно эволюционирующих способов преступной деятельности, механизмов сокрытия следов и алгоритмов доказывания.

Следует признать, что еще некоторое время назад именно технологическая ограниченность инструментария закономерно препятствовала снижению количества преступлений, остававшихся без должного процессуального разрешения. [2].

Необходимость совершенствования данной сферы обусловлена объективными факторами: появлением новых способов преступной деятельности и их сокрытия, а также изменением криминальной личности. Существенную роль в повышении эффективности раскрытия преступлений сыграли инновационные методы геномной идентификации. На первоначальном этапе внедрения ДНК-анализа требования к объему биологического материала были жесткими - диаметр исследуемого образца должен был составлять не менее 25 мм, а сам анализ выполнялся методом электрофореза. Современные достижения молекулярной генетики позволили снизить порог обнаружения до микроскопических величин: объектом исследования теперь могут выступать единичные клетки эпидермиса, оставленные при контакте. Кроме того, расширение баз данных в связи с распространенностью генетического тестирования существенно упростило поиск как самих подозреваемых, так и их родственников [2].

Н. Б. Нечаева предлагает разделять криминалистические инновации на два вида: «В одном случае формируется совершенно новая инновационная стратегия, политика, новые подходы, в другом случае коренным образом реформируются существующие процессы, методики, происходит автоматизация отдельных операций и т. п.» [4].

Рассмотрение криминалистических инноваций сквозь призму структуры самой науки позволяет разграничить их по трем направлениям: техническому, тактическому и методическому. Особого внимания в контексте технических нововведений заслуживает виртопсия виртуальное вскрытие, выступающее альтернативой традиционной аутопсии. Метод обеспечивает изучение состояния внутренних органов без инвазивного вмешательства и основывается на посмертном КТ- или МРТ-сканировании всего тела, исключая использование контрастных препаратов. Процедура занимает не более получаса, благодаря чему достигается значительная экономия рабочего времени судебно-медицинского эксперта.

Виртопсия обеспечивает более точное отображение инородных включений в теле. В то же время практическую реализацию метода ограничивают высокая стоимость, организационно-логистические трудности и потребность в специальном обучении сотрудников [5]. Достижения биометрии широко востребованы в правоохранительной деятельности. Данная научно-прикладная область охватывает процессы сбора, хранения и обработки данных о физиологических и поведенческих свойствах, необходимых для верификации личности и расследования преступлений. Следственная практика опирается на такие виды биометрических технологий, как:

- идентификация по лицу;
- идентификация по отпечаткам пальцев;
- идентификация по голосу [4].

Наряду с оперативностью, надежностью и эффективностью биометрических технологий их криминалистическое применение ограничивается потребностью в базах данных, этическими проблемами и соображениями приватности. Для последующего внедрения биометрии необходимо введение новых организационных, правовых и технических регламентов. Отрасль динамична и расширяет границы своего применения.

Одним из перспективных инновационных направлений в криминалистике выступает использование трехмерных технологий. Осмотр места происшествия, с которого стартует расследование любого преступления, предполагает фиксацию в протоколе всех обнаруженных деталей.

Использование 3D-сканирования позволяет существенно сократить временные затраты на данную процедуру. Указанная технология дает возможность с высокой степенью точности моделировать пространственное расположение объектов и элементов обстановки, фиксируя не только расстояние, но и также объемы и площади, что обеспечивает присвоение каждому вещественному доказательству индивидуальных координат [5].

Современная криминалистическая наука характеризуется активным использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ), направленных на автоматизированную обработку гетерогенных данных и реконструкцию события преступления. Применение нейро сетевых алгоритмов позволяет в значительной степени оптимизировать анализ потокового видео, осуществлять биометрическую идентификацию по чертам лица, а также проводить семантический и корреляционный анализ информационных следов в социальных сетях. Способность вычислительных моделей к обработке большого объема несистематизированных данных обеспечивает ускорение темпов расследования и более точный прогноз изменений криминогенной ситуации [6].

Высокая производительность нейросетей и технологий искусственного интеллекта позволяет в кратчайшие сроки обрабатывать значительные массивы данных, выполняя аналитическую работу, которая у человека заняла бы часы или дни. Это кардинально ускоряет следственный процесс, минимизируя временные потери на бумажную работу и позволяя следственно-оперативной группе оперативно приступить к розыску преступника.

По мере распространения технологий и повышения их доступности вопросы кибербезопасности и защиты цифровых данных приобретают в криминалистике первостепенное значение. Обеспечение безопасности персональных данных, реализуемое совокупностью технических и организационно-правовых мер, выступает необходимым условием предупреждения преступных посягательств на личность, а также гарантирует конфиденциальность и целостность информационных массивов. Использование научных методов ускоряет процесс раскрытия преступлений и повышает его точность. Методы, еще два десятилетия назад относившиеся к области научной фантастики, в настоящее время вошли в криминалистическую практику. При этом сфера приложения подобных решений выходит за рамки криминалистической деятельности: так, трехмерное моделирование лица на основе ДНК-анализа позволяет реконструировать облик исторических личностей, а применение флуоресцирующего свинца обеспечивает его оперативное обнаружение в объектах окружающей среды.

Для формирования частной методики расследования в качестве ее теоретической основы предлагается использовать информационную модель преступного деяния, базирующуюся на данных о его материальных структурных элементах, описанных (характеризуемых) с точки зрения криминалистической науки.

Использование цифровых технологий и ИИ в криминалистике необходимо, но строго в рамках закона. Внедрение таких технологий нужно осуществлять с учетом защиты прав человека и с обязательным контролем за их применением. Важно, чтобы технологии служили улучшению правосудия, а не становились угрозой для свободы и прав личности. Поэтому необходимо создание четкой и прозрачной правовой базы, которая обеспечит безопасность данных и защиту прав граждан, а также усиление контроля за использованием ИИ в правосудии [7].

Литература:

1. Бабаханова, И. А. Искусственный интеллект в криминалистике / И. А. Бабаханова // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб, 2024. – С. 564-568.
2. Бахтеев, Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта / Д. В. Бахтеев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1 (35). – С. 88-93.
3. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / А. Р. Белкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17793-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559220> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Нечаева Н. Б. Видеонаблюдение как инновационный инструмент субъекта расследования в криминалистическом комплексе // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videonablyudenie-kak-innovatsionnyy-instrumentariy-subekta-rassledovaniya-v-kriminalisticheskom-komplekse> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Скрыпникова, А. В. Применение искусственного интеллекта в криминалистике, возможности и перспективы / А. В. Скрыпникова, А. М. Яковенко // Криминалистика наука без границ: традиции и новации. Материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб, 2024. – С. 839-843.
6. Ткаченко, Д. Г. Совершенствование правового регулирования при внедрении технологии блокчейн для осуществления финансового контроля и надзора / Д. Г. Ткаченко // Трансформация национальной социально-экономической системы России. Материалы II Междунар. науч.- практ. конф. – Москва, 2020. – С. 478-482.
7. Тучков, Я. В. Искусственный интеллект: перспективы использования в криминалистике / Я. В. Тучков // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране

общественного порядка и иных служб ОВД. Материалы вузовской науч.-практ. конф. – Москва, 2022. – С. 75-78.

Пристанская А.В.

магистрант

ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»**Марусенко Т.В.**

доцент кафедры уголовного процесса

ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»**Pristanskaya A.V.**

Master's Student

I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Marusenko T.V.

Associate Professor of the Criminal Procedure Department

I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА И ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуются проблемы разграничения преднамеренного и фиктивного банкротства в уголовном праве Российской Федерации. На основе анализа нормативных положений выявляются критерии квалификации соответствующих деяний. Особое внимание уделяется вопросам установления признаков объективной стороны, направленности умысла и причинно-следственной связи.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, квалификация преступлений, экономические преступления.

DISTINCTION BETWEEN THE ELEMENTS OF INTENTIONAL BANKRUPTCY AND FICTITIOUS BANKRUPTCY: CRIMINAL-LEGAL AND LAW ENFORCEMENT ANALYSIS

Abstract. This article examines the distinction between intentional and fictitious bankruptcy in Russian criminal law. Based on an analysis of regulatory provisions, the criteria for qualifying these acts are identified. Particular attention is paid to establishing the objective elements, the nature of intent, and the causal relationship.

Keywords: intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, qualification of crimes, economic crimes.

Преднамеренное и фиктивное банкротство – это преступления, которые занимают особое место в системе преступлений в сфере экономики. Их специфика обусловлена сложным сочетанием уголовно-правовых и гражданско-правовых элементов, а также необходимостью проведения финансово-экономического анализа. Разграничение преднамеренного и фиктивного банкротства представляет сложность для правоприменителя, что подтверждается неоднородностью судебной практики. Несмотря на формальное различие законодательных конструкций, на практике нередко возникают ситуации конкуренции составов либо ошибки в квалификации.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ и установление различий между составами преднамеренного и фиктивного банкротства.

Для начала рассмотрим понятия преднамеренного и фиктивного банкротства. На основании статьи 196 УК РФ под преднамеренным банкротством понимается совершение действий (бездействия), заведомо

влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя (далее – ИП), в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб [9].

На основании статьи 197 УК РФ под фиктивным банкротством понимается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе ИП, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб [9].

Таким образом, ключевое различие заложено в фактическом финансовом состоянии организации (должника): при преднамеренном банкротстве неплатежеспособность создается искусственно, при фиктивном банкротстве она отсутствует, но заявляется публично.

Далее сопоставим элементы составов преступлений.

Объективная сторона преднамеренного банкротства состоит в осуществлении руководителем или учредителем юридического лица либо ИП деяний, заведомо влекущих неспособность юридического лица или ИП в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Такие деяния направлены на создание неплатежеспособности организации (должника) или на увеличение уже имеющейся неплатежеспособности. К таким действиям можно отнести, например, невзыскание кредиторской задолженности, заключение убыточных сделок, перевод денежных средств организации на счета других компаний, а затем дальнейший их вывод/снятие (эти действия могут происходить через «фирмы однодневки») и др.

То есть, объективная сторона преднамеренного банкротства включает действия, ухудшающие имущественное положение организации (вывод активов, заключение заведомо невыгодных сделок, искусственное увеличение задолженности).

Объективная сторона фиктивного банкротства заключается в заведомо ложном публичном объявлении руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица или ИП о своей несостоятельности. Объявление должно быть ложным, то есть не соответствовать действительности. Лицо, объявившее себя несостоятельным, на самом деле должно быть платежеспособным.

Таким образом, фиктивное банкротство заключается в ложном заявлении о несостоятельности, сопровождаемом созданием видимости кризисного финансового состояния.

Также стоит отметить такой обязательный признак объективной стороны как причинно-следственная связь между совершенным преступлением и наступившими последствиями. Для преднамеренного банкротства – это связь между действиями виновного и наступившей неплатежеспособностью. При фиктивном банкротстве причинно-следственная связь устанавливается между ложным заявлением и причинением ущерба кредиторам (например, предоставлением отсрочек, отказом от взыскания долгов).

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных статьями 195 и 196 УК РФ, является установленный порядок признания должника несостоятельным (банкротом), интересы кредитора.

При расследовании дела по анализируемой статье необходимо проведение бухгалтерской или комплексной экспертизы. Платежеспособность (или неплатежеспособность) предприятия устанавливается на основе анализа финансового состояния предприятия по трем показателям: коэффициент обеспеченности собственными средствами, коэффициент текущей ликвидности и коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности. Коэффициент обеспеченности собственными средствами характеризует наличие собственных оборотных средств у предприятия,

необходимых для его финансовой устойчивости. Коэффициент текущей ликвидности характеризует общую обеспеченность предприятия оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств предприятия. Коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности означает наличие у предприятия реальной возможности восстановить (утратить) свою платежеспособность в течение определенного периода. [3].

Субъективная сторона преднамеренного и фиктивного банкротства характеризуется виной в виде умысла. Однако направленность умысла различна. При преднамеренном банкротстве лицо желает либо сознательно допускает создание реальной неплатежеспособности. При фиктивном банкротстве лицо осознает сохранение платежеспособности и преследует цель введения кредиторов в заблуждение.

Субъектом обоих преступлений является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и обладающее соответствующими полномочиями (в силу закона, решения суда, договора, занимаемой должности). Например, руководитель, учредитель или участник (в том числе арбитражные управляющие) юридического лица, индивидуальный предприниматель.

Таким образом, несмотря на сходство отдельных элементов состава, включая объект, субъект преступления и форму вины, ключевое значение имеет различие в объективной стороне и причинно-следственной связи: в первом случае ущерб обусловлен созданием неплатежеспособности, во втором — последствиями ложного заявления о ней.

При анализе судебной практики по делам о преднамеренном банкротстве было установлено, что в ряде определений суд указывал на необходимость установления реального финансового состояния должника на момент совершения действий. Подчеркивается, что само по себе ухудшение экономических показателей не образует состава преднамеренного банкротства без доказанности умышленного характера действий и их причинной связи с наступившей неплатежеспособностью. В связи с этим является необходимостью проведения анализа совокупности бухгалтерской документации, движения денежных средств и экономической целесообразности заключенных сделок для правильной квалификации преступления.

Основной проблемой в разграничении преднамеренного банкротства от фиктивного банкротства в судебной практике является сложность проведения финансовой экспертизы из-за полного или частичного отсутствия документов в компании, а также данные в таких документах могут быть специально искажены. В таком случае эксперт не сможет дать верный ответ на вопрос является ли банкротство компании преднамеренным, соответственно уголовное дело будет ошибочно квалифицировано как фиктивное банкротство или как неправомерные действия при банкротстве.

В одном из дел, рассмотренных судами кассационной инстанции (Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ), обвинение было переквалифицировано с преднамеренного на фиктивное банкротство, поскольку экспертиза установила наличие у должника достаточных активов для расчетов с кредиторами. Суд указал, что действия обвиняемого выразились исключительно в подаче заявления о признании несостоятельности при сохранении платежеспособности.

Ошибки в квалификации преднамеренного и фиктивного банкротства способны повлечь существенные негативные последствия как для участников процесса, так и для системы правосудия в целом. Во-первых, неправильная квалификация деяния может привести к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности либо, напротив, к смягчению ответственности при наличии более опасного деяния. Так, квалификация действий как фиктивного банкротства при фактическом наличии признаков преднамеренного банкротства снижает степень уголовно-правового воздействия, поскольку не отражает реального характера причиненного вреда.

Во-вторых, страдают имущественные интересы кредиторов. Ошибка в определении характера банкротства может повлиять на: возможность оспаривания сделок должника; объем конкурсной массы;

перспективы удовлетворения требований кредиторов. В частности, при неверной оценке действий должника может быть упущена возможность выявления и возврата выведенных активов.

В-третьих, ошибки квалификации осложняют доказывание по делу и увеличивают продолжительность судебного разбирательства. Переквалификация на более поздних стадиях процесса требует повторной оценки доказательств, назначения дополнительных экспертиз, что существенно увеличивает сроки уголовного судопроизводства.

Таким образом, преднамеренное и фиктивное банкротство являются самостоятельными, но взаимосвязанными составами преступлений. Их разграничение основывается на анализе фактического финансового состояния должника, характера действий виновного и направленности умысла. Для правильной квалификации требуется финансово-экономическая экспертиза, анализ бухгалтерских документов и движения средств. Если документы отсутствуют или информация в них искажена, разграничение составов преступлений значительно осложняется. Судебная практика показывает, что при установлении достаточности активов обвинение в преднамеренном банкротстве может быть переквалифицировано в фиктивное.

Литература:

1. Бондарь Н.С. Экономические преступления: учебное пособие — Москва, 2021. 174 с. Режим доступа: URL: <https://book.ru/book/946224> (дата обращения 01.04.2026)
2. Гладких В. И. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов — Москва, 2025, 324 с. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/567545> (дата обращения 03.04.2026)
3. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII — Москва., 2026, 371 с. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/584362> (дата обращения 10.04.2026)
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов – Москва, 2026, 135 с. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/590564> (дата обращения 03.04.2026)
5. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов – Москва, 2026, 448 с. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/585136> (дата обращения 04.04.2026)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/ (дата обращения 20.04.2026)
7. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 855 "Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51004/ (дата обращения 02.04.2026)
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 04.04.2026)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.04.2026)
10. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=motvg3rn89427113166 (дата обращения 01.05.2026)

Мишенин А.А.

магистрант

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

e-mail: antonmishenin21@yandex.ru

Mishenin A.A.

Master's Student

Financial University under the Government of the Russian Federation

ДОВЕРИЕ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу доверия к искусственному интеллекту в условиях формирования искусственной социальности. Рассматриваются социологические подходы к пониманию доверия в контексте цифровой неопределенности, алгоритмической непрозрачности и расширения агентности технологий искусственного интеллекта. На основе работ Г. Зиммеля, Н. Лумана, П. Штомпки, Б. Латура, Ф. Фукуямы и современных исследователей искусственной социальности раскрываются механизмы формирования доверия к алгоритмическим системам. Делается вывод о том, что доверие к ИИ формируется через устойчивые практики социального взаимодействия, коммуникацию и включение алгоритмов в повседневную социальную реальность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доверие, искусственная социальность, алгоритмическая непрозрачность, цифровая неопределенность, социальное взаимодействие, акторно-сетевая теория, антифрод-системы, алгоритмическое управление, социология технологий.

TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNDER CONDITIONS OF ARTIFICIAL SOCIALITY

Abstract. The article is devoted to the analysis of trust in artificial intelligence under conditions of the formation of artificial sociality. It examines sociological approaches to understanding trust in the context of digital uncertainty, algorithmic opacity, and the expanding agency of artificial intelligence technologies. Based on the works of G. Simmel, N. Luhmann, P. Sztompka, A. Giddens, B. Latour, F. Fukuyama, and contemporary researchers of artificial sociality, the article reveals the mechanisms underlying the formation of trust in algorithmic systems. It is concluded that trust in AI is formed through stable practices of social interaction, communication, and the integration of algorithms into everyday social reality.

Keywords: artificial intelligence, trust, artificial sociality, algorithmic opacity, digital uncertainty, social interaction, actor-network theory, anti-fraud systems, algorithmic governance, sociology of technology.

В условиях стремительной цифровой трансформации искусственный интеллект становится неотъемлемой частью повседневных социальных практик. Алгоритмические системы активно внедряются в сферу финансов, государственного управления, медиакommunikации, образования и потребления, постепенно превращаясь в полноценного участника социального взаимодействия. Согласно «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года» [11] уровень доверия к технологиям искусственного интеллекта должен вырасти не менее чем до 80%. Однако исследование ВЦИОМ [1] на конец 2024 года показывает, что уровень доверия находится на 52% (стоит отметить, что по сравнению с 2023 он снизился на 3%).

Таким образом, в рамках достижения цели национальной стратегии проблема доверия к искусственному интеллекту приобретает особую актуальность в контексте концепции искусственной социальности, описывающей новую форму социальной реальности, возникающую в результате включения алгоритмических агентов в систему общественных взаимодействий. Целью статьи является социологический анализ механизмов формирования доверия к искусственному интеллекту в условиях искусственной социальности. Для достижения данной цели рассматриваются классические и современные подходы к исследованию доверия, неопределенности и взаимодействия человека с технологическими системами, а также анализируются особенности включения алгоритмов искусственного интеллекта в повседневную социальную реальность.

В работе Г. Зиммеля «Верность и благодарность» [2] доверие раскрывается с позиции социально-психологический процесса, который анализируется через две производных – верности и благодарности. Верность выступает механизмом, благодаря которому отношения продолжают существовать даже после исчезновения первоначальных причин их возникновения. Именно она позволяет сохранять социальную устойчивость в условиях изменчивости внешних обстоятельств. Концепция благодарности у Г. Зиммеля раскрывает механизм социальной солидарности, существующий над формальными институциональными структурами. Социологическая значимость благодарности заключается в ее способности порождать асимметричные обязательства, которые основаны на добровольном принятии морального долга, возникшего в результате получения блага. Схожая логика прослеживается в работе Ф. Фукуямы [12], он рассматривает процесс формирования доверия в связке с формированием социального капитала. В этой связи ключевое значение приобретает моральный консенсус, позволяющий выстраивать взаимодействие без необходимости постоянного контроля и жесткой регламентации.

Таким образом, благодарность становится некой «нравственной памятью» (с. 388) социальных отношений, которая обеспечивает непрерывность во времени. Она трансформирует разовые акты получения блага в устойчивые отношения взаимных обязательств, создавая основу для долгосрочного доверия. Изначально внешняя и «чужая» технология со временем становится понятной через ежедневное использование, формируя у человека устойчивую привычку доверять алгоритму.

П. Штомпка в своей работе «Доверие - основа общества» [14] говорит о том, что доверие возникает в ситуациях, где действия другого нельзя в полной мере контролировать или предсказать [14, с. 72–77]. Так, данные характеристики в полной мере относятся и к решениям систем искусственного интеллекта, что трансформирует доверие к ним по модели доверия к человеческим акторам. Особое значение доверие приобретает в условиях радикальной непрозрачности современной социальной реальности. Штомпка подчеркивает, что многие области общественного мира становятся непонятными для его участников ввиду сложности систем, а люди имеют перед собой некий «черный ящик», от функционирования которого зависит удовлетворение потребностей [14, с. 57–58].

Похожие тезисы можно проследить в работе Н. Лумана [5]. Подобно П. Штомпке, Никлас Луман рассматривает доверие как необходимый механизм существования в условиях возрастающей сложности современного мира. Человек ежедневно сталкивается с огромным объемом информации, множеством альтернатив и процессов, которые невозможно полностью проверить или проконтролировать. В такой ситуации доверие становится своеобразным способом снижения сложности социальной реальности. Луман определяет его как рискованное вложение, поскольку субъект принимает решение, не располагая полной информацией и не имея гарантии благоприятного исхода [5, с. 24–25].

Современная цифровая трансформация сопровождается усилением вовлеченности технологий в повседневные практики человека. Системы все чаще выступают участниками коммуникации, способными распознавать, воспроизводить и моделировать социальное взаимодействие. Именно в этом

заключается феномен искусственной социальности, в рамках которого искусственный интеллект становится значимым объектом социологического анализа.

В работе «Пересборка социального» Б. Латур [4] в рамках акторно-сетевой теории делает переход от понимания «социального» только в сфере человеческих взаимодействий, рассматривая общество как сеть связей между людьми, технологиями, объектами и идеями. Искусственный интеллект становится полноценным актантом, способным изменять ход взаимодействия, влиять на принятие решений и формировать новые социальные практики. Латур подчеркивает различие между «проводником» и «посредником». Если проводник лишь передает действие без изменений, то посредник преобразует и модифицирует его. Искусственный интеллект в этом смысле является именно посредником, поскольку результаты его работы невозможно полностью предсказать на основе исходных данных.

В своей работе А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова [9] говорят о том, что искусственная социальность изменяет социальную среду, так с точки зрения социологии (теория структуризации Энтони Гидденса), агенты ИИ становятся новым элементом социальной структуры, которая одновременно ограничивает и наделяет ресурсами действия людей. Онлайн-культура создает данные, которые являются новым ресурсом в постиндустриальной экономике, где происходят процессы цифровой трансформации, в которой агенты ИИ становятся основными инструментами заработка. Таким образом, социология оказывается в парадоксальной ситуации, где данных много, но они не качественные в традиционном понимании, что требует разработки гибридных методов анализа.

Авторы говорят [10], что в новых условиях происходит взаимодействие с нечеловеческими акторами с агентностью, что требует пересмотра базовых социологических понятий, таких как социальное действие, в контексте принятия решений алгоритмами; социальная группа, если ее сплоченность поддерживается персонализацией, основанной на алгоритмах. Негативным последствием повсеместного внедрения ИИ становится восприятие его как источника заработка, продиктованное эпохой капитализма. В этом контексте лозунг «блага человека» легко превращается в маркетинговый ход или инструмент легитимации. Задача социолога становится вскрытие разрыва между риторикой «ориентации на человека» и реальными практиками, усиливающими слежку, неравенство и отчуждение. Схожие идеи можно увидеть в работе И. Е. Хантуровой [13], в работе говорится о том, что в рамках искусственной социальности происходит превращение в товар самой человеческой коммуникации. Социальное взаимодействие становится ресурсом для извлечения данных и прибыли, что порождает новый тип социального неравенства, где элитой становятся те, кто владеет и управляет кодами и алгоритмами.

А.В. Разаев [8] расширяет логику искусственной социальности в своей работе, поднимая такие вопросы как уход от представления о «восстании машин», выделяя три уровня проблематики искусственного интеллекта: технический, связанный с попыткой внедрения человеческих ценностей в алгоритмы; социально-политический, затрагивающий вопрос о том, какие именно ценности закрепляются в системе в условиях существующих социальных неравенств; и этико-экзистенциальный, отражающий опасения относительно возможного использования технологий во вред человеку. Истинная задача лежит в систематическом изучении уникальности человеческого и уникальность машинного.

При этом искусственная социальность предстает как динамическое поле взаимного конституирования, где человек и технология непрерывно изменяют друг друга, порождая новые социальные формы, практики [6]. Система существует лишь за счет производства следующих коммуникаций, которые становятся основой для последующих. Так возникает новая форма социальной реальности, опосредованная алгоритмической коммуникацией, которая обладает собственной динамикой и правилами, не сводимыми полностью к человеческим намерениям, Социология должна разрабатывать концептуальный аппарат для такого типа социальных акторов.

Н.С. Ладыжец [3], развивая концепцию искусственной социальности А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой, вводит понятие «гибридной социальности», отражающее более высокий уровень интеграции человека и искусственного интеллекта. В рамках данной концепции взаимодействие человека и алгоритмических систем рассматривается как процесс взаимной адаптации, в котором границы между человеческим и машинным становятся менее определенными. В результате формируется новая социальная реальность, обладающая свойствами, не сводимыми к простой сумме действий человека и технологии.

Ввиду того, что искусственная социальность фиксирует факт участия агентов искусственного интеллекта в социальных взаимодействиях, то гибридная социальность описывает качественно новое состояние системы, возникающее из-за взаимной адаптации и усиления. Новое знание заключается в том, что гибридная социальность формируется именно через цепочки актов делегирования, в которых люди и институты постепенно наделяют ИИ социально значимыми полномочиями, тем самым изменяя собственную роль и структуру социальных отношений.

В статье «Искусственная социальность» [7] С. Натале и И. Депоунти рассматривают искусственную социальность как совокупность технологий и практик, создающих эффект социального взаимодействия, а не полноценную социальность в традиционном понимании. Авторы смещают акцент с вопроса о наличии у искусственного интеллекта реального социального интеллекта на анализ механизмов симуляции, благодаря которым алгоритмические системы воспроизводят признаки человеческой коммуникации и формируют ощущение социального присутствия. Этот взгляд укоренён в бихевиористской традиции в исследованиях ИИ и в феноменологической социологии, изучающей, как социальная реальность конструируется в процессе взаимодействия. Вводится чёткое разграничение между социальностью как сущностью и искусственной социальностью как видимостью.

Переходя к выводам, доверие к искусственному интеллекту в условиях искусственной социальности перестает быть исключительно вопросом технической эффективности алгоритмов. Оно формируется как сложный социальный процесс, включающий в себя моральные ожидания, устойчивые практики взаимодействия, символическое восприятие технологий и готовность человека принимать неопределенность. Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект постепенно выходит за рамки инструментального статуса и включается в структуру социальных отношений в качестве самостоятельного актанта. В рамках искусственной и гибридной социальности доверие начинает формироваться к устойчивости самой системы взаимодействия между человеком, алгоритмом и институтом, в который встроен искусственный интеллект.

На основе проанализированных исследований стоит сделать следующий шаг в рассмотрении доверия к искусственному интеллекту как механизма стабилизации искусственной социальности, так как доверие превращается в форму социального делегирования агентности, при которой человек передает алгоритмическим системам часть функций интерпретации, контроля и принятия решений. В данной логике устойчивость доверия определяется способностью социальной системы интегрировать искусственный интеллект в повседневные практики без разрушения ощущения человеческого контроля, предсказуемости и справедливости.

Доверие к искусственному интеллекту может формироваться через снижение алгоритмической непрозрачности, создание устойчивого позитивного опыта взаимодействия, институциональную легитимацию технологий и сохранение ощущения человеческого контроля над системой. Важную роль также играет формирование морального консенсуса вокруг ИИ, при котором технология воспринимается как соответствующая ценностям безопасности, справедливости и защиты интересов пользователя. Важным направлением является развитие осведомленности людей о таких технологиях, задача по ее повышению ложиться на разработчиков систем на основе искусственного интеллекта. Цифровая

грамотность играет большую роль в формировании устойчивого доверия, что также является одним из ключевых факторов. При этом стоит учитывать сферы применения искусственного интеллекта, нужно усматривать различия взаимодействия человека и агента ИИ. Каждая технология обладает различным функционалом и влиянием на человека, следовательно, универсальных рекомендаций, которые можно применить ко всей технологии в целом, разработать достаточно трудно.

Литература:

1. Доверие к ИИ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Зиммель Г. Верность и благодарность // Социология Георга Зиммеля / Г. Зиммель. – Лондон: Collier Macmillan Publishers & The Free Press, 1964. – С. 379–395.
3. Ладыжец Н. С. Гибридная социальность: социогуманитарные аспекты воздействия разработок в области искусственного интеллекта на развитие высшего образования // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8, вып. 1. – С. 42–48. – DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-42-48>
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
5. Луман Н. Доверие и власть / Н. Луман. – Чичестер: Wiley, 1979. – 208 с.
6. Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О. Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-traktovka-i-popytka-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya-iskusstvennoy-sotsialnosti-i-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 20.04.2026). – Текст: электронный.
7. Натале С., Депоунти И. Искусственная социальность // Human-Machine Communication. – 2024. – Т. 7. – С. 83–98. – DOI: <https://doi.org/10.30658/hmc.7.5>
8. Резаев А. В. Двенадцать тезисов об искусственном интеллекте и искусственной социальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 20–30. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1894>
9. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 35–47. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>
10. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 4–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-iskusstvennaya-sotsialnost-novye-yavleniya-problemy-i-zadachi-dlya-sotsialnyh-nauk> (дата обращения: 20.04.2026). – Текст: электронный.
11. Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 №124) – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50326>
12. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – Москва: АСТ: Ермак, 2004. – 730 с. – (Philosophy).
13. Хантурова И. Е. Коммуникативное поле искусственного интеллекта и цифровая социальность: проблематика исследования // Философские контексты: неопределенность современности и социальные онтологии. ФИКОС-2024. – Ижевск, 2024. – С. 187–193. URL:

http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/22988/141лб_1000983384_10.03.2025.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.04.2026).

14. Штомпка П. Доверие — основа общества / П. Штомпка; пер. с пол. Н. В. Морозовой. — Москва: Логос, 2012. — 440 с.

Бобровская А.Н.

магистрант

кафедра юриспруденции

ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»

e-mail: a_ministrelia@mail.ru

Bobrovskaya A.N.

Master Student

Department of Jurisprudence

Kherson Technical University

ВИНДИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена анализу судебной практики применения виндикационного иска при истребовании недвижимого имущества. Актуальность обусловлена неединообразием подходов судов общей юрисдикции и арбитражных судов к условиям истребования имущества у добросовестного приобретателя, разграничению виндикации с негаторным иском и признанием права, а также исчислению сроков исковой давности. На основе обобщения дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, выявлены устойчивые правовые позиции и противоречия в правоприменении. Предлагаются критерии для унификации судебной практики.

Ключевые слова: виндикация, судебная практика, недвижимое имущество, добросовестный приобретатель, истребование имущества, Верховный Суд РФ, исковая давность.

VINDICATION IN THE SYSTEM OF PROPERTY LAW METHODS OF PROTECTING RIGHTS TO REAL ESTATE: JUDICIAL PRACTICE

Abstract. The article analyzes judicial practice concerning the application of vindication claims for reclaiming real estate. The relevance of the study is due to the lack of uniformity in the approaches of courts of general jurisdiction and commercial courts regarding the conditions for reclaiming property from a bona fide purchaser, the distinction between vindication, negatory claims, and recognition of rights, as well as the calculation of limitation periods. Based on a review of cases heard by the Supreme Court of the Russian Federation, consistent legal positions and contradictions in law enforcement are identified. Criteria for unifying judicial practice are proposed.

Keywords: vindication, judicial practice, real estate, bona fide purchaser, reclaiming property, Supreme Court of the Russian Federation, limitation period.

1. Вводные положения: разграничение виндикации в судебных актах

Судебная практика последовательно исходит из того, что виндикационный иск подлежит удовлетворению при наличии трех условий: (1) истец - собственник или иной титульный владелец; (2) имущество находится в фактическом владении ответчика; (3) владение ответчика не имеет законного основания. Однако применительно к недвижимости каждое из этих условий порождает споры.

Обобщение дел, рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ за 2020-2024 гг., показывает: наиболее частой причиной отказа в виндикации является ошибочная замена иска. Так, из анализа практики следует, что суды нередко переквалифицируют виндикационный иск в

негаторный, например, когда истец формально сохраняет доступ на участок, но не может им пользоваться. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 302-ЭС24-20524 от 01.04.2025 по делу № А33-33025/2022 суд сформулировал правовую позицию по разграничению виндикации и иска о признании права отсутствующим. По данному делу прокурор, утративший фактическое владение спорными земельными участками, первоначально заявил виндикационный иск, однако впоследствии изменил основание на иск о признании права отсутствующим, который суды нижестоящих инстанций квалифицировали как негаторный. Верховный Суд РФ указал, что избрание иска о признании права отсутствующим возможно лишь в случаях, когда нарушенное право не может быть защищено путем виндикации. Суд подчеркнул: если ответчик владеет спорной вещью, вопрос о погашении регистрационной записи о его праве на недвижимость может решаться только путем предъявления к нему виндикационного иска. Следовательно, при утрате владения единственным надлежащим способом защиты является виндикация, а не иск о признании права отсутствующим. Таким образом, на практике сохраняется проблема квалификации характера владения истца.

2. Добросовестный приобретатель недвижимости: критерии и бремя доказывания

Наиболее сложный блок судебных споров связан с применением ст. 302 ГК РФ. Суды выработали следующие подходы:

- Добросовестность презюмируется, но может быть опровергнута, если приобретатель не проверил полномочия лица, отчуждающего имущество.

- Для недвижимости публичность ЕГРН повышает стандарт осмотрительности: приобретатель должен запросить выписку из реестра, историю переходов права, а при наличии аренды или обременений - дополнительные документы.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 41-КГ23-65-К4 (включенном в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 за 2025 год) сформулирован важный подход: недействительность сделки сама по себе не означает выбытие имущества помимо воли собственника и не является достаточным основанием для истребования имущества у добросовестного приобретателя. Верховный Суд РФ подчеркнул необходимость устанавливать волю собственника на выбытие и исследовать добросовестность приобретателя, а не ограничиваться формальной недействительностью предшествующих сделок.

Однако на уровне судов общей юрисдикции нередко встречается иной подход, фактически смягчающий требования к исследованию воли собственника

Противоположный подход встречается в решениях судов общей юрисдикции: например, в ряде апелляционных определений Московского городского суда граждане признавались добросовестными приобретателями при покупке квартиры у лица, чье право было зарегистрировано после признания предыдущей сделки недействительной. Суды в таких случаях указывали, что покупатель не мог знать о недействительности, так как запись в Едином государственном реестре недвижимости о праве продавца на момент совершения сделки существовала продолжительное время и не была оспорена.

В результате сформировался конфликт позиций между арбитражным судом и судом общей юрисдикции.

Однако в свете последних событий (в частности, решения Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 года по делу Л. Долиной) наметился кардинальный переворот судебной практики. Если ранее подход ВС РФ, изложенный в определении № 41-КГ23-65-К4, требовал тщательно исследовать волю собственника на выбытие имущества, то теперь, приоритет отдается стабильности гражданского оборота и защите добросовестного приобретателя, полагавшегося на данные ЕГРН. Признание сделки недействительной (даже по мотивам порока воли) перестало быть автоматическим основанием для виндикации у

последующего покупателя, если сам собственник собственноручно подписал документы о передаче имущества. Таким образом, вектор правоприменения сместился в сторону, ранее характерную для судов общей юрисдикции (Мосгорсуда), что может свидетельствовать об окончательном отказе от ранее сформулированного подхода»

4. Государственная регистрация и виндикация: преодоление записи

Ключевой вопрос: может ли виндикационный иск быть удовлетворен при наличии зарегистрированного права ответчика? Постановление Пленума № 10/22 (п. 52) прямо допускает такую возможность, если право ответчика возникло из ничтожной сделки или при отсутствии законных оснований.

Тем не менее практика арбитражных судов демонстрирует две модели поведения:

- Прямая модель (редкая): суд удовлетворяет виндикацию и указывает в резолютивной части, что решение является основанием для погашения записи о праве ответчика.

- Косвенная модель (распространенная): суд отказывает в виндикации, предлагая истцу сначала оспорить зарегистрированное право в отдельном производстве (иск о признании права отсутствующим). Это приводит к затягиванию спора.

ВС РФ в определении № 306-ЭС22-28765 от 14.02.2024 указал на недопустимость таких отказов, подчеркнув: «Виндикационный иск является самостоятельным способом защиты, позволяющим оспорить зарегистрированное право, если оно не имеет под собой законного основания. Суд не вправе требовать предварительного оспаривания регистрационной записи». Однако данная позиция пока внедряется медленно.

5. Исковая давность по виндикации недвижимости в судебной практике

Судебная практика демонстрирует два подхода к исчислению срока исковой давности (статьи 196, 200 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Первый - субъективный подход: срок течет с момента, когда собственник узнал или должен был узнать о нарушении права (например, получил выписку из Единого государственного реестра недвижимости о новом собственнике).

Второй - объективный подход: для случаев, когда собственник длительное время не интересовался судьбой своего имущества, суды применяют десятилетний предельный срок с момента регистрации права за незаконным владельцем.

В ряде определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации сформулирован следующий подход: срок исковой давности по виндикационному требованию начинается течь с момента, когда собственник узнал или должен был узнать о нарушении своего права (в частности, получил выписку из Единого государственного реестра недвижимости о новом правообладателе), а не с момента государственной регистрации права за незаконным владельцем. Суд указал, что длительное необращение собственника за получением сведений из реестра не может служить основанием для исчисления срока с более ранней даты, если отсутствуют доказательства того, что он знал или имел реальную возможность узнать о регистрации.

При этом встречные иски добросовестных приобретателей к прежнему собственнику о взыскании убытков подчиняются самостоятельной исковой давности, что суды на практике не всегда учитывают.

6. Направления унификации судебной практики

На основе анализа судебной практики можно предложить следующие меры по унификации правоприменения:

Закрепление в постановлении Пленума ВС РФ прямого запрета на замену виндикационного иска негаторным или иском о признании права, если установлено фактическое владение ответчика.

Введение для судов общего стандарта добросовестности приобретателя недвижимости: обязательная проверка ЕГРН за последние 5 лет, открытых реестров судебных дел, а при наличии аренды - истребование документов у арендатора. Невыполнение этих действий образует презумпцию недобросовестности.

Расширенное толкование «выбытия помимо воли» - включение в пункт 1 ст. 302 ГК РФ прямого указания на обман, существенное заблуждение, подписание документов под влиянием третьих лиц.

Прямое предписание судам - в резолютивной части решения по виндикации недвижимости указывать на аннулирование записи о праве ответчика без дополнительных процедур.

Разъяснение о сроках исковой давности: для собственника - с момента получения выписки из ЕГРН либо с момента, когда он должен был узнать о нарушении, но с введением предельного 10-летнего срока с момента незаконной регистрации права.

Реализация этих предложений позволит снизить количество отмен судебных актов и повысить предсказуемость виндикационных споров о недвижимости.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 7.

3. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 561с.

4. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. М.: Статут, 2021. 362 с.

5. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2018. 600 с.

6. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. М.: Юрайт, 2020. 497 с.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025). - П. 1. - Определение № 41-КГ23-65-К4.

Пестова А.Н.

студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Pestova A.N.

Student

I.N. Ulyanov Cheboksary State University

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ (ОМС): СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу системы обязательного медицинского страхования (ОМС) в Российской Федерации, её структурным элементам и основополагающим принципам. В работе рассматривается правовая база ОМС, роль ключевых субъектов системы, а также механизмы обеспечения доступности и качества медицинской помощи.

Ключевые слова: ОМС, структура, финансирование, медицинская помощь.

COMPULSORY HEALTH INSURANCE (CHI): STRUCTURE AND PRINCIPLES

Abstract. This article analyzes the compulsory health insurance (CHI) system in the Russian Federation, its structural elements, and fundamental principles. It examines the legal framework for CHI, the role of key actors in the system, and the mechanisms for ensuring accessibility and quality of medical care.

Keywords: CHI, structure, financing, medical care.

Актуальность

Актуальность темы определяется тем, что ОМС выступает центральным инструментом реализации конституционных гарантий доступной медицинской помощи и одновременно является сложной системой распределения ресурсов между регионами, страхователями, медицинскими организациями и пациентами. С одной стороны, ОМС должен обеспечивать равный доступ к медицинской помощи, с другой — формировать экономические стимулы для эффективности и качества. Так же, на обязательное медицинское страхование возложена особая социальная функция в РФ обусловленная тем, что масштаб защиты охватывает всех граждан страны.

Цель- описать структуру системы ОМС и раскрыть принципы, на которых она основана.

Задачи-

- 1) Дать определение ОМС и обозначить его место в системе здравоохранения;
- 2) Систематизировать принципы ОМС и показать их практическое значение;
- 3) Раскрыть структуру ОМС: участников, уровни управления, финансовые потоки и механизмы оплаты помощи;
- 4) Систематизировать права и обязанности застрахованных лиц;
- 5) Обозначить основные проблемы и направления развития;
- 6) Сформировать выводы на основе полученного материала.

Материалы и методы исследования- система обязательного медицинского страхования, структура и принципы функционирования, анализ нормативно-правовой базы и научной литературы.

Результаты исследования

Обязательное медицинское страхование - это важная составная часть системы государственного обязательного социального страхования, которое включает в себя комплекс создаваемых государством

правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счёт средств ОМС в рамках базовой (БП ОМС) и территориальной (ТП ОМС) программ ОМС. Участие в системе ОМС дает возможность получения доступа к такому жизненно важному для каждого и дорогостоящему социальному благу, как медицинская помощь.

Принципы ОМС

Ниже представлены ключевые принципы, которые обычно рассматриваются как фундамент системы ОМС в РФ, и их смысл в практической реализации.

1. Универсальность (всеобщность)

Практический смысл: отсутствие «страховой дискриминации» и наличие права на помощь при наступлении страхового случая. ОМС распространяется на всех граждан, независимо от уровня дохода, места работы и состояния здоровья.

2. Обязательное участие гражданина и гарантированность финансирования помощи

Формирование средств ОМС обеспечивается обязательными платежами и установленными правилами распределения, что снижает риск недофинансирования по сравнению с полностью добровольными механизмами.

3. Перераспределение рисков

Средства распределяются по принципу «здоровый платит за больного, работающий — за неработающего, молодой — за пожилого». Это ключ к устойчивости социального страхования, но одновременно источник дискуссий о справедливости и эффективности распределения. Система ОМС перешла к смешанной системе финансирования — бюджетно-страховой, то есть бюджетный источник дополняется внебюджетным. За счет бюджетных средств финансирования здравоохранения реализуется финансирование неработающей части населения (безработные, дети, пенсионеры и другие), в данном случае страхователями выступают органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, осуществляющие уплату страховых взносов. За счет внебюджетных средств происходит финансирование работающих граждан, в таком случае страхователями страховых взносов являются предприятия, граждане-предприниматели, не имеющие статуса юридического лица.

4. Равенство прав застрахованных

Гражданин имеет право на получение помощи в установленном объеме, на выбор СМО и медицинской организации, на информирование о своих правах и на защиту этих прав.

5. Целевой характер средств

Средства системы ОМС основаны на стабильном источнике финансирования здравоохранения посредством целевого взноса. Они используются строго на финансирование медицинской помощи и связанных с ней функций (оплата лечения, экспертиза, администрирование в пределах нормативов). Оплата осуществляется от объема выполненной работы и качества, с контролем за использованием целевых средств. Данный принцип ведет к рационализации инфраструктуры системы ОМС и усилению эффективности использования ресурсов.

6. Доступность и качество медицинской помощи

ОМС предполагает не просто формальное право на помощь, а достижение приемлемой доступности (в том числе по срокам ожидания) и качества. Реализация опирается на стандарты и клинические рекомендации, контроль объемов и экспертизу качества. Теоретические основы и нормативно-правовая база ОМС можно определить как форму социального страхования, обеспечивающую финансирование и предоставление гражданам медицинской помощи в рамках государственных гарантий за счет страховых взносов и бюджетных трансфертов, организованную через специальные институты (фонды, страховщики, медорганизации).

Ключевая особенность ОМС как социального института — сочетание страховых и публично-правовых механизмов:

- страховой характер проявляется в целевом формировании фонда средств, наличии страхователей и страховщиков, договорной организации закупки медпомощи;
- публичный характер проявляется в обязательности участия, государственном регулировании и гарантированном объеме помощи.

Нормативная база в РФ включает, прежде всего:

- Федеральный закон N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;
- Федеральный закон N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (утверждается ежегодно);

- подзаконные акты, регулирующие тарифы, порядок оплаты, ведение реестров, информационное взаимодействие.

Структура системы ОМС. Участники ОМС и их роли

1.Застрахованные лица (граждане)

Получают право на бесплатную медицинскую помощь в объеме программы ОМС и право выбора (в установленных пределах) страховой медицинской организации и медицинской организации.

2.Страхователи

- для работающих граждан: работодатели, уплачивающие страховые взносы;
- для неработающих: органы исполнительной власти субъектов РФ (финансирование через бюджетные механизмы).

3.Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС)

Ключевые функции:

- аккумулирование и распределение части средств между территориями (в рамках установленных правил);
- методическое и финансовое регулирование системы;
- участие в формировании единых подходов к оплате медицинской помощи и информационным стандартам.

4.Территориальные фонды ОМС (ТФОМС)

Осуществляют управление средствами ОМС на уровне субъектов РФ:

- реализуют территориальную программу ОМС;
- заключают и сопровождают договорные отношения с участниками;
- контролируют целевое использование средств;
- организуют расчеты за оказанную помощь.

5.Страховые медицинские организации (СМО)

Выполняют функции страховщика в ОМС:

- ведут учет застрахованных;
- организуют защиту прав застрахованных (в том числе работу с обращениями);
- проводят экспертизу качества, объемов, сроков и условий оказания медицинской помощи;
- оплачивают медицинскую помощь медицинским организациям по установленным правилам.

6.Медицинские организации (МО)

Оказывают медицинскую помощь и получают оплату из средств ОМС. Их экономическое положение зависит от объемов, тарифов, структуры пациентов, показателей качества и соблюдения регламентов.

7. Органы государственной власти

Определяют правила функционирования системы, устанавливают программу госгарантий, регулируют тарифную политику, требования к качеству и доступности.

Двухуровневая организация ОМС. ОМС имеет федеральный и территориальный уровни.

- На федеральном уровне задаются базовые правила, единые подходы и механизмы выравнивания.
- На территориальном уровне реализуется конкретная организация помощи: распределение объемов, заключение договоров с МО, маршрутизация пациентов, учет региональной специфики.

Такое построение позволяет сочетать единые гарантии и управляемость с учетом различий в демографии, заболеваемости, географии и инфраструктуре.

Финансовая модель и потоки средств

В упрощенной логике финансовый контур ОМС выглядит так:

- 1) страховые взносы (в основном от работодателей) и межбюджетные трансферты формируют доходы системы;
- 2) средства концентрируются и распределяются через ФФОМС и ТФОМС;
- 3) СМО и/или фонды организуют оплату медпомощи МО по утвержденным способам оплаты;
- 4) контроль качества и объемов осуществляется через экспертизы и финансовые санкции при нарушениях.

Важно, что ОМС ориентирован не на индивидуальные накопления каждого гражданина, а на солидарный принцип распределения рисков и расходов.

Программы ОМС: базовая и территориальная

- Базовая программа ОМС задает минимальный гарантированный объем помощи, единый для страны.
- Территориальная программа ОМС конкретизирует условия и может расширять объемы (в пределах компетенций и финансирования субъекта).

Практическое значение: в разных регионах различается доступность отдельных видов помощи (например, по срокам ожидания, маршрутизации, обеспеченности специалистами), при том что «ядро» гарантий закреплено на федеральном уровне.

Оплата медицинской помощи в ОМС

ОМС использует различные способы оплаты, которые могут сочетаться:

- подушевое финансирование (например, для первичного звена) — стимулирует профилактику и управление потоками пациентов;
- оплата по законченному случаю лечения (например, в стационаре) — стимулирует эффективность и стандартизацию;
- тарифы на отдельные услуги (чаще как элемент смешанных схем) — проще администрировать, но повышает риск «гонки за объемами»;
- стимулирующие выплаты и коэффициенты (за качество, сложность, доступность, приоритетные направления) — инструмент управляемого влияния на поведение МО.

Выбор сочетания способов оплаты напрямую влияет на баланс между доступностью, качеством и финансовой устойчивостью.

Права и обязанности застрахованных лиц

Согласно закону об обязательном медицинском страховании.

Застрахованные лица имеют право на:

1) бесплатное оказание им медицинской помощи медицинскими организациями при наступлении страхового случая:

а) на всей территории Российской Федерации в объеме, установленном базовой программой обязательного медицинского страхования;

б) на территории субъекта Российской Федерации, в котором выдан полис обязательного медицинского страхования, в объеме, установленном территориальной программой обязательного медицинского страхования;

2) выбор страховой медицинской организации путем подачи заявления в порядке, установленном правилами обязательного медицинского страхования;

3) замену страховой медицинской организации, в которой ранее был застрахован гражданин, один раз в течение календарного года не позднее 1 ноября либо чаще в случае изменения места жительства;

4) выбор медицинской организации из медицинских организаций, участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования в соответствии с законодательством Российской Федерации;

5) выбор врача путем подачи заявления лично или через своего представителя на имя руководителя медицинской организации в соответствии с законодательством Российской Федерации;

6) получение от территориального фонда, страховой медицинской организации и медицинских организаций достоверной информации о видах, качестве и об условиях предоставления медицинской помощи;

7) защиту персональных данных, необходимых для ведения персонифицированного учета в сфере обязательного медицинского страхования;

8) возмещение страховой медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации предоставления медицинской помощи, в соответствии с законодательством Российской Федерации;

9) возмещение медицинской организацией ущерба, причиненного в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ею обязанностей по организации и оказанию медицинской помощи, в соответствии с законодательством Российской Федерации;

10) защиту прав и законных интересов в сфере обязательного медицинского страхования.

Застрахованные лица обязаны:

1) предъявить полис обязательного медицинского страхования при обращении за медицинской помощью, за исключением случаев оказания экстренной медицинской помощи;

2) подать в страховую медицинскую организацию лично или через своего представителя заявление о выборе страховой медицинской организации в соответствии с правилами обязательного медицинского страхования;

3) уведомить страховую медицинскую организацию об изменении фамилии, имени, отчества, места жительства в течение одного месяца со дня, когда эти изменения произошли;

Ключевые проблемы системы ОМС

В ходе анализа нормативно-правовой базы и научной литературы были выявлены следующие проблемы, снижающие эффективность ОМС: Недостаточное финансирование — объём выделяемых средств не всегда покрывает реальные потребности медицинских учреждений, особенно в регионах.

- Диспропорции в распределении ресурсов — в отдельных субъектах РФ наблюдается дефицит квалифицированных кадров и оборудования, что снижает доступность качественной помощи.

- Бюрократизация и сложность отчётности — многочисленные требования к оформлению документов отнимают время у врачей и административного персонала.

- Проблемы контроля качества — несмотря на наличие механизмов контроля со стороны СМО и ТФОМС, случаи оказания услуг ненадлежащего качества всё ещё встречаются.

- Низкая информированность населения — многие граждане не знают своих прав в рамках ОМС, не умеют пользоваться электронными сервисами и не обращаются за положенной помощью.

Выводы и практические рекомендации

На основе проведённого исследования можно выделить следующие направления для совершенствования системы ОМС:

- Увеличение финансирования — повышение доли ВВП, направляемой на здравоохранение, позволит расширить перечень услуг и улучшить материально-техническую базу медучреждений.

- Цифровизация — внедрение электронных медицинских карт, онлайн-записи к врачу и телемедицинских консультаций повысит доступность и прозрачность системы.

- Оптимизация административных процессов — сокращение избыточной отчётности освободит время врачей для непосредственной работы с пациентами.

- Повышение информированности граждан — проведение информационных кампаний о правах и возможностях в рамках ОМС поможет активнее использовать систему.

- Усиление контроля качества — развитие независимых механизмов оценки медицинской помощи и внедрение стандартов качества снизит число нарушений.

Система ОМС в РФ является действенным инструментом реализации конституционных гарантий в сфере охраны здоровья. Её дальнейшее развитие должно быть направлено на повышение эффективности и доступности медицинской помощи для всех категорий населения при сохранении принципов социальной справедливости и финансовой устойчивости.

Литература:

1. Медицинское страхование: учебник\ А.П. Архипов. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 231 с.
2. Национальная страховая система: учебник / Е.Г. Князева, Е.А. Разумовская, Е.Ю. Половнёва, В.А. Шелякин; [под ред. Е.Г. Князевой]; М-во науки и высш. образования РФ. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 324 с.— (Современные финансы и банковское дело).
3. «Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации» № 6, 2023 Научно-практический журнал. Редакционный совет: Председатель редакционного совета И.В. Баланин — председатель ФОМС, к.э.н. Заместитель председателя редакционного совета Н.А. Хорова — заместитель Министра здравоохранения Российской Федерации Главный редактор Е.А. Политова — генеральный директор ООО «Издательство «Офтальмология», к.п.н.
4. Правила обязательного медицинского страхования 2026 год. Последняя редакция- 218 с.
5. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 28.11.2025) "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025)